Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№3

2022

Center for Research and analytics,
Foundation for historical outlook

Perspectives and prospects

E-journal

№3

2022

ISSN 2411-3417

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Foundation for Historical Outlook
Center for Research and Analytics

Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». №3 (30)
E-journal «Perspectives and prospects». №3 (30)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год
Published since 2015. Published 4 times a year

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Е.А. Нарочницкая — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы РАН

Ответственный секретарь
А.В. Щербина — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

Члены редколлегии
Н.А. Нарочницкая — д-р ист. наук, президент Фонда исторической перспективы; иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ.
Е.Н. Рудая — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.
В.Г. Федотова — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.
Л.Н. Шишелина — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.
П.П. Яковлев — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Editorial Board:

Editor in chief
E. Narochnitskaya — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Department of country studies, Institute of Europe RAS

Executive secretary
A. Scherbina — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook

Members of the editorial board
N. Narochnitskaya — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation
E. Rudaya — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook
V. Fedotova — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS
L. Shishelina — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, RAS.
P. Yakovlev — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Москва
2022

Содержание:

Россия и современный мир

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Россия и Америка в XXI в.: логика цивилизационного противостояния 7

Петр ЯКОВЛЕВ. Российская экономика в условиях меняющегося мироустройства: вызовы и ответы 27

Екатерина ЛАБЕЦКАЯ. Арктика: конец аллюзии, или Белое Безмолвие гибридной войны 43

Европейские страны в региональных и глобальных процессах

Наиля ЯКОВЛЕВА. НАТО после мадридского саммита (к 40-летию участия Испании в Североатлантическом альянсе) 54

Ладислав ЗЕМАНЕК. Перестройка или катастройка? Радикализация чешской либеральной политики в международном контексте 67

Американские досье

Наталья ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ. Микроагрессия — формирующаяся матрица общественных отношений американского социума 81

Исторический компас

Антон КРУТИКОВ. «Вольным воля»: Великое княжество Литовское и Москва в конце XIV — середине XV вв. 99

Authors 117

Abstracts and Keywords 118

Contents:

Russia and the Modern World

Vladimir VASILIEV. Russia and America in the 21st Century: The Logic of Civilizational Clash 7

Petr YAKOVLEV. Russian Economy in the Context of a Changing World Order: Challenges and Responses 27

Ekaterina LABETSKAYA. The Arctic: The End of an Allusion, or the White Silence of Hybrid War 43

European Countries in Regional and Global Developments

Nailya YAKOVLEVA. NATO after the Madrid Summit (to the 40th Anniversary of Spain's Membership in the North Atlantic Alliance) 54

Ladislav ZEMÁNEK. Perestroika or Catastroika? Radicalization of Czech Liberal Policy in the International Context 67

American Dossiers

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV. Microaggression — an Emerging Matrix of Social Relations in American Society 81

Historical Compass

Anton KRUTIKOV. "The Free Will": The Grand Duchy of Lithuania and Moscow in the Late 14th to mid-15th Centuries 99

Authors 117

Abstracts and Keywords 118

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-7-26
УДК 94; 327

Владимир Васильев

Россия и Америка в XXI в.: логика цивилизационного противостояния

Аннотация. *Российско-американские отношения анализируются в ретроспективном историческом контексте, трактуемом как процесс прогрессирующего сближения двух цивилизаций, начиная с установления дипломатических отношений между двумя странами в 1807 г. Первоначальные этапы их сближения характеризовались значительной степенью иллюзорно-идеалистического восприятия, основанного на представлении о наиболее близких «по духу» христианских народах. Однако в XX в. ярко выраженная полярность политических и социально-экономических систем США и СССР предопределила острейшие формы конфронтации между ними, вплоть до балансирования в отдельные периоды «на грани ядерной войны». Распад СССР в 1991 г. породил эйфорию предполагаемой быстрой конвергенции американского и российских обществ, которая быстро развеялась под влиянием начавшегося взаимопроникновения «духовных ядер» двух типов мирового цивилизационного развития. Последовательный исторический процесс сближения России и Америки по оси «цивилизационная периферия — цивилизационное ядро» выявил фундаментальную противоположность и даже антагонистичность их цивилизационных «генетических кодов». В условиях сложившихся в последние 30 лет дисбалансов в распределении геополитических и геоэкономических сил между Россией и США объективной модальностью российско-американских отношений стали взаимосвязи «имперского центра» и «колониальной периферии».*

Ключевые слова: *российско-американские отношения, Россия, США, дипломатические отношения, цивилизационное взаимодействие, цивилизационное противостояние.*

Начало российской спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. ознаменовало наступление фундаментально нового периода в системе международных отношений, сопоставимого по своей значимости и последствиям с тектоническими сдвигами в геополитической расстановке сил, произошедшими в начале 1990-х годов после распада СССР. На смену холодной войне 2.0 [Abrams], характеризовавшей российско-американские отношения в 2020 — начале 2022 гг., пришли политизированные оценки событий на Украине высшим руководством США и Европейского союза и объявление западными странами «тотальной» экономической войны России, что послужило основой для начала «горячей фазы» противостояния России и «коллективного Запада». Все это побудило

Сведения об авторе: *ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутриэкономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.*

американских теоретиков международных отношений проанализировать истоки и последствия событий на Украине с точки зрения господствующих западных теорий и школ.

Основную направленность научно-методологического и теоретического осмысления военного конфликта на Украине задал видный теоретик международных отношений, проф. Гарвардского университета С. Уолт, являющийся последовательным критиком внешней политики демократических администраций Б. Обамы — Дж. Байдена и Дж. Байдена — К. Харрис и поборником теории реализма в анализе международных отношений. Эта теоретическая школа получила широкое распространение среди американских специалистов по международным отношениям сразу же после окончания Второй мировой войны. Ее представители «пытались понять феномен исторического постоянства войн», и на протяжении второй половины XX в. реалистическая теория оставалась наиболее влиятельной концепцией международных отношений, поскольку именно она «наиболее адекватным образом объясняла постоянное состояние войны, в котором примерно с 1948 по 1991 г. находились Соединенные Штаты и Советский Союз» [Cox, Campanaro, p. 108].

Военный конфликт на Украине, имеющий потенциал постепенного перерастания в прямое военное столкновение между Россией и НАТО, вдохнул вторую жизнь в базовые теоретические постулаты реалистической школы международных отношений. С. Уолт сделал особый акцент на этом обстоятельстве, подчеркнув, что «все варианты реалистической теории международных отношений изображают мир, в котором нет института или международной организации, способных защитить государства друг от друга, и где государства сами должны беспокоиться о том, не станет ли в какой-то момент в будущем им угрожать опасный агрессор. Эта ситуация заставляет государства, особенно великие державы, уделять повышенное внимание своей безопасности и бороться за усиление своих позиций в системе международных отношений» [Walt].

Стремление использовать инструменты силовой политики, напомнил С. Уолт, тесно связано с «дилеммой безопасности», которая стоит и перед отдельными государствами, и перед союзами государств, стремящимися обеспечить свою безопасность. Эта дилемма в общем и целом так и не была удовлетворительно решена ни после Второй мировой войны, ни после завершения холодной войны в начале 1990-х годов. В трактовке С. Уолта «дилемма безопасности» выглядит чрезвычайно просто и сводится к тому, что «шаги, которые предпринимает одно государство для обеспечения своей безопасности, оборачиваются ослаблением безопасности другого государства или других государств» [Walt]. Спецоперация на Украине, начатая 24 февраля 2022 г., явилась российской реакцией на политику «открытых дверей» НАТО для повышения степени коллективной безопасности стран альянса за счет значительного ослабления безопасности России, неизбежного в случае вступления Украины и Грузии, а также других европейских стран в НАТО.

Военный конфликт на Украине отчетливо показал несостоятельность либеральной школы и теории международных отношений, поборники которой до недавнего вре-

мени всерьез полагали, что крупный военный конфликт на Европейском континенте более невозможен, поскольку расширение НАТО на восток создает «обширную зону мира». Фундаментальное различие реалистической и либеральных школ и теорий международных отношений сводится к тому, что теоретики либерального миропорядка по сути проецируют государственные системы обеспечения национальной безопасности на систему межгосударственных отношений, которая по их представлениям является ее логическим следствием и продолжением, в то время как поборники школы реализма исходят из противоположных воззрений, полагая, что межгосударственные отношения имеют свою логику и закономерности, несводимые к национальным системам обеспечения государственной безопасности.

Организующим принципом либерального миропорядка является взаимозависимость, которая «уменьшает международные конфликты, поощряя гармонию интересов, т. е. формирует систему общих целей, достижение которых возможно через различного рода формы международного сотрудничества». В общем и целом либеральный миропорядок базируется на идее, что «либеральные демократии с либеральными демократиями не воюют», что является также краеугольным камнем теории «демократического миропорядка» [Cox, Campanaro, p. 96]. Как отметил в этой связи ведущий американский теоретик либеральной школы международных отношений, проф. Принстонского университета Д. Айкенберри, либеральный интернационализм «предлагает видение миропорядка, в котором суверенные государства, ***ведомые либеральными демократиями*** (выделено мной. — *В.В.*), сотрудничают ради взаимных выгод и обеспечения безопасности в системе слабо регламентированных правовых норм международных отношений» [Ikenberry, p. 13].

Цивилизационная модель российско-американских взаимоотношений

С рационально-логической точки зрения взаимосвязи в рамках реалистической и либеральной школ международных отношений могут быть представлены в виде формул, в которых состояние войны является производным от параметра национальной безопасности, а состояние мира — производным от параметра организации политической системы, в вышеприведенном случае — от степени глобального распространения режима либеральной демократии. Таким образом, в более широком плане формально-абстрактное моделирование российско-американских взаимоотношений основано на выявлении взаимосвязей между зависимыми переменными, в данном случае отношениями, и независимыми переменными, трактуемыми как константы в пространственно-временном континууме. Иными словами, отношения предстают в качестве переменных, функционально зависимых от постоянных детерминант.

В ретроспективном контексте смены (нередко революционной) общественных институтов, политических режимов и даже социально-экономического строя как такового встает проблема вычленения сравнительно устойчивой в потоке исторического времени человеческой общности, которую можно описать как *локальную (региональную) цивилизацию.* Согласно устоявшемуся определению, локальная цивилизация

(в данном случае — российская, или православно-славянская [Василенко, с. 163–208], и американская, или североамериканская (США и Канада) [Кузык, Яковец, т. II, с.69]) представляет собой «локализованное во времени и пространстве мегаобщество как самобытный социоисторический организм и определенный вид социально-культурной среды обитания. Она создается деятельностью народа как ее субъектом на основе совокупных достижений в развитии общества и культуры. Характеризуется присущими данной социально-культурной среде обитания определенными ценностными установками и ориентациями людей, своеобразным видом их бытия и жизнедеятельности, обычаями их поведения и нормами образа жизни» [Пазюк, Ефимова, Кубрина, с.33]. По авторитетному мнению Б.Н. Кузыка и Ю.В. Яковца, локальные цивилизации, как важнейшие составные части глобального сообщества, различаются «по системе цивилизационных ценностей, условиям обитания и деятельности, историческому опыту. Они также проходят через определенные этапы исторического пути — смену поколений локальных цивилизаций и фаз жизненного цикла каждой цивилизации и каждого их поколения» [Кузык, Яковец, т. I, с. 88].

Функциональная трактовка российско-американских взаимоотношений, таким образом, должна основываться на системе пространственно-временных координат. Иными словами, эти взаимоотношения носят динамический характер, зависящий от пространственно-временной удаленности России от Америки и наоборот Современный научно-технический прогресс, начавшийся с промышленного переворота в Англии в последней трети XVIII — первой половине XIX вв., способствовал постепенному «пространственному сближению» России и Америки, а революция в информационно-коммуникативных технологиях, которая стала набирать обороты в последней трети XX столетия, послужила основой формирования глобального информационного пространства, сблизившего потоки «исторического времени» двух стран (безотносительно к векторам их направленности).

В итоге, начиная примерно со второй половины 1980-х годов, периферийное взаимодействие североамериканской и православно-славянской цивилизаций, характеризовавшее российско-американские отношения с начала XIX в. и вплоть до окончания периода холодной войны между СССР и США в начале 1990-х годов, во все большей степени стало отходить на второй план, уступая место взаимодействию духовных ядер двух цивилизаций, главным образом — в виде трансформации духовного ядра православно-славянской цивилизации под влиянием растущей американизации российского общества как на уровне базовых цивилизационных ценностей, так и на уровне «шоковой терапии» в духе идей «плюралистической» либеральной демократии и канонов «свободного рынка».

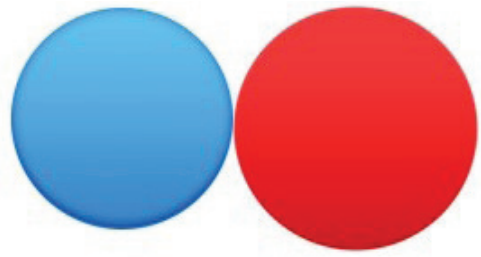
В самой общей форме цивилизационное сближение Америки и России отражено на схеме (рис.1).

Формы цивилизационного взаимодействия России и Америки в XI–XXI вв.

Американская цивилизация Российская цивилизация

XIX в.: идеализация межцивилизационных отношений.
Родственный характер «американской мечты» и «русской идеи» [Баталов]

XX в. (вторая треть — 1990-е годы).
Соприкосновение внешних цивилизационных контуров (холодная война)



Конец XX в. — первые десятилетия XXI в.
Взаимопроникновение кодов цивилизационного развития.
«Цивилизационное выживание»

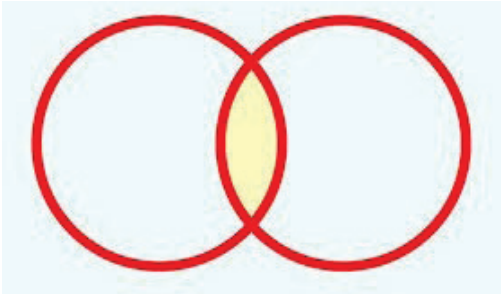


Рис. 1.

Взаимопроникновение духовных ядер североамериканского и православно-славянского цивилизационных типов позволяет приблизить российско-американские отношения к их первооснове, как функционально зависимые и предопределяемые генетическими цивилизационными кодами. Под последними понимается «ДНК общественного организма как единого фокуса, который высвечивает то, что было, есть и продолжает быть» [Соколова]. Иными словами, генетический цивилизационный код

«позволяет обнаружить сущностно-глубинные связи трансцендентного и посюстороннего, прагматического уровней бытия в их непосредственном проявлении» к судьбе конкретного типа цивилизации, ее существованию «в разных ее исторических воплощениях и раскрытию присущего ей метаисторического смысла, роли и предназначения в мире» [Соколова]. Эта характеристика цивилизационного генетического кода в одинаковой мере применима как к православно-славянскому, так и к североамериканскому цивилизационному типам.

Соприкосновение генетических цивилизационных кодов двух некогда географически отдаленных друг от друга стран на рубеже XX–XXI вв. поставило в практическую плоскость две проблемы фундаментального свойства.

Первая проблема связана с выявлением характера базовой модальности взаимоотношений североамериканского и православно-славянского цивилизационных типов, а именно: являются ли эти цивилизации дружественными формированиями, дополняющими одна другую в «созвездии» мировых цивилизаций, либо по своей онтологической природе они являются антагонистами? В последнем случае, как минимум, возвышение и «расцвет» одной цивилизации в качестве обязательного условия предполагает упадок и нисходящее развитие другой.

Вторая проблема непосредственно вытекает из специфики цивилизационного генетического кода, определяющего временные рамки существования отдельных цивилизаций. Макроисторической особенностью является циклическая закономерность развития цивилизаций, обуславливающая их смену в мировом развитии. Как указывали в этой связи Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец, нет ни одной «системы в обществе — от семьи до глобальной цивилизации, которая не была бы подвержена закономерностям цикличной динамики, не проходила бы через фазы зарождения, освоения, распространения, зрелости, кризиса и перехода либо к новому витку спирали развития, либо в реликтовое состояние» [Кузык, Яковец, т. V, с. 46].

Таким образом, на специфику взаимоотношений североамериканской и православно-славянской цивилизаций оказывают влияние фазы их циклического развития. В частности, отечественные исследователи Ю.В. Пазюк, В.А. Кубрина и В.П. Ефимова полагают, что в настоящее время североамериканская цивилизация переживает фазу старения, характеризующуюся зрелостью материальной и кризисом духовной культуры, в то время как православно-славянская цивилизация находится на стадии своего становления [Пазюк, Кубрина, Ефимова, с. 86]. В чисто теоретическом плане вполне правомерна постановка вопроса о том, в какой степени в XXI в. возможны утрата североамериканской цивилизацией своего лидирующего положения в мире и приход ей на смену одной из евразийских цивилизаций, будь то китайская или православно-славянская. Можно отметить, что по итогам Второй мировой войны в середине XX в. в цивилизациях западного мира произошла окончательная смена лидера, при которой западноевропейская цивилизация уступила свои доминирующие позиции североамериканской, причем смена произошла в рамках хорошо известной модели «столкнове-

ния цивилизаций» С. Хантингтона, растянувшись на всю первую половину прошлого столетия[1].

Трактовка международных отношений с широких позиций цивилизационного подхода достаточно быстро обнаруживает проблему конфронтации культурно-исторических цивилизационных типов, обусловленную разными фазами их исторической эволюции. В начале 1870-х годов она была блестяще диагностирована русским мыслителем, культурологом и геополитиком Н.Я. Данилевским (1822–1885), который определил первоистоки многовекового враждебного отношения Европы к России (или, говоря современным языком, русофобии), состоящие не просто в противоположности германо-романской и славянской цивилизаций, но и в том, что европейская цивилизация в широком смысле этого слова вступила на путь нисходящего развития, в то время как славянская цивилизация содержит в себе зародыши будущего типа цивилизационного развития. Почти 150 лет назад Н.Я. Данилевский прозорливо писал: «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д.». Именно поэтому, заключал он, Европа видит «в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало». [Данилевский, с.50–51]. Возможно, сам того не осознавая в полной мере, Н.Я. Данилевский очертил главную геополитическую установку религиозно-духовных элит германо-романских стран, имевших на тот момент по меньшей мере интуитивное представление о специфике генетического цивилизационного европейского кода и стремившихся не допустить «вызревания» на евразийских просторах славянского «четырехосновного» (религиозного, научного, политико-экономического и эстетического) культурно-исторического типа, который должен постепенно прийти на смену европейскому «двухосновному» (политическому и научному) цивилизационному типу [Данилевский, с. 508].

И хотя работа Н.Я. Данилевского была посвящена цивилизационным взаимоотношениям Европы и России, следует заметить, что с позиций своей теории культурно-исторических типов великий русский мыслитель, пусть и мимоходом, констатировал полярность североамериканского и православно-славянского типов цивилизации, почти ясновидчески указав на то, что «Америка, с которою нередко сравнивают Россию, составляет с ней полную противоположность» [Данилевский, с. 498].

Эта констатация «онтологической несовместимости» американской и славянской цивилизаций тем более примечательна, что она была сделана на фоне «медовых» отношений, установившихся между Россией и США после того, как Россия в 1867 г.

1 В своей работе «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон (1927–2008) так охарактеризовал этот процесс: «В отличие от многих цивилизаций, Запад имеет два центра власти. Начавшийся в 1900 году закат ... был по существу закатом европейской составляющей западной цивилизации. С 1910 по 1945 год Европа была разделена на противостоящие стороны, поглощена внутренними экономическими, социальными и политическими проблемами. Однако в 1940 году началась американская фаза западного господства…» [Хантингтон, с. 118–119].

«уступила» Соединенным Штатам Аляску. «Наведение мостов» выразилось в беспрецедентном четырехмесячном визите за океан великого князя Алексея — третьего сына императора Александра II — (с ноября 1871 г. по февраль 1872 г.), в ходе которого он объехал почти всю территорию США, приняв участие, среди прочего, в специально устроенной для российской делегации охоте на бизонов в шт. Небраска. Весной 1872 г. состоялся ответный визит в Россию героя Гражданской войны 1861–1865 гг. генерала У. Шермана, которого сопровождал сын президента США У. Гранта Фредерик Грант. Американская делегация была удостоена аудиенции у Александра II, который выразил благодарность американской стороне за теплый прием, оказанный в США великому князю Алексею [United States Relations with Russia...].

Российско-американские отношения в 1807–1917 гг.: моменты истины цивилизационного взаимодействия

Ретроспективное осмысление истории российско-американских отношений с момента образования США в 1776 г. обнаруживает достаточно удивительный алгоритм, сформировавшийся на самых первых этапах российско-американского цивилизационного сближения в начале XIX столетия. В течение первых 50 лет политических, дипломатических, торгово-экономических и научно-культурных контактов между Россией и молодой американской республикой возникла четко прослеживаемая политика «двойных стандартов», проистекавшая из дихотомии широковещательных политических деклараций руководства двух стран и нарастающих различий и противоречий в их фундаментальных экономических интересах. С позиций модели цивилизационного взаимодействия можно выдвинуть тезис о том, что политико-декларативная составляющая российско-американских отношений отражала их внешний, «поверхностный», достаточно изменчивый слой, в то время как экономические интересы имели — и имеют — самое прямое отношение к специфике и характеристике генетического цивилизационного кода двух стран.

1. *Декабрь 1807 г.: установление дипломатических отношений между Россией и США и начало политики «двойных стандартов».*

Романтическая история установления официальных дипломатических отношений между Россией и США восходит к переписке второго президента США Т. Джефферсона, занимавшего эту должность в 1801–1809 гг., и российского императора Александра I. Инициатива установления официальных отношений исходила от Т. Джефферсона и была продиктована сугубо геополитическими соображениями. В частном письме, написанном летом 1807 г., один из отцов-основателей США так объяснил американский интерес к геополитическому сближению с «далекой» Российской империей: «Наша страна, как и его страна, по природе своей нейтральна, наши интересы в том, что касается прав нейтральных держав, и наши чувства совпадают... Александр I будет солидарен с правительством США на любой европейской мирной конференции. Я углубился в этот предмет, поскольку уверен, что Россия... является самой искренне дружески расположенной к нам страной из всех стран мира; ее услуги пригодятся нам и впредь,

и нам надо искать, прежде всего, ее расположения... Желательно, чтобы такие чувства разделяла вся нация» [Цит. по: Савойский Благодаря Александру I... с. 118].

Подобного рода настроения разделял и Александр I, который видел в более тесных связях с Америкой «естественный» противовес европейским державам, прежде всего наполеоновской Франции и нельсоновской Великобритании. Однако интерес российской монархии к Северо-Американскому континенту проистекал также из политики царской России по колонизации северо-западной части Америки, включая Аляску и Северную Калифорнию. В 1799 г. Россия создает Российско-американскую кампанию с монополией на торговлю в бассейне Тихого океана и на северо-западе Северной Америки, а в 1812 г. — поселение Форт-Росс в Северной Калифорнии. Все эти территориальные приобретения России на северо-западе США получили название «Русской Америки». Колонизация этой части Северо-Американского континента становится важным приоритетом внешней политики Александра I. В 1801 г. правление компании переводится в Санкт-Петербург, и в том же году Александр I и многие члены царской фамилии становятся ее акционерами.

Необходимость защиты экономических интересов России в северной части Тихого океана привела к тому, что в 1821 г. был издан императорский указ, согласно которому территория на северо-западе Америки к югу до 51 градуса северной широты была объявлена юрисдикцией Российско-американской кампании, получившей монополию на торговлю, рыболовство и пушную охоту, и при этом иностранным, главным образом американским, судам запрещалось приближаться к берегам Русской Америки ближе чем на 220 км [Савойский Становление... с. 84]. Малоакцентированным как в отечественной, так и в американской литературе является тот факт, что хорошо известная и применяемая иногда даже в настоящее время «доктрина Монро», т.е. доктрина пятого президента США Дж. Монро (1817–1825), явилась непосредственным американским ответом на указ 1821 г. Александра I. Ее общий смысл свелся к тому, что США больше не собирались безучастно смотреть на попытки европейских держав колонизировать Западное полушарие, включая не только Северную, но и Южную Америку, при этом в числе стран-колонизаторов значились, помимо России, Франция, Великобритания, Испания и Португалия. В послании Дж. Монро Конгрессу США, окрашенном во «вневременные» тона, говорилось: «Совершенно исключено, чтобы европейские державы распространяли свою политическую систему на любую часть Западного полушария, не ставя под угрозу наш мир и благополучие; и никто не должен верить в то, что наши братья из южноамериканских стран, если их предоставить самим себе, примут соответствующее вмешательство по собственной воле. Поэтому в равной степени невозможно, чтобы мы равнодушно относились к такому вмешательству в любой форме» [Monroe].

Иными словами, политическое руководство США уже на начальном этапе становления страны всерьез считало, что такие предприятия, как, например, Русско-американская компания или поселение типа Форт-Росс, являются не чем иным, как частью политической системы «неамериканских» государств, которые потенциально несут угрозу самим основам существования североамериканской цивилизации как таковой!

И автором этого послания Конгрессу США был Дж. Монро, через которого во второй половине 1807 г., в бытность его американским посланником в Лондоне, шла переписка Т. Джефферсона с Александром I и который, таким образом, стоял у истоков установления «взаимовыгодных» российско-американских дипломатических отношений[1]!

2. *Март 1867 г. и «уступка» Аляски: «доктрина Монро» vs. геополитический союз двух «подлинно христианских народов».*

Различные аспекты «уступки» Аляски правительством Александра II в марте 1867 г. достаточно широко обсуждались в отечественной научной печати как в советское время, так и после 1991 г.[2] В целом исследователи, придерживавшиеся разных точек зрения, уделили сравнительно небольшое внимание геополитическим факторам этой, говоря современным языком, межгосударственной сделки, акцентируя внимание либо на ее конспирологических аспектах [Пыхтин], либо на социально-экономической целесообразности «избавления» от экономически убыточного, по крайней мере на тот момент, колониального актива Российской империи [Болховитинов]. Вместе с тем сложилось достаточно устойчивое представление, что события 1867 г. сформировали «геополитическую мифологему Аляски» как важнейшего прецедента, базового алгоритма цивилизационного взаимодействия России и США, который определил фундаментальный характер их отношений на последующие 150 лет [Знаменский, с. 68].

Отличительными признаками этого алгоритма следует считать идеалистический характер российского отношения к Америке как к «прекрасной стране», которому США противопоставили сугубо прагматический и даже утилитарно-экономический подход. Иными словами, «хорошие отношения» между Россией и США мыслились российской монархией как некая самоцель, а экономика и материальные факторы в узком и широком смыслах не имели в этой логике большого значения. В то же время американские правящие круги, наоборот, были склонны отождествлять «хорошие отношения» с ощутимыми экономическими и материальными, в том числе территориальными приобретениями.

---

1 В результате мощного американского давления в апреле 1824 г. была заключена русско-американская конвенция «О дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле» (ратифицированная в 1825 г.), согласно которой южная граница Русской Америки отодвигалась с 51-ой параллели северной широты до примерно 55-ой параллели, американским судам было разрешено заходить в российские порты, а российская часть акватории Тихого океана была объявлена зоной совместного рыболовства сроком на 10 лет. Эта конвенция стала первым официальным документом в истории российско-американских отношений, и, возможно, тоже создала базовый прецедент, согласно которому документы подобного рода должны содержать односторонние уступки с российской стороны. Сдвиг границы российских владений «всего» на 4 градуса к северу привел к тому, что их площадь в Северной Америке уменьшилась вдвое — с примерно 3,2 млн км² до 1,519 млн км² [Дудин].

2 См., в частности, библиографический список публикаций в «Русское Америке [Русская Америка].

«Избавление» от колониального пассива было представлено царским правительством именно как «уступка», экономическая цена которой была сугубо символической. Вопрос о сделке по купле-продаже Аляски возник в середине 1850-х годов, и тогда же США оценили стоимость Российско-американской компании, которой принадлежали исключительные права на освоение Аляски, в 7,5 млн долл. (серебром) [История Русской Америки, с. 384]. В окончательном тексте конвенции «об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний», подписанной 30 марта 1867 г. в Вашингтоне, фигурировала сумма в 7,2 млн долл. (золотом) [Высочайше ратифицированная...]. В отечественной литературе, насколько известно автору данной статьи, не получила никакого освещения докладная от 10 мая 1867 г. тогдашнего американского посла в России К. Клея, который, получив текст конвенции, отправил восторженное послание государственному секретарю США У. Сьюарду, поздравляя его с «блестящим достижением» американской дипломатии. В результате, писал Клей, «к территории нашего Союза была присоединена столь обширная территория, порты, шахты, лесные угодья, пушные и рыбные богатства которой практически невозможно выразить в цене, на землях которой можно выращивать множество сельскохозяйственных культур, даже пшеницу и которая со временем станет местом проживания выносливого и трудолюбивого белого населения. Я оцениваю стоимость этих приобретений как составляющую по меньшей мере 50 млн долл., и моментами даже не могу поверить, чтобы сделка подобного рода вообще состоялась» [Papers Relating to Foreign Affairs... Document 325].

В своей роли выразителя американских интересов посол К. Клей прекрасно осознавал именно геополитические последствия российской «уступки» Аляски США. Для него колонизация Аляски была отражением идеологии освоения «новых рубежей», или «новых границ» на Северо-Американском континенте — идеологии, которой США следовали и которую исповедовали практически с самых первых этапов развития американской цивилизации. Как отмечал видный американский историк конца XIX — начала XX вв. Ф. Тернер (1861–1932), идеология освоения «новых рубежей» уже в первой трети XIX в. привела к тому, что исходные представления об американской демократии отца-основателя и второго президента США Т. Джефферсона (1743–1826) быстро «трансформировались в национальный республиканизм президента Дж. Монро и партийную демократию президента Э. Джексона» [Turner].

Представления Ф. Тернера о постоянном стремлении США к освоению «новых рубежей», безусловно, следует считать проявлением американского цивилизационного кода. Можно отметить, что еще 100 лет назад другой видный американский историк того времени — Ф. Голдер (1877–1929), специализировавшийся на истории России, прямо считал приобретение Аляски практической реализацией «доктрины Монро» и теории «предначертанной Судьбы». В своей статье «Продажа Аляски», увидевшей свет в 1920 г., Ф. Голдер писал, что «европейцы могут сколько угодно посмеиваться над «доктриной Монро» и «предначертанной Судьбой», но если бы они были лучше знакомы с американцами, то знали бы, что эти идеи текут в самой их крови и витают в воздухе, которым американцы дышат» [Golder, p 416]. Напомним, что в основе идеологемы

«предначертанной Судьбы», впервые сформулированной в 1845 г., лежало представление о том, что «Соединенным Штатам суждено — Богом, как верили сторонники этой идеи, —расширить свое господство и распространить демократию и капитализм по всему Северо-Американскому континенту» [Manifest Destiny].

Было совершенно очевидно, что, установив свою юрисдикцию над Аляской, США перешли в цивилизационное наступление. Именно так «уступка» Аляски была воспринята в Лондоне, который практически немедленно приступил к формированию мощного территориального барьера на пути дальнейшей экспансии США на Северо-Американском континенте, создав 1 июля 1867 г. новый доминион «Ее Величества королевы Виктории» — Канаду в составе Британской империи. С тех пор эта дата официально считается днем основания северного соседа США.

В свою очередь, российское руководство в лице министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, занимавшего эту должность с 1856 по 1882 г., мысля не только в геополитических категориях, рассматривало российско-американские отношения как форму прежде всего цивилизационного взаимодействия двух стран. В письме тогдашнему российскому послу в США Э.А. Стеклю, сыгравшему главную посредническую роль в российско-американской сделке по Аляске, Горчаков еще в августе 1865 г. (!) написал дословно следующее: «Мне нет необходимости углубляться во все проявления симпатии между двумя странами. В последнее время они заявили о себе с особой силой; это обстоятельство является самым большим обнадеживающим знамением нашего времени в свете недавних осложнений, которые вновь заявили о себе в европейской политике в форме ненависти, имперских амбиций, кровавых сражений, угроз применения силы, которые почти не имеют никакого отношения к прогрессу в развитии человечества. В противоположность этому российско-американские отношения, сеящие семена взаимного уважения и дружбы, и не только между двумя великими народами, но и между двумя континентами, в будущем принесут плоды в форме устойчивых долгосрочных отношений, воплощающих подлинный дух христианской цивилизации» [Papers Relating to Foreign Affairs... Document 318].

Географическая отдаленность Санкт-Петербурга и Вашингтона в тот период навевала иллюзии идентичного понимания цивилизационного предназначения России и Америки. Однако довольно скоро выяснилось, что христианство в православной Руси отнюдь не является зеркальным отражением христианства в протестантской Америке и наоборот. Сам факт оставления Россией своих владений на северо-западе Северо-Американского континента можно было трактовать как акт территориального передела «малоосвоенной Ойкумены», перспективы социально-экономического развития которой представлялись на тот момент весьма туманными. Но с точки зрения идеологемы «предначертанной Судьбы» уход россиян вполне мог рассматриваться в США как еще одно подтверждение цивилизационного превосходства Америки. По сути, русских «изгнали» так же, как до этого и коренных жителей Северной Америки на большей части Соединенных Штатов. И «обнадеживающие проявления» американского понимания цивилизационных миссий двух «великих христианских народов» — диаметрально противоположного российскому — не заставили себя ждать.

Даже в официальной американской хронологии американо-российских отношений с 1860 по 1890 г. после пункта «Покупка Аляски США в 1867 г.» следующей важнейшей «вехой» значится 1869 г., когда в прессе США стало впервые широко обсуждаться положение еврейской диаспоры в Российской империи. В публикации Государственного департамента говорится дословно следующее: «...к концу 1860-х годов газеты США начали сообщать об актах антисемитизма по отношению к евреям, проживающим в России, указывая на то, что, несмотря на тенденцию к прогрессивным реформам в российском обществе, российские евреи лишены основных прав. Это побудило Юджина Шайлера, консула США в Ревеле, подготовить докладную записку в Вашингтон, в которой он подверг критике положение российских евреев в западных и юго-западных приграничных провинциях Российской империи, известное как „черта оседлости"» [United States Relations with Russia...]. Основной «код» цивилизационных отношений России и Америки на последующие 150 лет — «права человека» — был сформулирован и запущен в политический и дипломатический оборот![1]

3. Либеральная демократия В. Вильсона, революция 1917 г. и распад Российской империи.

Избрание в 1912 г. президентом США В. Вильсона (1913–1921), в прошлом профессора, а впоследствии президента Принстонского университета, явилось беспрецедентным явлением в политической жизни Америки. В Белый дом пришел президент-интеллектуал в современном понимании этого термина, чего ранее и позднее никогда в американской истории не было, за исключением, возможно, 1000 дней президентства трагически погибшего Дж. Кеннеди (1961–1963). Большая часть двух сроков пребывания В. Вильсона у власти пришлась на время Первой мировой войны (и первые годы послевоенного урегулирования) — цивилизационной катастрофы, подобной которой человечество до того не знало.

В своих речах, статьях и программных документах администрация В. Вильсона обозначила контуры «всеобщего мира» и «цивилизационной гармонии» в планетарных

1 В начале 1880-х годов в российско-американских отношениях возникает так называемая паспортная проблема, связанная с отказом российских властей признавать паспорта американских евреев, желавших налаживать торгово-экономические связи с Россией. Постепенно нарастая, паспортная проблема привела к тому, что в 1911 г. США денонсировали бессрочный русско-американский договор «О торговле и мореплавании» 1832 г. [Cohen] — по сути, основополагающий договор, регламентировавший российско-американские торгово-экономические связи, заключенный царской Россией. Советско-американское торговое соглашение 1972 г. было торпедировано поправкой Джексона-Вэника к Закону о торговле 1974 г., в соответствии с которыми Советскому Союзу было отказано в режиме наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах из-за проводимой им эмиграционной политики, главным образом в отношении евреев [Pregelj]. Поправка Джексона-Вэника действовала до 2012 г., до вступления РФ в ВТО, однако в 2012 г. она была официально заменена на дискриминационный Закон С. Магнитского, принятие которого было также мотивировано нарушениями прав человека в РФ [The Global Magnitsky...]. После 24 февраля 2022 г. США объявили РФ «тотальную» экономическую войну [Invasion of Ukraine…].

масштабах и общий подход к их установлению. При всей велеречивости президента-профессора, концепция эта строилась на идее «демократии с демократиями не воюют». И, следовательно, «магическим ключом» к общемировой цивилизационной гармонии должно было стать распространение модели американской политической либеральной демократии в глобальном масштабе, на тот момент — среди европейских стран, большая часть которых, в том числе и Россия, имели монархическое устройство. По авторитетному мнению профессора истории Л. Амброзиуса, считающегося в США ведущим специалистом по внешнеполитическим аспектам вильсоновского либерализма, В. Вильсон твердо исходил из того, что Первая мировая война «завершится созданием глобального сообщества либеральных демократий с капиталистической экономикой» [Ambrosius, p. 2].

При этом глобальное насаждение модели либеральной демократии носило отнюдь не инструментально-технический характер — в понимании В. Вильсона процесс пролиферации либеральных демократий был сродни освоению Америкой «новых рубежей» в ее цивилизационном развитии, и в этом плане США реализовывали свое «божественное предназначение». Как подчеркивает Л. Амброзиус, миропорядок в представлении В. Вильсона являлся историческим процессом, в котором «в качестве венца творения выступали Соединенные Штаты, что и придавало американцам уверенность в своем будущем. Новый всемирный политический ландшафт представлял собой новую форму „града на холме" или «последнего рубежа», «конца истории». Эта ни с чем не сравнимая империя мало чем напоминала империи прошлого, которые возникали и разрушались. Мифология интернационального либерализма обещала Соединенным Штатам счастливую судьбу и бесконечный прогресс. Вильсон безоговорочно впитал миф об американской исключительности в понимании хода и направленности мирового исторического процесса» [Ambrosius, p. 2].

И первой страной, которая в тот период была призвана воспринять модель американской либеральной демократии, притом даже не дожидаясь окончания Первой мировой войны, должна была стать Россия! Для реализации своей цивилизационной миссии Америка должна была вступить в войну на стороне стран Антанты, т. е. Великобритании, Франции и России, но препятствием на этом пути являлось российское самодержавие с его «подавлением прав человека», в первую очередь еврейской диаспоры. В декабре 1911 г. Конгресс США почти единогласно денонсировал русско-американский договор «О торговле и мореплавании» 1832 г., действие которого США официально прекратили 1 января 1913 г. В апреле 1913 г. США отозвали своего посла из России, что в тот период расценивалось как практически полный разрыв двусторонних дипломатических отношений, которые были восстановлены только перед самым началом Первой мировой войны.

Решение Конгресса США денонсировать русско-американский договор о торговле явилось прямым следствием мощной лоббистской кампании, которую в 1911 г. провел Американский еврейский комитет, созданный в 1906 г. Комитет выражал интересы двухмиллионной еврейской общины в США. Однако за агитационной кампанией

комитета стояла группа влиятельных американских политиков, к числу которых принадлежал и В. Вильсон, ставший к тому времени губернатором шт. Нью-Джерси. Без сомнения, В. Вильсон рассматривал свое участие в агитационной кампании комитета как предваряющее президентские выборы 1912 г. Во всяком случае, он принял активное участие в слушаниях, посвященных денонсации русско-американского договора, организованных 11 декабря 1911 г. комитетом по иностранным делам Палаты представителей. На них В. Вильсон предстал непримиримым борцом с российским самодержавием, который ставит «права граждан» выше материальных интересов. «В основе нашей жизни, — заявил он в своей пафосной речи, — лежит принцип. Америка является не просто совокупностью торговцев — это совокупность свободных людей. Наше величие построено на нашей свободе — моральной, а не материальной. Нам свойственна страсть к наживе, но в не меньшей мере мы привержены правам человека. Принципы лежат в основе наших действий. Америка немыслима без них. Эти принципы не являются несовместимыми с материальным процветанием. Наоборот, если только мы не заблуждаемся, они совершенно необходимы для него. Однако мы не хотим материального процветания, если ради него наши сограждане должны терпеть пренебрежение к себе или лишиться прав, которые принадлежат каждому американцу. Такая цена слишком велика» [Termination of the Treaty of 1832... p.16].

Вступлению США в Первую мировую войну после президентских выборов 1916 г., которые завершились переизбранием В. Вильсона на второй срок, «мешало» именно российское самодержавие, тем более что война явно шла к победному для Антанты концу. Есть основания полагать, что февральско-мартовская революция 1917 г. явилась в том числе следствием решения англо-саксонских элит «сменить лошадей» на российском направлении [Об истоках и смысле вильсоновской концепции внешней политики см.: Травкина]. Объявляя 2 апреля 1917 г. в Конгрессе о своем решении объявить войну Германии, президент Вильсон уделил повышенное внимание «чудесным и ободряющим событиям, которые на протяжении последних нескольких недель происходили в России» [Wilson]. Конечная цель февральско-мартовской революции, а именно — воцарение в России либеральной политической системы, была продекларирована четко и недвусмысленно: «По своей природе, — утверждал В. Вильсон, — Россия всегда была страной с исконно демократической душой во всех проявлениях ее мысли, во всех личных близких взаимоотношениях ее населения, в которых выражались естественные инстинкты русских, их привычное отношение к жизни» [Wilson].

Если с этим пассажем можно целиком либо с оговорками согласиться, то взгляды В. Вильсона на цивилизационную природу политического строя России *volens nolens* наводят на мысль, что просвещенная часть американской политической элиты мыслила свержение русского самодержавия как прямую смену цивилизационного кода развития. «Самодержавие, — вещал американский президент, — венчавшее вершину политического строя России, несмотря на всю его продолжительность и ужасы, подкреплявшие реальность его власти, по сути не являвшееся русским по своему происхождению, характеру или цели, оказалось сотрясенным до основания, и великий и великодушный русский народ во всем своем наивном величии и могуществе стал составной

частью всех тех сил, которые борются за свободу, за справедливость и за мир. Вот подходящий соратник для Лиги Чести» [Wilson].

Дальнейшие события хорошо известны: гражданская война и распад Российской империи, которая территориально была восстановлена только с созданием СССР 30 декабря 1922 г. Вполне можно задаться вопросом: какую роль в трагических событиях 1917–1921 гг. сыграл кратковременный контакт генетических кодов развития двух цивилизаций весной-летом 1917 г. и не он ли направил Российскую империю по инвариантной траектории нисходящего развития? Достаточно убедительный ответ на этот вопрос дали события конца 1980-х — начала 1990-х годов, которые вошли в американскую политическую историографию под общим названием «конца Истории».

1989–1991 гг.: торжество либеральной демократии и распад СССР

Не будет преувеличением сказать, что идейно-теоретический климат в США, других западных странах, а также, возможно, и в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов определялся работами американо-японского политолога и философа Ф. Фукуямы, который с теоретических позиций определил значимость исторического периода, именуемого в США «окончанием холодной войны». Летом 1989 г. Фукуяма публикует в американском журнале *National Interest* резонансную статью под названием «Конец истории?» В качестве точки отсчета бывший высокопоставленный сотрудник Государственного департамента США выдвигает тезис, что XX в., начавшийся в атмосфере «уверенности в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к своим идейным истокам: не к предсказывавшемуся еще недавно «концу идеологии» или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма».

В трактовке Ф. Фукуямы, мир на рубеже 1980–1990-х годов стал свидетелем «не просто конца холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конца истории как таковой, завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров «Форин афферз» по международным отношениям будут пустовать, — ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный» [Fukuyama The End of History? p. 4].

Бывшие социалистические страны Восточной Европы быстро стали перестраиваться под лекала американского политического либерализма во всех общественных сферах. Аналогичные процессы начались и в Советском Союзе. Однако крушение советской экономической модели вскоре привело к распаду СССР, что, безусловно, было уже не просто политической или социально-экономической катастрофой, а цивилизационным провалом могучей сверхдержавы с ядерным потенциалом, сравнимым с американ-

ским. Последствия развала СССР ощущаются — притом во все более острой форме — по сей день, ярким проявлением чего стала Специальная военная операция, начатая Россией 24 февраля 2022 г.

В настоящее время не приходится сомневаться, что распад СССР явился закономерным и, возможно, даже неизбежным следствием восприятия модели западной либеральной демократии в ее американском издании. В программной работе 1992 г. «Конец истории и последний человек», которая вышла уже без вопросительного знака по поводу хода исторических процессов, американо-японский философ достаточно недвусмысленно связал распад СССР с переходом из «исторического мира» в «постисторическое измерение», т.е. к универсальному миру ценностей политической либеральной системы. Более того, он прямо написал о том, что распад СССР является необходимым условием для продвижения его отдельных республик/регионов в направлении либеральных демократий западного типа [Fukuyama The End of Ideology… p. 277–278]. Иными словами, уже в начале 1990-х годов американская политическая элита была твердо уверена в том, что за распадом СССР должно последовать «растаскивание» бывшего пространства СССР по различным мировым центрам силы и влияния — геополитического, социально-экономического, культурно-религиозного.

«Деколонизация России»

Украинский кризис 2022 г., приведший к почти полному разрыву отношений между Россией и США и поставивший обе страны на грань ядерной конфронтации по образцу Кубинского кризиса октября 1962 г., способствовал и четкому проявлению планов Вашингтона по дальнейшей дезинтеграции евразийского пространства — прежде всего, расчленению РФ. 23 июня 2022 г. государственная структура США — объединенная комиссия Конгресса и исполнительной власти по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, известная как «Хельсинская комиссия США», провела слушания под названием «Деколонизация России», с более чем характерным подзаголовком: «Моральный и стратегический императив». В ходе слушаний была предельно четко обозначена стратегическая цель США в отношении России — распад РФ и ее расчленение на 17 республик («частей»). Слушания были построены вокруг идеи «деколонизированной» России, географические параметры которой приведены ниже на карте (рис. 2).

Российская Федерация была причислена к «параимперским» образованиям, по существу — отождествлена с СССР, только в «миниатюре». Обозначив главную стратегическую цель по отношению к России, Соединенные Штаты очертили контуры новой геополитической расстановки сил в российско-американских отношениях. Если раньше США считали РФ частью сообщества ведущих стран мира, межгосударственные отношения в котором подпадают под действие норм международного права, по крайней мере, в том виде, в каком они были зафиксированы в 1945 г. при создании ООН, то в настоящее время Америка стремится выстраивать отношения с Россией по имперскому принципу «метрополии и колонии», считая США цивилизационным центром, а РФ — цивилизационной периферией (в перспективе — частью колониальной системы сов-

ременной американской империи). С этой точки зрения Pax Americana все в большей степени начинает напоминать античную Pax Romana, но стоит вспомнить, что «Вечный город» в конечном счете погубили непокорные и свободолюбивые провинции, среди которых особую роль сыграла Иудея.

Рис. 2

Стратегическая цивилизационная цель США по отношению к РФ: расчленение на 17 «независимых» республик

[Decolonizing Russia...]

Литература

Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. Москва. 2009.

Болховитинов Н.Н. Еще раз о продаже Аляски // США. Экономика, политика, идеология. 1998. № 10. С. 94-103.

Василенко И.А. Политическая глобалистика. М. 2000.

Высочайше ратифицированная конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний. Вашингтон. 18/30 марта 1867 г. — URL: clck.ru/322Yoh (дата обращения: 05.09.2022).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.1991.

Дудин А.П. Аляска: утерянные возможности // Академия Тринитаризма. М. Эл № 77-6567. Публ.10181. 07.01.2003. — URL: trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120044.htm (дата обращения: 05.09.2022).

Знаменский А. Россия — США: два берега. Аляска в современной российской геополитической риторике // Сибирские исторические исследования. 2016. №3. С.65-104.

История Русской Америки. В трех томах. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825-1867. М. 1999.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том I. Теория и история цивилизаций. М. 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том II. Будущее цивилизаций и геоцивилизационные измерения. М. 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том V. Цивилизации: прошлое и будущее. М. 2008.

Пазюк Ю.В., Ефимова В.П., Кубрина В.А. Закономерности развития локальных цивилизаций в третьем тысячелетии. Вопросы национальной безопасности. М. 2016.

Пазюк Ю.В., Кубрина В.А., Ефимова В.П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68. № 4. С. 84-95.

Пыхтин С. Как продавали Русскую Америку: темная сторона истории русско-американских отношений с 1824 по 1867 год // Москва. 2005. № 8. С. 144-165.

Русская Америка. Аннотированный указатель литературы. Продажа Аляски (265-282). — URL: booksite.ru/fulltext/russ_america/index.html (дата обращения: 05.09.2022).

Савойский А.Г. Становление экономической дипломатии Российской империи в отношении США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 80-87.

Савойский А. Благодаря Александру I и Томасу Джефферсону... К 205-летию установления дипломатических отношений между Россией и США // Обозреватель/Observer, 2013. № 2. С. 114-123.

Соколова Р.И. Российская цивилизация и ее генетический код // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 2. — URL: polylogos-journal.ru/s258770110000045-1-1/ DOI: 10.18254/S0000045-1-1 (дата обращения: 05.09.2022).

Травкина Н.М. Морально-религиозные аспекты «14 пунктов» Вудро Вильсона // Новая и новейшая история. 2020. № 2, март — апрель. С. 182–191.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003.

Abrams E. The New Cold War // Council on Foreign Relations. 04.03.2022. — URL: cfr.org/blog/new-cold-war-0 (date of access: 05.09.2022).

Ambrosius L. Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge. 2017.

Cohen N. The Abrogation of the Russo-American Treaty of 1832. // Jewish Social Studies. January 1963. Pp. 3-41.

Cox M., Campanaro R. Introduction to international relations. London. 2016.

Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative. 23.06.2022. — URL: csce.gov/international-impact/events/decolonizing-russia (date of access: 05.09.2022).

Fukuyama F. The End of History? // National Interest. № 16. Summer 1989. Pp. 3-18.

Fukuyama F. The End of Ideology and the Last Man. N.Y.1992.

The Global Magnitsky Human Rights Accountability Act. CRS Report. 03.12.2021. — URL: sgp.fas.org/crs/row/R46981.pdf (date of access: 05.09.2022).

Golder F. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. April 1920. Pp.411-425.

Ikenberry J. A World Safe for Democracy. Liberal Internationalism and Crisis of World Order. New Haven. 2020.

Invasion of Ukraine: Russia's Trade Status, Tariffs, and WTO Issues. CRS Insight. Updated: 18.03.2022. — URL: crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11881 (date of access: 05.09.2022).

Manifest Destiny // History.com. Updated: 15.11.2019. — URL: history.com/topics/westward-expansion/manifest-destiny (date of access: 05.09.2022).

Monroe J. Seventh Annual Message (Monroe Doctrine). December 2, 1823. Transcript // UVA. Miller Center. — URL: millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine (date of access: 05.09.2022).

Papers Relating to Foreign Affairs, Accompanying the Annual Message of the President to the Second Session of the Fortieth Congress. Russia. Diplomatic Correspondence. Document 318. Prince Gortchacou to Mr. de Stoeckl. Peterhoff, August 10-31, 1865 // U.S. Department of State. Office of Historian. — URL: history.state.gov/historicaldocuments/frus1867p1/d318 (date of access: 05.09.2022).

Papers Relating to Foreign Affairs, Accompanying the Annual Message of the President to the Second Session of the Fortieth Congress. Russia. Diplomatic Correspondence. Document 325. No 140. Mr.Clay to Mr. Steward. Legation of the United States, St. Petersburg, Russia, May 10, 1867 // U.S. Department of State. Office of Historian. — URL: history.state.gov/historicaldocuments/frus1867p1/ch3 (date of access: 05.09.2022).

Pregelj V.N. Jackson-Vanik Amendment: A Survey. CRS Report for Congress. Updated: 01.08.2005. — URL: sgp.fas.org/crs/row/98-545.pdf (date of access: 05.09.2022).

Termination of the Treaty of 1832 Between the United States and Russia. Hearing before the Commiittee on Foreign Affairs jf the House of Representatives. Monday, December 11, 1911. Washington. 1911.

Turner F. The Significance of the Frontier in American History (1893) // American historical association. — URL: historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/the-significance-of-the-frontier-in-american-history-(1893) (date of access: 05.09.2022).

United States Relations with Russia: Establishment of Relations to World War Two. 1860-1890 // U.S. Department of State. Archive. — URL: 2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/fs/85739.htm (date of access: 05.09.2022).

Walt St. An International Relations Theory Guide to the War in Ukraine A consideration of which theories have been vindicated–and which have fallen flat // Foreign Policy. 08.03.2022. — URL: foreignpolicy.com/2022/03/08/an-international-relations-theory-guide-to-ukraines-war/ (date of access: 05.09.2022).

Wilson W. Address to a Joint Session of Congress Requesting a Declaration of War Against Germany. 02.04.1917 // The American Presidency Project. — URL: presidency.ucsb.edu/documents/address-joint-session-congress-requesting-declaration-war-against-germany (date of access: 05.09.2022).

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-27-42
УДК 338; 339

Петр Яковлев

Российская экономика в условиях меняющегося мироустройства: вызовы и ответы

Аннотация. *Россия переживает необычный экономический кризис, который во многом не похож на предыдущие экономические потрясения и носит крайне противоречивый характер. По имеющимся оценкам, ВВП РФ по итогам 2022 г. сократится максимум на 3%, что значительно меньше алармистских прогнозов. В этой связи многие специалисты отмечают, что в кризисных условиях российская экономика демонстрирует «удивительную устойчивость». Вместе с тем экономика РФ оказалась сегментированной, разделилась на выигравших и проигравших. Ее узкими местами являются падение инвестиций в основной капитал и сокращение реальных доходов населения. В результате, с одной стороны, снижается предложение товаров и услуг, а с другой — уменьшается потребительский спрос, сжимается внутренний рынок. Дать ответ на эти серьезные вызовы — значит предложить новую модель экономического роста, способную обеспечить переход российской экономики на рельсы устойчивого развития.*

Ключевые слова: *Россия, кризис глобализации, мироустройство, конфликт с коллективным Западом, сырьевая ориентация экспорта, технологическое отставание, украинский кризис, военная спецоперация, антироссийские санкции, макроэкономические изменения, поиск новой модели роста.*

Введение коллективным Западом беспрецедентных по масштабам системных финансово-экономических санкций против России не только создало для российской экономики принципиально новую ситуацию, но и сделало предельно зримыми качественные проблемы социально-экономического развития нашей страны и состояния ее внешнеэкономических связей. Разумеется, эти проблемы и узкие места экономики и внешней торговли РФ возникли не в одночасье, а складывались постепенно на протяжении всех постсоветских десятилетий, но особенно — в период после глобального кризиса 2008 г., что, в частности, нашло свое выражение в значительном снижении темпов роста. Факты указывают на то, что экономические проблемы России носят структурный характер, а потому их решение лежит в плоскости системного реформирования, формирования новой, отвечающей национальным стратегическим интересам модели социально-экономического развития. Это тот главный вызов, который в настоящее время стоит перед российским государством и обществом.

Сведения об авторе: *ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.*

Глобальная экономика на этапе деглобализации

Неолиберальная глобализация, инициаторами которой были США и Великобритания, с самого начала предполагала формирование «горизонтального» или, по выражению американского исследователя Томаса Фридмана, «плоского» мира с «плоской экономикой» [Friedman]. Имелось в виду снятие всех и всяческих барьеров: либерализация международных финансовых транзакций и трансграничной торговли товарами и услугами, попытки образования крупнейших региональных и межрегиональных экономических объединений, введение безвизовых режимов, повсеместное распространение (в том числе — силовым путем) политических принципов западной демократии и т.д. В 2008–2009 гг. этот всемирный проект застопорился, а затем, особенно после прихода к власти Дональда Трампа, наступил период «вертикальной» глобализации, когда в прямом и переносном смыслах стали возводиться новые «берлинские стены», проводиться разделительные линии, расширились уже полузабытые протекционистские практики, широкое применение получили финансовые и торговые санкции [Яковлев Риски...].

Возникшую ситуацию некоторые зарубежные эксперты определили как «холостой ход» процесса глобализации (backlash against globalization), и заметили, что его кризис воскресил худшие призраки XX века: правый и левый экстремизм, сепаратизм, международный терроризм, откровенную ксенофобию, агрессивный популизм различного толка, а в геополитическом плане — «вторую холодную войну» между Россией и коллективным Западом [James].

Исключительно широкий по географическому охвату и исключительный по глубине мировой кризис вызвала пандемия COVID-19, предельно заострившая накопившиеся проблемы глобальной экономики. Пандемия высветила серьезные недостатки в развитии социальной сферы подавляющего большинства стран мира, акцентировала ключевые проблемы в области международных отношений. Несколько месяцев жизни человечества в суровых условиях эпидемии коронавируса не только послужили катализатором уже отмеченных экспертами и длительное время развивавшихся в мире кризисных социально-экономических трендов, но и вскрыли немало новых негативных факторов и явлений, до этого момента остававшихся как бы в тени, за пределами постоянного и пристального общественного внимания.

Ковидный этап глобализации (который вполне можно назвать деглобализацией) буквально перевернул с ног на голову многие уже ставшие привычными явления и тенденции. Спонтанность и непредсказуемость событий стали общим местом, была утрачена способность предвидеть будущее, даже не слишком далекое, а значит — исчезла возможность к нему подготовиться. Многие страны на разных континентах ощутили острый дефицит конструктивных, практически реализуемых стратегических идей и ясных макроэкономических перспектив. Глобальный капиталистический мир вступил в полосу системного геоэкономического и геополитического кризиса, стал своего рода «лебединым озером», точнее, озером «черных лебедей» — неожиданных, непредсказуемых и негативных событий [Taleb].

Таким образом, сам ход мировых событий подготовил тот факт, что в течении 2022 г. ожидания нового (уже постковидного) замедления роста глобальной экономики и ее сползания в рецессию заметно усилились. На это, в частности, указывали фундаментальные факторы, отмеченные зарубежными и российскими экспертами в трех главных финансово-экономических центрах современного мира: США, Евросоюзе и Китае [Тренды...]. В числе таких факторов фигурировали следующие.

- Высокая инфляция в США (рекордная с начала 1980-х годов), вынуждающая руководство Федеральной резервной системы (ФРС) ужесточать монетарную политику, прежде всего, повышать ключевую ставку, что, в свою очередь, сдерживает предпринимательскую активность и усиливает признаки рецессии.
- Также беспрецедентно стремительный рост инфляции и углубление энергетического кризиса в Европейском союзе, вызванного аномальной жарой в летние месяцы и, главное, — геополитическим разломом в отношениях с Россией, что, по определению западных экономистов, произвело в Европе «энергетическое замыкание» [Triper], а европейскую экономику превратило в «экономику военного времени» [Krugman Wartime...].
- Эффект рекордно жаркой погоды дал о себе знать и в Китае, где в результате обмеления рек возникла нехватка электроэнергии для промышленности и домохозяйств. На этом неблагоприятном фоне на китайском рынке продолжал расширяться кризис недвижимости, угрожавший местным банкам потерями в размере 350 млрд долл. и ставший, как писали международные комментаторы, «демонстрацией экономического недуга и несбывшихся надежд» [China...].

Масла в огонь глобальной рецессии добавила дестабилизация мировых сырьевых, энергетических и продовольственных рынков. Здесь дали о себе знать разнонаправленные факторы, отражающие противоречивую картину событий, происходящих в международной экономике и торговле. Например, согласованное сокращение добычи нефти в странах ОПЕК, турбулентные политические процессы в Ираке и Ливии, а также уменьшение запасов «черного золота» в США, — все это «толкало» нефтяные котировки вверх. Вместе с тем отмеченное замедление роста глобальной экономики создавало условия для падения спроса и снижения цен на нефть. Тугой узел противоречивых тенденций затянулся вокруг цен на природный газ. После экспоненциального роста в марте и августе 2022 г., когда газовые котировки в Европе превышали 3500 долл. за тысячу м^3, этот показатель в сентябре опустился ниже 1900 долл., что было связано с высокой степенью наполнения газовых хранилищ и надеждами европейцев на увеличение поставок сжиженного природного газа (СПГ) из США Канады и Катара [Цена...].

Неоднозначными трендами характеризуется положение на рынках черных и цветных металлов, что находит выражение в колебании мировых цен, в большинстве случаев — в сторону понижения. В частности, осенью 2022 г. негативную ценовую динамику продемонстрировали алюминий, медь, свинец, цинк, тогда как котировки железной руды, стали и никеля пошли вверх. Однако остальные металлы потеряли в цене в среднем 12-15%, что отрицательно сказалось на доходах стран-экспортеров этой продукции. Особое беспокойство вызвало резкое (на 30%) падение цен на медь в период

с марта по сентябрь 2022 г., что привело к сокращению инвестиций в разработку новых месторождений и модернизацию уже действующих. Между тем, медь — важнейший металл, используемый для производства самой широкой гаммы товаров: от кабелей до компьютерных чипов и электромобилей. Перспектива сокращения выпуска медной продукции может обернуться серьезными потерями для международного бизнеса [Мирупредсказали...].

Совокупность природных, геополитических и экономических причин обусловила разразившийся в 2022 г. мировой продовольственный кризис, материализовавшийся в дефиците продуктов питания, нехватке удобрений и росте цен на практически все основные сельскохозяйственные товары. Уже в период COVID-19 произошел разрыв цепочек международных поставок продовольствия, пострадали многие трансграничные каналы распределения и потребления пищевой продукции. К этому следует добавить заметное повышение цен на топливо, транспорт и сырье для производства удобрений (например, природный газ), что еще больше осложнило положение на глобальных рынках продовольствия [Food prices...].

Точку над «i» поставил российско-украинский конфликт, поскольку его протагонистами стали две страны, входящие в число крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции, в частности, востребованных на мировом рынке зерновых и масличных культур (пшеницы, кукурузы, сои и др.).

Таким образом, специфика кризиса, потрясшего мир в 2022 г., — в его универсальности, в охвате большинства стран, включая основные экономические центры, и ключевые отрасли глобального хозяйства. Не случайно нобелевский лауреат Пол Кругман определил воцарившееся в мире настроение как «триумф пессимизма» [Krugman Technology...], а в унисон с ним специалисты американской консалтинговой компании Edelman определили положение в глобальной экономике как «порочный круг недоверия» [Government...].

Необычный кризис: «удивительная устойчивость» экономики РФ

Введение антироссийских санкций на фоне уже давших о себе знать осложнений в системе мирохозяйственных связей, неизбежно затронувших и включенную в глобальные цепочки добавленной стоимости Россию, породили в международных (а частично и в отечественных) экспертных кругах настоящую волну алармистских оценок и прогнозов состояния и перспектив российской экономики.

Например, уже упомянутый П. Кругман, посвятивший влиянию российско-украинского конфликта на глобальную ситуацию целую серию своих традиционных колонок в «The New York Times», утверждал, что Российская Федерация — «потемкинская сверхдержава», чья экономическая мощь далеко недостаточна для поддержания статуса подлинно великой державы, а последствия специальной военной операции приведут страну к «великой депрессии» наподобие той, которая охватила США в 1929 г.

[Krugman Russia...]. Вместе с тем, указывая на высокую степень участия РФ в международной торговле, американский экономист предположил, что политика финансово-экономической изоляции России нанесет серьезный ущерб мировому (в первую очередь — европейскому) хозяйству. Максимально драматизируя возможные перспективы, П. Кругман даже задался вопросом: «Убьет ли Путин глобальную экономику?». И хотя Кругман дал на него отрицательный ответ, он признал серьезные негативные эффекты, сопровождающие «экономический развод» России с коллективным Западом [Krugman Will Putin...].

В июле 2022 г. был обнародован доклад под красноречивым названием «Бизнес уходит, и санкции калечат российскую экономику», подготовленный группой экспертов Йельского университета под руководством Джеффри Зонненфельда.

В этом объемном документе (118 страниц) авторы признают, что Россия в целом успешно справилась с западными санкциями, введенными против нее в 2014 г. после первого украинского кризиса. Главное — российские власти реализовали программу частичного импортозамещения иностранной продукции отечественными аналогами и создали внушительный запас финансовых резервов. Тем самым Москве удалось поддержать экономический суверенитет. Вместе с тем, отмечено в докладе, Россия сохранила сырьевую направленность экспорта и зависимость от поставок энергоносителей на мировой рынок, а российская промышленность по-прежнему критически нуждается в иностранных капиталовложениях и технологиях. Именно эти уязвимые стороны экономики РФ стали главными мишенями новой волны западных санкций, объявленных в ответ на спецоперацию вооруженных сил России на Украине. По мнению ученых Йельского университета, нарастающего давления таких санкций, сопровождаемых массовым уходом зарубежных компаний с российского рынка, Москва может не выдержать [Sonnenfeld etc.].

Негативный сценарий глубокого и затяжного кризиса российской экономики в начале сентября представили эксперты агентства Bloomberg. По их мнению, из-за западных санкций Россия может столкнуться с длительной и глубокой рецессией, поскольку под санкционным ударом оказались отрасли промышленности, служившие опорой всей экономики. При этом, что характерно, авторы отчета ссылались на внутренние документы правительства РФ [Bloomberg: экономика РФ...].

Отнюдь не игнорируя оценки и прогнозы маститых зарубежных экономистов и престижных международных «think tanks», позволим себе не вполне с ними согласиться. И вот почему: Россия переживает необычный, можно сказать, странный, экономический кризис. Странный прежде всего потому, что он во многом не похож на предыдущие экономические потрясения (а их за последние три десятилетия было немало) и, кроме того, носит крайне противоречивый характер. Данные таблицы 1 помогают провести необходимые сравнения.

Таблица 1

Кризисы российской экономики (1992–2020)

Год	Основные причины и последствия
1992	Тотальная смена экономической системы, либерализация цен (рыночные реформы). Падение валового внутреннего продукта России на 18,5%, обрушение доходов подавляющего большинства россиян.
1998	Ухудшение финансового положения РФ ввиду снижения мировых цен на основные экспортные товары. Дефолт по основным видам государственных долговых обязательств, сокращение ВВП на 5%, падение курса рубля с 7 до 22 за 1 доллар, банковский коллапс.
2008–2009	Негативное воздействие на России мирового финансово-экономического кризиса. Снижение ВВП почти на 8% (2009 г.), обрушение фондового рынка, резкое сокращение экспортных доходов, кризис банковского сектора, рецессия в основных промышленных отраслях.
2014	Обвал мировых цен на нефть и антироссийские финансово-экономические санкции Запада. Резкая девальвация рубля (с 33 до 68 руб. за доллар), падение потребительского спроса, снижение деловой активности.
2020	Воздействие пандемии коронавируса, ограничительные антиковидные меры. Сокращение российского ВВП на 2,7%, падение экспорта на 22%, спад розничной торговли, снижение производственных инвестиций и реальных доходов населения.

Источник: составлено автором на основе официальных российских данных.

Вспомним, например, финансово-экономический шок 1992 г., который дезорганизовал общественное производство и привел к сокращению валового внутреннего продукта России почти на 19%. Тот кризис разорвал хозяйственные связи между предприятиями, спровоцировал обвальное падение производственных инвестиций и вызвал тяжелые технологические последствия. В течение 1992 г. имело место ухудшение состояния внешнеэкономических отношений (оборот внешней торговли сократился на 23%) и закрепился сырьевой характер российского экспорта: более 50% его объема пришлось на энергоносители. При этом валютных поступлений от экспортных поставок было недостаточно для обслуживания внешнего долга, что заставляло правительство РФ прибегать к новым займам и наращивать государственную задолженность. В социальной сфере либерализация цен разогнала инфляцию в результате чего произошло резкое ухудшение материального положения подавляющего большинства россиян — реальные денежные доходы снизились более чем в два раза, а хранившиеся в банках сбережения были обесценены [Центральный...].

Не до конца оправившись от кризиса 1992 г., Россия столкнулась с новым потрясением — решением правительства (17 августа 1998 г.) объявить технический дефолт по основным видам государственного долга из-за отсутствия финансовых возможностей производить оплату. Одной из причин кризиса послужило резкое снижение мировых цен на энергоносители — основные продукты российского экспорта. Дефолт по долгам в 1998 г. привел к резкому изменению обменного курса рубля. По сути, национальная валюта была обесценена. Миллионы россиян вновь лишись своих накоплений. Столкнувшись с падением потребительского спроса и кредитоспособности населения, многие предприятия и банки разорились и прекратили свою деятельность, в результате чего российская экономика «сжалась» более чем на 5% [Дефолт...].

Очередной кризис в России произошел в 2008–2009 гг. после впечатляющего десятилетия «тучных коров» — периода ускоренного поступательного развития, когда страновой ВВП рос в среднегодовом выражении на 6%, что значительно превышало мировой показатель. Подчеркнем, что кризис стал прямым следствием глобального финансово-экономического коллапса, поскольку к этому времени российская экономика глубоко вросла в процессы глобализации, интегрировалась в систему глобальных хозяйственных связей, а потому любые негативные изменения на международных рынках больно сказывались на положении в РФ. Отсюда — глубина кризисного провала: ВВП в 2009 г. упал на 7,8%, рухнул фондовый рынок, усилился отток капитала, вновь в сложнейшей ситуации оказался банковский сектор, а практически вся российская промышленность оказалась в состоянии рецессии, из которой она начала выходить в 2010 г. [Программа...].

Следующий экономический кризис пришелся на 2014 г. и начался с заявления ЦБ об отказе от поддержки обменного курса рубля, что привело к его девальвации и повлекло за собой рост инфляции, снижение потребительского спроса, сокращение производства. В основе кризисных явлений того времени лежали два фундаментальных фактора: 1) ослабление рубля по отношению к иностранным валютам из-за резкого (со 115 до 45 долл. за баррель) снижения цен на нефть на мировых рынках; 2) введение западными странами экономических санкций против России в связи с государственным кризисом на Украине и вхождением Крыма в состав РФ. В 2015 г. российский ВВП сократился на 2%, а в последующие годы, вплоть до пандемии коронавируса, демонстрировал сравнительно вялый рост [Кризис...].

В 2020 г. Россию, как и подавляющее большинство других стран, настиг коронакризис, вызванный отрицательными социально-экономическими эффектами пандемии коронавируса COVID-19, прежде всего, введенными многочисленными ограничениями, закрытием границ, в целом снижением деловой активности и замедлением роста мировой экономики. Коронакризис глубоко проник во все поры общества, стал стержнем, воздействующим на социальную обстановку в стране. По официальным данным, ВВП РФ по итогам 2020 г. сократился на 2,7%, стоимость российского экспорта упала на 22%, спад в розничной торговле составил 3,2%, предоставление платных услуг населению снизилось на 14,8% [Рафибекова]. В числе других последствий коронакризиса можно назвать падение объема инвестиций и реальных доходов населения. Вместе с тем бизнес в условиях пандемии стал шире использовать цифровизацию и другие инновационные форматы экономической деятельности.

Особый случай представляет собой нынешний кризис 2022 г. По последним оценкам, ВВП по итогам года сократится максимум на 3%, что значительно меньше тех алармистских прогнозов, которые делались еще три-четыре месяца назад. Как заметила в середине сентября председатель Банка России (Центрального банка — ЦБ) Э.С. Набиуллина, ситуация в российской экономике «складывается лучше ожиданий» [Заявление...]. В этой связи многие специалисты отмечают, что в кризисных условиях российская экономика демонстрирует «удивительную устойчивость» [Что ждет...]. В частности, бла-

гоприятное впечатление производят данные о текущем финансовом положении России. По итогам 2022 г. товарный экспорт должен достичь 580 млрд долл., а профицит внешнеторгового баланса — порядка 317 млрд долл. (см. таблицу 2). Это означает, что каждый день страна на протяжении года получала около 1 млрд долл. прибыли от внешней торговли. Астрономические финансовые ресурсы, которых Москва никогда не имела.

Таблица 2

Основные статьи платежного баланса России (млрд долл.)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Счет текущих операций	36	122	255	115	97
Товарный экспорт	333	494	580	450	425
Товарный импорт	-240	-304	-263	-308	-322
Торговый баланс	93	190	317	142	103
Баланс услуг	-16	-20	-5	-5	-5
Импорт капитала	-43	17	-151	-54	-18
Прямые иностранные инвестиции	9	40	-40	-6	15
Экспорт капитала	-10	-92	-73	-40	-45

Источник: [Солнцев]

Вместе с тем, санкционная политика коллективного Запада привела к серьезным осложнениям в сфере операций с капиталом и финансовыми инструментами, в частности, спровоцировав значительный отток инвестиций из России.

Неоднозначное положение сложилось в реальных секторах российской экономики. Экономика фактически оказалась сегментированной, поскольку разделилась на выигравших и проигравших. В числе главных бенефициаров, получающих рекордные прибыли, фигурируют крупные сырьевые компании — производители нефти, газа, сельскохозяйственных удобрений, цветных металлов. Это — ядро российской экономики. Новые возможности роста получили российские предприятия, ориентированные на внутренний рынок, поскольку с него ушли многие иностранные компании, что ослабило конкуренцию. Речь идет, в частности, о многочисленных предприятиях пищевой и легкой промышленности, торговли и сельского хозяйства. Высокие показатели демонстрируют телекоммуникационные компании. В то же время, в сложной ситуации находятся такие важные сектора экономики, как автомобилестроение, гражданская авиация, черная металлургия, машиностроение. Пока не ясно, как скоро и каким образом они смогут восстановиться. В условиях кризиса затормозился запуск строительных проектов. По-видимому, занятые в этой отрасли компании предпочитают концентрировать усилия на завершении уже начатых объектов и с осторожностью подходят к началу новых строек. Но при этом важно, что позитивные тренды наметились в стратегически важном банковском секторе, в полной мере испытавшем на себе санкционный удар западных стран. В частности, Сбербанк (крупнейший в России) заявил в сентябре, что в основном преодолел возникшие трудности, компенсировал финансовые потери и вновь начал работать с прибылью [Анализ...].

Таким образом нынешний кризис российской экономики действительно носит неординарный характер, а потому требует особенно внимательного и всестороннего изучения. Попробуем взглянуть на российскую экономику сквозь кризисные линзы, используя имеющуюся на сегодняшний день макроэкономическую статистику. Для этого обратимся к данным таблицы 3.

Таблица 3

Показатели социально-экономического развития России (изменение в %)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
ВВП	-2,7	4,7	-3,0	-1,2	1,5	2,0
Инвестиции	-0,5	7,7	-10,8	-1,0	2,0	3,1
Инфляция (% за год)	4,9	8,4	12,5	6,5	5,0	5,0
Розничная торговля	-3,2	7,8	-6,5	-1,8	0,8	2,2
Услуги населению	-14,8	14,1	-5,2	-2,0	1,0	2,3
Реальные доходы	-2,0	3,0	-6,5	-1,3	0,7	2,5
Безработица (%)	5,8	4,8	6,2	6,7	6,5	6,3

Источник: составлено автором на основе российских официальных публикаций.

Как видим, самыми узкими местами российской экономики являются падение инвестиций в основной капитал и сокращение реальных доходов населения. В результате, с одной стороны, снижается предложение товаров и услуг, а с другой — уменьшается потребительский спрос, сжимается внутренний рынок. Нет необходимости доказывать, что это — серьезные вызовы, в настоящее время стоящие перед Россией.

Материальный и моральный износ российской модели

Ключевые вопросы, стоящие перед правительством РФ, предпринимательским классом и экспертным сообществом, можно сформулировать следующим образом: в чем главные причины нынешнего российского экономического кризиса и каким может быть выход из создавшегося положения? Другими словами, какой вырисовывается адекватная антикризисная стратегия?

Говоря о причинах кризиса, нужно четко различать внешние и внутренние факторы. Первые хорошо известны — это конфликт с Западом и антироссийские финансово-экономические санкции. Их негативное воздействие нельзя недооценивать. Например, с российского рынка ушли более 3 тысяч крупных иностранных компаний, работавших в целом ряде ключевых отраслей, включая критически важные промышленные сектора. Причем эффекты санкций носят долговременный характер и еще дадут о себе знать в будущем. Более того, в ответ на продолжение специальной военной операции на Украине западные страны вводят в отношении России все новые и новые рестрикции, не скрывают намерения фактически разрушить российскую экономику.

Но все-таки, на наш взгляд, в основе современного кризиса лежат глубинные факторы внутреннего порядка. Что имеется в виду?

Начиная с 90-х годов, Российская Федерация начала вписываться в процесс глобализации в качестве экспортера сырьевых товаров, в первую очередь нефти, газа, угля, древесины, черных и цветных металлов. Затем активизировались российские производители аграрной продукции и сельскохозяйственных удобрений, так же нацеленные на наращивание экспорта. Благоприятная конъюнктура цен на сырье на мировых рынках обеспечила властям РФ беспрецедентные финансовые поступления, которые зачастую распределялись без учета долговременных стратегических интересов российского государства и основной массы населения.

Вместо того, чтобы направить сырьевые сверхдоходы на приоритетное финансирование сферы НИР, развитие передовых высокотехнологичных отраслей экономики и подъем жизненного уровня большинства россиян, миллиарды и миллиарды долларов выводились за рубеж (в частности, в офшорные зоны) и расходовались на импорт предметов роскоши и множества товаров массового спроса, значительная часть которых вполне могла производиться в России. В то же время такие важнейшие в современных условиях отрасли как наука и образование финансировались, по большому счету, по печально известному «остаточному принципу». Например, еще полтора десятка лет назад руководством страны была поставлена цель довести расходы на науку до 2% ВВП (что также не является мировым рекордом), но до настоящего времени этот показатель остается на уровне 1% [Динамика...]. Результат хорошо известен: экономика России стала расти медленнее, чем мировая экономика в целом и экономика подавляющего большинства ведущих развитых и развивающихся государств (см. таблицу 4). Можно с уверенностью констатировать, что низкие темпы экономического роста стали для нашей страны своего рода «новой нормальностью».

Таблица 4

Динамика ВВП (изменение в %)

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Весь мир	3,5	3,4	3,3	3,8	3,6	2,8
Развитые	2,0	2,3	1,8	2,5	2,3	1,7
Развивающиеся	4,7	4,3	4,5	4,8	4,6	3,7
В том числе:						
Азия	6,9	6,8	6,8	6,6	6,4	5,4
Ближний Восток	3,3	2,7	4,6	2,5	2,2	1,5
Африка	5,0	3,2	1,5	3,0	3,3	3,1
Латинская Америка	1,3	0,4	-0,6	1,4	1,2	0,1
Россия	0,7	-2,0	0,2	1,8	2,8	2,0

Источник: [IMF. World Economic...P. 111, 115].

По существу, в России сложилась своеобразная модель экономического развития, кардинально отличающаяся от западной и азиатской моделей, но имеющая немало сходных черт со странами Латинской Америки [Яковлев Латинская...]. Но даже в сравнении с крупнейшими латиноамериканскими государствами экономика РФ выглядела не слишком убедительно. Пример — инвестиции в высокотехнологичные компании. В 2021 г. такие инвестиции в Российской Федерации составили 800 миллионов долларов, а в Бразилии — почти в 15 раз больше — свыше 13 миллиардов долларов. Поразительно, но в РФ нет ни одного технологического стартапа-единорога (компании с капитализацией 1 млрд долларов и больше). Даже в Южно-Африканской Республике их два, в Чили и Колумбии — по три, в Мексике — 8, в Бразилии — 16, в Индии — 105 [The Complete...].

Не случайно далеко недостаточные для решения ключевых проблем России темпы экономического роста сложились после глобального воспроизводственного кризиса 2008 г., который обнажил узкие места отечественной хозяйственной системы, прежде всего, сильнейшую зависимость от конъюнктуры цен на мировых сырьевых рынках и размеров поступающих в нашу страну иностранных инвестиций. Очевидны и структурные недостатки отечественной экономики. В ней получили гипертрофированное развитие топливно-энергетическая и металлургическая отрасли, много лет работавшие на интересы западных стран. Но одновременно был практически свернут машиностроительный сектор, как правило, определяющий технологический вектор развития всей национальной промышленности.

По мнению ряда экспертов (автор этих строк входит в их число), не были решены главные задачи, стоящие перед Банком России и министерством финансов, что серьезно ухудшило не только кредитно-денежное положение, но в общую макроэкономическую ситуацию РФ [О нерешении...]. Причем, на наш взгляд, такая критическая оценка справедлива как в отношении тех целей, которые эти ведомства сами ставили перед собой, так и их реакции на внешние и внутренние вызовы, с которыми столкнулась экономика и социальная сфера России в период 2008–2022 гг.

В частности, откровенно негативные последствия имела крайне консервативная денежно-кредитная политика ЦБ. В том числе: не принесла ожидаемых результатов широко разрекламированная борьба с инфляцией; действия по санации банковской системы привели к значительным потерям ликвидности (порядка 1,5 трлн руб.) и усилили тренд на концентрацию ресурсов в руках ограниченного числа крупнейших банков; неразвитость национального финансового рынка привела к тому, что фактически сократились возможности малого и среднего бизнеса использовать кредитные инструменты. Более того, начало широкомасштабной санкционной войны против РФ показало уязвимость нашей страны в международной платежной сфере, что нанесло ощутимый ущерб экономическому суверенитету России. Напомним в этой связи, что наша страна лишилась доступа к хранившимся на Западе более чем 300 млрд долл. (почти полови-

не своих золотовалютных резервов) [Минфин].

Другими словами, в результате перекосов в макроэкономической и (особенно) денежно-кредитной политике «новой нормальностью» для России стали не только низкие темпы экономического роста, но и глубокие структурные изъяны в отечественной хозяйственной системе.

В поисках национальной стратегии роста

Главная особенность текущего момента состоит в том, что выход из кризиса и формирование новой модели экономического роста Россия вынуждена осуществлять в экстремальных геополитических условиях, на этапе борьбы за глубокое переустройство мирового порядка. Поскольку политические противоречия с Западом быстро нарастали, а экономические достижения большинства латиноамериканских государств сравнительно скромны, российские власти взяли курс на форсированное торгово-экономическое сближение с Азией, в первую очередь с Китаем.

Конечно, речь не идет о том, чтобы в России взять на вооружение азиатскую модель экономического роста. Это нереально хотя бы потому, что сердцевиной азиатской модели является агрессивное использование чрезвычайно емких западных потребительских рынков. Для российских предприятий (особенно в условиях санкционного давления) такой путь перекрыт. Причем сейчас речь идет о перспективе закрытия европейских рынков даже для российских энергетических товаров.

Яркий пример — отношения России с Германией. 50 лет назад началось масштабное сотрудничество двух стран в газовой области. Поставки российского природного газа, без преувеличения, сыграли важную роль в опережающим развитии германской промышленности, способствовали превращению этой страны в лидера Европейского союза, а Российская Федерация извлекла из сделки с Германией необходимые ей финансовые ресурсы, технологии и оборудование. Теперь этому взаимодействию приходит конец. Как заявил немецкий канцлер Олаф Шольц, «Берлин больше не считает Москву надежным поставщиком энергоресурсов». В свою очередь, экс-президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что «Германия действует как враг России». Другими словами, российско-германский газовый брак по расчету на наших глазах завершается разводом, болезненным для обеих сторон [Соколов].

Теряя европейские и другие западные рынки, Россия стремится расширить торгово-экономические связи с государствами Азии. В этом и заключается, прежде всего, так называемый «поворот на Восток». Каковы шансы на успех такой внешнеэкономической стратегии?

Все указывает на то, что эти шансы в решающей степени зависят от того, какая модель экономического роста придет на смену нынешней политике, не обеспечившей устойчивого и динамичного социально-экономического развития России. Ключевая

задача новой модели — создать благоприятные условия для максимального полного раскрытия потенциальных возможностях устойчивого роста экономики нашей страны, по сути, выстроить эффективную стратегию структурно-технологической перестройки. Об этом, в частности, говорится в аналитическом докладе, подготовленном большой группой ученых Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН во главе с директором института А.А. Шировым [Потенциальные возможности...]. Выделим узловые идеи упомянутого документа.

Императивный характер носит достижение российской экономикой в обозримой перспективе темпов роста порядка 2,5-3% в год. Для этого необходимо существенное увеличение продуктивности (производительности труда), что, в свою очередь, предполагает значительное наращивание инвестиционных усилий. Заметим, что такой стратегически важный макроэкономический маневр в последние десятилетия оказался по силам ограниченному числу стран, включая Китай, Индию, Южную Корею, некоторые государства Юго-Восточной Азии.

Критически необходимое технологическое обновление основных отраслей хозяйства РФ следует преимущественно осуществлять на базе отечественной инновационной системы (которую, заметим в скобках, еще предстоит создать) и с помощью технологических прорывных проектов, реализуемых государственными структурами. Впоследствии такие проекты должны быть доведены до заинтересованных частных компаний, способных использовать полученные инновационные наработки.

Ускорение технологического развития России в решающей степени зависит от модернизации науки — обновления ее технической и кадровой базы. Кроме того, ученые ИНП РАН предлагают переориентировать отечественную науку с «инерционного» следования за зарубежной повесткой, нацеленной на распространение процессов неолиберальной глобализации, на достижение целей развития национальной экономики и социальной сферы.

Наконец, крайне важно повысить роль в экономической жизни финансового сектора, преодолеть хроническую недофинансированность многих отраслей хозяйственной деятельности, обеспечить выращивание отечественных компаний-«чемпионов». При этом сам финансовый сектор должен выйти на более высокий уровень развития, шире включить в себя, наряду с традиционными банками, инвестиционные фонды и финтех-компании. Последние особенно важны, поскольку, как показывает международный опыт, активно используют продвинутые финансовые технологии.

Безусловно, приведенные выше тезисы, которые частью отечественного научного сообщества предлагается положить в основу новой российской модели роста, представляют немалый интерес и заслуживают детального анализа. Однако, на наш взгляд, сердцевиной современной, устремленной в будущее макроэкономической стратегии должны стать следующие три фундаментальных принципа.

Во-первых, следует использовать все еще имеющийся в распоряжении государства колоссальный финансовый ресурс для целенаправленных и неотложных инвестиций в экономику и социальную сферу. Приоритетом (не на словах, а на деле) должны стать критически важные инфраструктурные проекты, наука и технологии, образование и медицина. Во-вторых, пора положить конец унизительно низким заработным платам и пенсиям большинства населения. Доходы граждан нужно резко повысить и тем самым ощутимо расширить внутренний рынок для продукции национальных товаропроизводителей, призванных реализовать стратегию импортозамещения. В-третьих, необходимо установить хотя бы минимальную социальную справедливость. Следует ощутимо ограничить сверхдоходы, получаемые отдельными категориями граждан из государственного бюджета. Кроме того, давно пора ввести прогрессивную шкалу налогообложения, а полученные средства в приоритетном порядке направлять на цели социального развития.

Макроэкономическая модель, прочно базирующаяся на этих принципах, и есть магистральный путь к выходу из кризиса и переходу российской экономики на рельсы ускоренного и устойчивого технологического развития.

Литература

Анализ макроэкономических тенденций. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 16.09.2022. — URL: forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2022/macro30.pdf (дата обращения: 18.09.2022).

Дефолт 1998 года в России. — URL: ria.ru/20110824/422807796.html (дата обращения: 09.09.2022).

Динамика затрат на науку в России за последнее десятилетие. Октябрь 2020. — URL: issek.hse.ru/news/408283757.html?ysclid=l8g2sbccy9865500231 (дата обращения: 11.09.2022).

Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 16 сентября 2022 года. — URL: https:// cbr.ru/press/event/?id=14171 (дата обращения: 19.09.2022).

Кризис 2014 года анфас и профиль. Обменники без валюты и «новые бедные» // Реальное время. 17.12.2018. — URL: realnoevremya.ru/articles/123515-kak-krizis-2014-goda-izmenil-rossiyu?ysclid=l8elzhsb1a979041683 (дата обращения: 10.09.2022).

Минфин заявил о заморозке $300 млрд золотовалютных резервов из-за санкций // РБК. 13.03.2022. — URL: rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c?ysclid=l88iwi4kej338156489 (дата обращения: 11.09.2022).

Миру предсказали дефицит важнейшего металла // Лента.ру. 22.09.2022. — URL: lenta.ru/news/2022/09/22/meddef/ (дата обращения: 23.09.2022).

О нерешении Банком России ключевых стоящих перед ним задач // ИКСИ. 18.02.2021. — URL: icss.ru/ekonomicheskaya-politika/denezhno-kreditnaya-politika/cb-tasks-resuts (дата обращения: 12.09.2022).

Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад ИНП РАН. Июль 2022. — URL: ecfor.ru/wp-content/uploads/2022/07/potentsialnye-vozmozhnosti-rosta-rossijskoj-ekonomiki-an... (дата обращения: 12.09.2022).

Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. — URL:

web.archive.org/web/20090529073939/http://www.premier.gov.ru/anticrisis/ (дата обращения: 15.09.2022).

Рафибекова К.Р. Спастись от «зомби-компаний» и «черных лебедей»: как бизнес в РФ справляется с коронакризисом // Высшая школа экономики. 31.01.2022. — URL: economics.hse.ru/ecjourn/news/559296514.html (дата обращения: 24.09.2022).

Соколов А. Ценности или иллюзии: будущее российско-германских отношений // Россия в глобальной политике. 06.04.2022. — URL: globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/?ysclid=l8gy0o2c7j342195930 (дата обращения: 25.09.2022).

Солнцев О. «Туман будущего» и курс рубля: что показывает оптика макроэкономического анализа? Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Сентябрь 2022 г. — URL: forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Soln/CRO_CMASF.pdf (2023-2024 гг. — прогноз) (дата обращения: 23.09.2022).

Тренды развития крупнейших экономик мира: США, зоны евро и Китая. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2022. №2 (65). — URL: forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/WORLD_LEADS/2020/World_trends_march_2020.pdf (дата обращения: 24.09.2022).

Цена на природный газ (NYMEX.NG) сегодня. 19.09.2022. — URL: bhom.ru/commodities/prirodnyi-gaz/?ysclid=l88njb41yl835695256 (дата обращения: 20.09.2022).

Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет 1992. — URL: cbr.ru/Collection/Collection/File/7821/ar_1992.pdf (дата обращения: 09.09.2022).

Что ждет экономику России после удачного 2022 года // Взгляд. 13.09.2022. — URL: vz.ru/economy/2022/9/13/1177189.html?ysclid=l8gqb0s5md369168420 (дата обращения: 15.09.2022).

Яковлев П.П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? // Мировая экономика и международные отношения. 2019.Т. 63. № 3. С. 94-103.

Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 5-14.

Bloomberg: экономика РФ может столкнуться с рецессией на 10 лет // Коммерсант. 06.09.2022. — URL: kommersant.ru/doc/5547536?ysclid=l8ad2gtipu823573317 (дата обращения: 20.09.2022).

China Banks May Face $350 Billion in Losses from Property Crisis // Bloomberg. 01.08.2022. — URL: bloomberg.com/news/articles/2022-07-31/china-banks-may-face-350-billion-in-losses-from-property-crisis (date of access: 09.09.2022).

The Complete List of Unicorn Companies // CBInsights. — URL: cbinsights.com/research-unicorn-companies (дата обращения: 20.09.2022).

Food prices jump 20.7% yr/yr to hit record high in Feb, U.N. agency says // Reuters. 5.03.2022. — URL: reuters.com/world/food-prices-hit-record-high-february-un-agency-says-2022-03-04/ (date of access: 15.09.2022).

Friedman T. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y. 2005.

Government and media fuel a vicious cycle of distrust // Edelman. 18.01.2022. — URL: edelman.com/news-awards/2022-edelman-trust-barometer-reveals-even-greater-expectations-business-lead-government-trust (date of access: 17.09.2022).

IMF. World Economic Outlook. Recovery During a Pandemic. Health Concerns, Supply Disruptions, and Price Pressures. Oct. 2021. Washington. 2021.

James H. The New Backlash Against Globalization // Project Syndicate.07.06.2016. — URL: project-

syndicate.org/commentary/new-backlash-against-globalization-by-harold-james-2016... (date of access: 19.09.2022).

Krugman P. Russia Is a Potemkin Superpower // The New York Times. 28.02.2022.

Krugman P. Technology and the Triumph of Pessimism // The New York Times. 28.06.2022.

Krugman P. Wartime Economics Comes to Europe // The New York Times. 08.09.2022.

Krugman P. Will Putin Kill the Global Economy? // The New York Times. 31.03.2022.

Sonnenfeld J., Tian S., Sokolowski F., Wyrebkowski M., Kasprowicz M. Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy. 20.07.2022. — URL: papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4167193 (date of access: 10.09.2022).

Taleb N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. N.Y. 2007.

Triper J.M. El cortocircuito energético de Europa // El Economista. 19.09.2022.

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-43-52
УДК 327

Екатерина Лабецкая

Арктика: конец аллюзии, или Белое Безмолвие гибридной войны

Аннотация. *События 2022 г. окончательно развеяли миф об арктической бесконфликтности. Демарши в Арктическом совете семерки А-7 в составе Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Финляндии и Швеции, препятствующие имплементации программы российского председательства, вряд ли оставляют сомнения относительно реальности арктического плацдарма гибридной войны против России. Аллюзию Белого Безмолвия подарил нам знаменитый одноименный рассказ Дж. Лондона вместе с другими его произведениями о жизни в высоких широтах. Их лейтмотив — Арктика не прощает расслабленности. Современная Арктика (Трансарктика) во всей ее многогранности не простит человечеству расслабленности и нарушения хрупкого баланса Циркумполярного мира с его почти четырьмя миллионами жителей. Для наиболее полного осознания реалий этого мира автор использует пространственно-системный подход, а также наработки case-studies, посвященные Трансарктике, прежде всего в связи с действующим в ней квазиправительством в лице Арктического совета, отметившего в 2021 г. свое 25-летие.*

Ключевые слова: *Арктика. Трансарктика, Арктический совет, Арктическая зона РФ, безопасность, геополитика, гибридная война, глобализация, санкции, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), стратегическое планирование, Россия, НАТО, США.*

Tempora mutantur et nos mutamur in illis[1]

Для начала определимся с терминологией. Трансарктика[2] — формирующееся в XXI в. виртуальное транснациональное политическое пространство мирового Заполярья, его гуманитарно-геополитическая надстройка. Авторский анализ концепта пространства и понятия «Трансарктика» подробно представлены в более ранних публикациях [Лабецкая Трансарктика… Лабецкая Россия–ЕС… Лабецкая Арктический вектор…].

1 «Времена меняются, и мы меняемся с ними»

2 Термин «Трансарктика» (Trans-Arctic, по аналогии с Trans-Atlantic и Trans-Pacific) введен автором в 2014 г. в рамках пространственного подхода к изучению политических процессов арктического макрорегиона.

Сведения об авторе: *ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна — ведущий научный сотрудник сектора общих проблем международных отношений отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, кандидат экономических наук, lbtskaya@imemo.ru.*

В данной же статье ограничимся констатацией, что Трансарктика — это отнюдь не изолированное пространство в высоких широтах, а один из плацдармов разворачивающейся в мире гибридной войны (ГВ). Плацдарм, который в условиях глобализации, в том числе глобального потепления, становится все доступнее как для «регионалов», так и «внерегионалов».

Пространственно-системный анализ Трансарктики изначально свидетельствовал об иллюзорности утверждений о бесконфликтности этого транснационального пространства. Ведь тщательный анализ арктического контента XXI в. со всей очевидностью демонстрировал, что характерный для региона времен распада СССР конфликтный потенциал холодной войны не только никуда не исчез, но и обзавелся новыми триггерами. Да, открытого конфликта в Заполярье стороны стремились избегать. Этому во многом способствовали проводившиеся членами Арктического совета (АС) вплоть до 2014 г. ежегодные консультации на уровне начальников генеральных штабов. И это притом что данный межправительственный форум высокого уровня официально абстрагировался от военной проблематики Заполярья. Алгоритм российского подхода к арктическому взаимодействию в лапидарной форме был сформулирован президентом РФ В.В. Путиным еще в 2016 г. в его приветственном слове участникам встречи стран АС: «Арктика должна утверждаться как пространство для открытого и равноправного диалога, основанного на принципах всеобщей и неделимой безопасности, в котором нет места для геополитических игр военных блоков, закулисных соглашений и раздела сфер влияния. Россия и впредь будет сохранять приверженность мирному освоению данного региона при соблюдении собственных национальных интересов и безусловном уважении интересов других стран»[1].

Сегодня, когда здравый смысл отказывает многим арктическим партнерам России, а обстановка в Трансарктике становится все сложнее, эти слова становятся еще актуальнее. Не случайно экспертная исландско-гренландская комиссия, работавшая под эгидой МИД Исландии, ввела в широкий политологический оборот понятие «Новая Арктика», акцентируя в качестве новизны «растущую напряженность между сверхдержавами, обусловленную четырьмя основными факторами: изменением климата, интересами безопасности сверхдержав, новыми трассами морских перевозок, открывающимся доступом к ресурсам». При этом они особо отмечали «превращение Арктики всего за десятилетие из изолированного периферийного региона в один из ключевых центров геополитики XXI в., где, наряду с новыми возможностями, возникают и новые риски» [Greenland and Iceland...]. И один из серьезнейших рисков связан с превращением Трансарктики как составной части глобальной системы международных отношений в новый плацдарм разворачивающейся в мире гибридной войны против РФ. Кстати, директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин еще в 2017 г. констатировал, что «масштабы развернутой

1 Путин: Арктика должна стать местом, в котором нет геополитических игр // РИА «Новости». 30.08.2016. — URL: ria.ru/world/20160830/1475627706.html (дата обращения: 28.06.2022).

Западом работы позволяют говорить о необъявленной гибридной войне (против РФ. — *Е.Л.*)»[1].

В 2022 г. заложниками этой гибридной войны стали российская программа председательства в Арктическом Совете [Russia's Chairmanship Program...], стратегические планы развития Арктической зоны РФ (АЗ РФ) [Об основах... О стратегии...] и Циркумполярного мира в целом [Arctic Council Strategic Plan...]. Тем самым была поставлена жирная точка в продолжительном политологическом споре о якобы бесконфликтной Арктике. Более того, наличие конфликтного потенциала в регионе наконец-то признано и российским дипломатическим ведомством. Так, посол по особым поручениям МИД РФ, действующий председатель Комитета старших должностных лиц АС Николай Корчунов, комментируя передачу Финляндией и Швецией генеральному секретарю НАТО Йенсу Столтенбергу заявок на вступление в альянс, констатировал: «Это, конечно, очень тревожная тенденция — превращение Арктического региона в интернациональный театр военных действий»[2]. Еще четче расставил точки над «и» в этом контексте бывший постоянный представитель РФ при НАТО в Брюсселе, а ныне заместитель министра иностранных дел РФ Александр Грушко: «Зная, насколько НАТО готово милитаризировать все, что находится в пределах досягаемости, мы не недооцениваем угрозу милитаризации Арктики, превращения ее в арену военного соревнования». Отмечая убежденность РФ в необходимости развития региональных «мирных инструментов», в частности АС и Совета Баренцева/Евро-Арктического региона (СБЕР), А. Грушко заметил, что эффективность этих институтов, «очевидно, не усилится» пронатовским «разворотом» ранее нейтральных Швеции и Финляндии[3]. Надо отдать должное — трезвые оценки пронатовского финско-шведского демарша имеют место и в США. В частности, глава вашингтонского Центра международной политики Дайана Олбаум сочла его дестабилизирующим фактором, «недальновидным и опасным»[4].

Уточним, что под ГВ, в соответствии с трактовкой начальника генерального штаба ВС России Валерия Герасимова, понимается «сочетание в конфликтах политических, экономических, информационных и прочих невоенных мер при опоре на военную силу»[5].

Геостратегическая значимость Арктической зоны РФ в условиях гибридной войны на трансарктическом пространстве обусловлена рядом серьезных факторов, веками ха-

---

1 Нарышкин заявил о ведении США гибридной войны против стран СНГ // Росбалт. 19.12.2017. — URL: rosbalt.ru/russia/2017/12/19/1669627.html (дата обращения: 28.06.2021).

2 В МИД сообщили о тревожной тенденции в Арктике // Lenta.ru. 22.05.2022. — URL: lenta.ru/news/2022/05/22/arc/ (дата обращения: 28.06.2022).

3 Лабецкая К. Арктика как театр военных действий // Независимая газета. 29.05.2022. — URL: ng.ru/dipkurer/2022-05-29/9_8447_arctic.html (дата обращения: 28.06.2022).

4 Эксперт считает, что вступление Швеции и Финляндии в НАТО может дестабилизировать Европу // ТАСС. 22.05.2022. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14694631 (дата обращения: 28.06.2022).

5 Ходаренок М., Зинченко А. Гибридное оружие войны // Газета.ру. 10.08.2016. — URL: gazeta.ru/army/2016/08/10/10112729.shtml (дата обращения: 28.06.2022).

рактерных для обеспечения конкурентоспособности России. Пожалуй, наиболее мощно сформулировал их известный российский философ И.А. Ильин в работе «О путях России»: «Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ... Тяжек наш крест... Первое наше бремя, есть бремя земли — необъятного, непокорного, разбегающегося пространства... Второе наше бремя есть бремя природы ... И суровая природа стала нашею судьбою... И третье наше бремя есть бремя народности ... Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы... Не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово...»[1].

Quo vadis, Trans-arctic?

«Куда ты направляешься, Трансарктика?». Этот вопрос закономерно встал, как только в марте 2022 г. арктические партнеры РФ приняли противоречащее здравому смыслу решение бойкотировать все мероприятия Арктического совета, организуемые председательствующей в нем с мая 2021 г. по май 2023 г. Россией. А ведь именно России выпала честь начать имплементацию самого значимого документа АС за всю историю его существования — «Стратегического плана (СП) АС на 2021–2030 гг.». О значимости этого документа для Циркумполярного мира можно судить по семи декларируемым в нем целям, которые условно группируются в три темы: «ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ», «УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ», «УКРЕПЛЕНИЕ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА». Для гарантированного достижения поставленных целей Арктический совет проработал для каждой из них «стратегические действия», в основу которых была положена совокупность научно обоснованных рекомендаций, традиционных и местных знаний. При этом подразумевалось, что реализации этих целей будет способствовать **взаимодействие арктических государств и в регионе, и на международных площадках**. Красной нитью по документу пролегла идея поддержки и развития коренных народов Заполярья, включая усиление потенциала представляющей их шестерки постоянных участников АС[2], обеспечение реализации Декларации ООН о правах коренных народов и участие в Международном десятилетии языков коренных народов ООН (2022–2032 гг.). В Стратегическом плане также заложена поддержка и ранее принятых юридически обязывающих документов АС — Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике от 2011 г., Соглашения о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике от 2013 г. и Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества от 2017 г. Промежуточный обзор выполнения СП назначен на 2025 г., а итоговая оценка его реализации — на 2030 г.

1 Ильин И.А. О России. Три речи. С. 8–11. — URL: legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_tri_rechi_o_rossii.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

2 Постоянными участниками АС являются шесть организаций коренных народов Арктики: Циркумполярная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Арктический совет атабасканов, Международный совет гвичинов.

Однако вместо того, чтобы тесно взаимодействовать с председательствующей в АС Россией в достижении вышеназванных жизненно важных для сурового Белого Безмолвия решений, упомянутая А-7 впала в безответственное политиканство, чреватое коллапсом Циркумполярного мира. Соответственно, перед председательством РФ в АС встали дополнительные задачи по стабилизации ситуации в Высоких широтах и по обеспечению имплементации СП АС, призванного способствовать устойчивому развитию Трансарктики.

Мотивацией безрассудства А-7 послужила объявленная Россией 24 февраля 2022 г. Специальная военная операция на Украине. Между тем нынешний украинский кризис — лишь один из эпизодов вышеупомянутой гибридной войны, в котором на данный момент преобладает силовая составляющая. Этот эпизод, безусловно, оказал сильное влияние на формирование серьезных геополитических вызовов российскому председательству в АС, затормозил взаимодействие РФ с Советом Баренцева/Евро-Арктического региона, форумом «Северное измерение», Северным форумом, осложнил двусторонние отношения с арктическими странами. Особо отметим Финляндию и Швецию, устремившихся в НАТО. Впрочем, на наш взгляд, для этого их решения украинский кризис стал лишь удобным предлогом.

Нюансы в оценках ситуации в мировом Заполярье финским и шведским руководством проявились в 2019 г. Напомним их высказывания на V Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» (Санкт-Петербург, 2019 г.) [Пленарное заседание...].

Президент Финляндской Республики Саули Ниинисте, констатируя «внешнюю неопределенность и напряженность за пределами Арктики», уже тогда предсказал, что, «к сожалению, мы не можем исключить возможности конфронтации с точки зрения политики и власти». И добавил: «Растет риск конфронтации по мере того, как растет количество участников. Прежде всего, я имею в виду конфронтацию и возможность нарушить хрупкий природный баланс в Арктике». Примечателен пассаж его выступления касательно вопроса жесткой безопасности в регионе: «Вопросы безопасности, военной безопасности всегда оставались за пределами арктической повестки АС. Мы делали это намеренно, и это часть нашего успеха. И нет причин, по которым мы должны были бы менять такой мандат Совета. Однако, просто исключая эти вопросы из повестки Совета, мы не сможем от них отмахнуться. Совместно арктические страны должны изыскать другую возможность, чтобы с полной ответственностью решать эти вопросы».

Между тем финская позиция достаточно противоречива, учитывая знаменитый тезис Саули Ниинисте: “Если мы потеряем Арктику, мы потеряем весь мир” (“If we lose the Arctic, we lose the whole world”), которым глава государства в 2017 г. мотивировал скорейшее проведение Арктического саммита [President Niinistö in Arkhangelsk...].

Напомним, что до последнего момента у финнов теплилась надежда, что саммит состоится в период председательства Финляндии в АС (2017–2019 гг.) и завершение

финского лидерства в организации пройдет триумфально. Надежды не сбылись. Более того, финал председательства, министерская встреча государств-членов Арктического совета в г. Рованиеми (май 2019 г.), оказался провальным. Госсекретарь США Майк Помпео, отвергнув концепцию «изменения климата», сорвал консенсус по этой ключевой проблеме региона, лишив тем самым финское председательство возможности принять традиционную для министерской встречи АС итоговую декларацию. Главе финской дипломатии Тимо Сойни пришлось спасать положение выпуском десятистраничного Заявления финского председательства. В нем акцентировалась приверженность «большинства участников встречи» решимости бороться с последствиями изменения климата ради сохранения хрупкой экосистемы и устойчивого развития Арктики.

Вспомним, английский глагол «to lose» переводится на русский язык двояко: «потерять» и «проиграть». Министерскую встречу АС финны в 2019 г. проиграли. Но главное — не проиграть Арктику, а вероятность такого проигрыша в 2022 г. из-за демаршей А-7 и потакания арктическим амбициям НАТО весьма велика. Москва не раз отмечала, что НАТО нацелена на конфронтацию. Однако «в Кремле не считают вступление Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс экзистенциальной угрозой для России»[1].

В условиях глобальной игры арктических держав XXI в., думается, английское слово «to lose» следует воспринимать в значении «проиграть» и в книге известного финского политолога и журналиста М. Хейккиля [Heikkilä]. Пассаж из его книги выглядит вполне пророчески: «Арктика может быть проиграна в силу разных причин. Обычно мы говорим о глобальном потеплении. Но нагретый политический климат может иметь тот же эффект. И то и другое происходит поступательно, небольшими шагами, пока все необратимо не изменится. Это не означает Арктический конфликт. Структуры могут выглядеть так же, как и раньше, но все же что-то может полностью измениться. Важно думать, к чему прислушаться. Мы еще не столь далеко зашли. ...Поскольку эта книга посвящена Финляндии, надо сказать: в интересах всех жителей Финляндии, чтобы мы никогда и не зашли столь далеко» [Heikkilä, p. 140]. Видимо, политкорректность заставила М. Хейккиля воздержаться от негативного прогноза американского влияния на арктические достижения Финляндии. Но по итогам министерской встречи АС в Рованиеми в 2019 г. он иронично «твиттнул» предложение переименовать выставку в фойе форума в соответствии с итогами дня, заменив «Начало Арктической эры» на ее «Конец»[2].

2022 г. сделал уже очевидным тот факт, что без взаимодействия с РФ, крупнейшим игроком в Трансарктике, «не потерять/ не проиграть Арктику» финнам будет весьма проблематично.

---

1 В США объяснили, как НАТО использует Швецию и Финляндию против России // РИА «Новости». 12.06.2022. — URL: ria.ru/20220612/arktika-1794828192.html (дата обращения: 28.06.2022).
2 Markku Heikkilä in Twitter. — URL: twitter.com/heikkilamark/status/1125710478527930370 (accessed 07.08.2020).

Владимир Путин подчеркнул, что отказ от традиционной политики военного нейтралитета Хельсинки был бы ошибочным, так как никаких угроз для Финляндии не существует.

Впрочем, спасти лицо Хельсинки взялся было помочь Стамбул. С одной стороны, Финляндия солидаризировалась с США, проявив готовность вступить в НАТО. Но, с другой стороны, не идя на уступки Турции, она лишила себя возможности членства в альянсе. Напомним, что президент Турции Реджеп Эрдоган мотивировал свое вето на вступление в альянс Финляндии и Швеции их позицией по отношению к запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана.

Любопытны нюансы и в шведской позиции. Так, Стефан Левен, премьер-министр Королевства Швеция, придерживавшегося нейтралитета, в 2019 г., хотя и акцентировал как «стратегическую цель» сохранение Арктики в качестве региона с низкой напряженностью, все же констатировал: «Глобализация несет свои вызовы и сложности, и, безусловно, ситуация меняется и для Арктики» [Пленарное заседание...].

В сентябре 2020 г. эта мысль была конкретизирована в представленной Риксдагу (шведскому парламенту) новой редакции арктической стратегии Швеции «Sveriges strategi for den arktiske regionen», которая пополнилась главой о политике безопасности и обеспечении стабильности в высоких широтах [Strategi för den arktiska regionen]. Она гласила: «Швеция считает необходимым найти формы и механизмы для минимизации рисков. В противном случае деятельность в Арктике окажется чревата инцидентами, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в конфликтную ситуацию»[1].

Еще одним свидетельством милитаристского тренда в политике вышеназванных арктических «нейтральных» государств является их соглашение от сентября 2020 г. с Норвегией, членом НАТО, подразумевающее усиление военно-оперативного взаимодействия в Северном Калотте, субрегионе за Северным полярным кругом, включающем Кольский полуостров с Мурманской областью и северные части двух Скандинавских стран, а также Финляндии[2].

Кстати, увязка Швеции с арктическими амбициями НАТО муссировалась американцами еще в 2020 г. во время презентации министром иностранных дел Швеции Анн Линде новой арктической стратегии страны на виртуальной платформе международной ассамблеи «Арктический круг» (Arctic Circle Virtual). Но тогда А. Линде, отвечая на вопрос американца, следует ли расширить присутствие альянса в Арктике, предпочла напомнить о нейтралитете Швеции и переадресовать вопрос НАТО. При этом, отвечая

1 Лабецкая К. Как не разбудить дремлющий конфликтоген Арктики // Независимая газета. 19.11.2020. — URL: ng.ru/vision/2020-11-19/6_8019_vision.html / (дата обращения: 28.06.2022).
2 Швеция, Норвегия и Финляндия подписали военное соглашение // Regnum. 24.09.2020. — URL: regnum.ru/news/polit/3072649.html (дата обращения: 28.06.2022).

на уточняющий вопрос автора данной статьи, не чревато ли расширение присутствия НАТО в Арктике увеличением там конфликтного потенциала, министр изящно дистанцировалась от щекотливой темы, заметив, что «всей «арктической восьмерке», то есть членам АС, важно отсутствие в регионе какой-либо напряженности, военной эскалации и конфликтов. И это касается любой военной активности»[1].

Cui prodest?[2]

Хронология антироссийских демаршей вокруг Арктического совета свидетельствует об абсурдном стремлении А-7 выдавить РФ из Совета, а еще «лучше» — из Арктики вообще. Однако легитимным путем добиться этого не получится. Ведь Россия — полноправный член АС, а решения, согласно учредительным документам, принимаются в нем исключительно консенсусом. Не говоря уже о том, что РФ — крупнейшая арктическая держава и без нее эффективное функционирование любого арктического института невозможно в принципе. Любые попытки препятствовать имплементации в АС российской программы председательства, девиз которой «Ответственное управление для устойчивой Арктики», равнозначно саботажу продвижения коллективных усилий в Арктике по обеспечению устойчивого развития, подрыву синергетики взаимодействия с перспективными региональными институтами и, наконец, просто срыву реализации Стратегического плана АС, с воплощением которого связаны чаяния коренных народов региона.

Что же за этим стоит?

Вспомним череду событий 2022 г. 3 марта А-7 официально объявила о временной приостановке своего участия во всех официальных мероприятиях как самого Арктического совета, так и его вспомогательных органов. Отказалась А-7 и делегировать своих представителей на встречи на территории РФ. Жертвами политического демарша стали проекты АС, связанные с изучением изменений климата и обусловленных ими новых трендов развития флоры и фауны в высоких широтах. В частности, это затронуло масштабный научный проект *PAME*, призванный анализировать воздействие добычи углеводородов на природу Заполярья. Под вопросом оказалась и жизнеспособность чрезвычайно актуального проекта, ориентированного на замер объема выбросов метана с морского дна в российских арктических водах.

В первой декаде мая неудачная попытка перехватить лидерство у АС имела место на ежегодном международном форуме «Арктические рубежи» в норвежском городе Тромсё. Учитывая, что сооснователь международной ассамблеи «Арктический круг» (АК), глава его консультативного совета, главный редактор и издатель популярного медиа-ресурса «*Arctic Today*» Алиса Рогофф уже ставила вопрос о переформатировании АС в «Арктический совет 2.0», можно предположить, что побороться с АС за влияние в Трансарктике решится и «Арктический круг».

---

1 Лабецкая К. Как не разбудить дремлющий конфликтоген Арктики…

2 «Игра на вылет»?

8 июня А-7 объявила о решении возобновить работу Арктического совета без участия России. То есть переформатировать АС из А-8 в А-7. Зачем?

Не исключено, что А-7 мешала принципиальная позиция РФ, препятствующая наделению Евросоюза статусом наблюдателя в АС, а также негативное отношение России к попыткам расширить зону ответственности НАТО на арктический макрорегион. Как бы то ни было, попытки перехватить лидерство АС в Трансарктике стали предприниматься (пока безуспешно) сразу же, как появился удобный предлог. А стали им февральские события на Украине. Просматривается явный расчет обеспечить Евросоюзу и НАТО прорыв к рычагам управления мировым Заполярьем, которыми они давно и безуспешно грезили, ибо жестко отсекались Москвой.

Впрочем, всякие надежды выбить Россию из Арктики иллюзорны, так как без интенсивного взаимодействия с ней не могут решаться ключевые проблемы Трансарктики. Ведь Россия — это треть арктического пространства, порядка 50% проживающего в циркумполярном мире населения и около 2/3 экономических связей в высоких широтах.

К тому же РФ не намерена отказываться от своих обязательств по обеспечению устойчивого развития циркумполярной цивилизации. Не говоря уже о том, что, в силу геостратегической значимости Трансарктики, обеспечение стратегической, логистической, экономической и экологической безопасности России тесно связано с сохранением ее мощного присутствия в регионе. Ведь логистическая инфраструктура Трансарктики и военно-стратегическая специфика региона обеспечивают РФ контроль и над сочленением двух других крупнейших и геополитически важных транснациональных пространств — Транстихоокеанией (Trans-Pacific) и Трансатлантикой (Trans-Atlantic). Поэтому в условиях бойкота со стороны А-7 российское председательство в АС лишь временно сузило масштабы своей программы до территории Арктической зоны РФ. Но при этом Москва объявила о своей готовности максимально содействовать в реализации Стратегического плана АС всем заинтересованным субъектам циркумполярного мира. Более того, РФ намерена строго выдерживать график всех запланированных акций, за исключением официальных мероприятий, требующих участия АС. «В учредительных и стратегических документах Совета однозначно прописана необходимость сохранения Арктики в качестве территории мира, стабильности и конструктивного сотрудничества. И в связи с этим данный уникальный формат взаимодействия важно ограждать от привнесения внерегиональных тем, чтобы он не становился их заложником»[1], — решительно прокомментировал ситуацию Николай Корчунов, посол по особым поручениям МИД России и старшее должностное лицо России в АС. В свою очередь, советник президента РФ, ответственный секретарь оргкомитета по председательству России в АС Антон Кобяков заверил, что «работа по арктическому треку будет обязательно продолжена на Восточном экономическом форуме, который состо-

1 Лабецкая К. Арктика как театр военных действий // Независимая газета. 29.05.2022. — URL: ng.ru/dipkurer/2022-05-29/9_8447_arctic.html (дата обращения: 28.06.2022).

ится 5–8 сентября во Владивостоке»[1]. Так что последнее слово в гибридной войне на плацдарме Белого Безмолвия остается за Россией.

Литература

Лабецкая Е.О. Трансарктика в контексте российских приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 106–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-2-106-114.

Лабецкая Е.О. Россия–ЕС: “soft-power risks” в евразийско-арктическом контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 112–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120.

Лабецкая Е.О. Арктический вектор евразийского партнерства // Наш дом — Евразия. Доклады и материалы Международной конференции. М. 2018. С. 69-80.

О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. Указ президента РФ. — URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf (дата обращения: 28.06.2022).

Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ президента РФ. — URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKiI1mAvaM.pdf (дата обращения: 28.06.2022).

Пленарное заседание Международного арктического форума // Международный арктический форум. 09.04.2019. — URL: forumarctica.ru/news/plenarnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-arkticheskogo-foruma/ (дата обращения: 28.06.2022).

Arctic Council Strategic Plan 2021–2030. — URL: oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2601 (date of access: 28.06.2022).

Greenland and Iceland in the New Arctic: Recommendations of the Greenland Committee Appointed by the Minister for Foreign Affairs and International Development Co-operation. Government of Iceland. The Ministry for Foreign Affairs. 2020. — URL: government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Greenland-Iceland-rafraen20-01-21.pdf (date of access: 28.06.2022).

Heikkilä M. If We Lose the Arctic: Finland’s Arctic Thinking from the1980s to Present Day. Popa, Rovaniemi. 2019.

President Niinistö in Arkhangelsk: If we lose the Arctic, we lose the whole world // 04.04.2017. — URL: presidentti.fi/en/news/president-niinisto-in-arkhangelsk-if-we-lose-the-arctic-we-lose-the-whole-world/ (date of access: 28.06.2022).

Russia’s Chairmanship Program for the Arctic Council 2021–2023. — URL: clck.ru/sJQbM (date of access: 28.06.2022).

Strategi för den arktiska regionen // Sveriges Riksdag. 21.07.2020. — URL: riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/strategi-for-den-arktiska-regionen_H8037 (date of access: 28.06.2022).

1 На ПМЭФ-2022 впервые открыли стенд «Арктика — территория диалога» // Секрет фирмы. 22.06.2022. — URL: secretmag.ru/news/na-pmef-2022-vpervye-otkryli-stend-arktika-territoriya-dialoga-22-06-2022.htm (дата обращения: 28.06.2022).

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-54-66
УДК 327; 94

Наиля Яковлева

НАТО после мадридского саммита (к 40-летию участия Испании в Североатлантическом альянсе)

Аннотация. *36-ой саммит НАТО, состоявшийся 29–30 июня 2022 г. в Мадриде и приуроченный к 40-летию членства Королевства Испании в Североатлантическом альянсе, стал точкой отсчета очередного этапа в истории этого крупнейшего военно-политического блока. Принятие на «саммите с испанским акцентом» новой Стратегической концепции, определившей вектор ответа НАТО на происходящее изменение мирового порядка, отразило вызовы невиданного в течение многих лет обострения отношений между странами альянса и Российской Федерацией. С этого момента ключевые решения и основные действия НАТО подчинены задачам нарастающего противодействия политике Москвы и оказания военной и иной помощи Киеву. В результате все члены альянса, включая Испанию, оказались вовлечены так или иначе в вооруженный конфликт. На испанском примере видно, что такая вовлеченность может противоречить реальным национальным интересам европейских государств и способна усугубить существующие социально-экономические проблемы.*

Ключевые слова: *Североатлантический альянс, саммиты, Испания, международная напряженность, российско-украинский кризис, участие НАТО, рост военных расходов, социально-экономические последствия.*

36-й по счету саммит Организации Североатлантического договора (НАТО), состоявшийся в Мадриде 28–30 июня 2022 г., стал неординарным событием в более чем 70-летней истории этого крупнейшего военно-политического блока [2022 NATO...]. Последствия саммита весомо проявились и в политической жизни принимающей страны — Испании — и в деятельности самого Североатлантического альянса, объединяющего на сегодняшний день 30 государств Европы и Америки и играющего роль ключевого многонационального объединения государств коллективного Запада.

Саммит в период геополитической напряженности

Уже в период, непосредственно предшествовавший саммиту, все указывало на то, что в Мадриде произойдет значимый пересмотр военно-политической стратегии НАТО.

Сведения об авторе: *ЯКОВЛЕВА Наиля Магитовна, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, кандидат исторических наук, nel-yakovleva@yandex.ru.*

Ключевым событием должно было стать и стало одобрение новой Стратегической концепции альянса (NATO 2022 Strategic Concept), ранее подготовленной в штаб-квартире НАТО в Брюсселе и предназначенной дать ответ на глубокие геополитические сдвиги, происходящие на международной арене [NATO 2022...]. Новая концепция заменила аналогичный документ, принятый на 22-м саммите альянса в Лиссабоне в 2010 г.

Концепция 2010 г., получившая наименование «Активное участие, современная оборона» ("Active Engagement, Modern Defence"), была единодушно одобрена в португальской столице в присутствии президента Российской Федерации Д.А. Медведева и руководителей еще двух десятков стран, не входящих в НАТО, что вполне соответствовало декларировавшемуся тогда настрою на поддержание международной стабильности и развитие контактов с максимальным числом заинтересованных государств.

Этой заявленной цели отвечали такие положения концепции, как антикризисное управление, предполагавшее оказание помощи в предотвращении или урегулировании конфликтов; создание условий для избавления человечества от ядерного оружия; политика «открытых дверей» для желающих вступить в альянс «всех европейских демократий, отвечающих стандартам НАТО», в сочетании с курсом на партнерство и сотрудничество с отдельными странами и многосторонними организациями. В данной связи подчеркивалось, что взаимодействие с РФ, опирающееся на Основополагающий акт Россия — НАТО от 1997 г., приобрело стратегический характер и вносит весомый вклад в создание общей зоны мира, стабильности и безопасности. Следование такой политической линии предполагало продолжение дипломатических консультаций в областях, представляющих приоритетный интерес для Москвы и Брюсселя, включая сдержанность в развертывании дополнительных вооруженных сил в Европе [Active...].

Однако события последнего десятилетия похоронили расчеты на превращение России и НАТО в «стратегических партнеров» и радикально разрушили ту атмосферу, которая, например, царила на Римской встрече в верхах в 2002 г., когда президент В.В. Путин подписывал декларацию о создании Совета Россия — НАТО. Но уже менее через два года, в 2004 г., несмотря на настойчивые дипломатические усилия Кремля, в Североатлантический альянс были приняты семь восточноевропейских и балтийских государств, включая граничащие с РФ Латвию, Литву и Эстонию («пятое расширение НАТО»). Это явилось стартом долгого и болезненного процесса декомпозиции сложившихся элементов взаимодействия между Россией и альянсом, практически непрерывного накопления военно-политических противоречий, способных привести к острой кризисной ситуации. По определению испанских экспертов, в отсутствие подлинного взаимопонимания между Брюсселем и Москвой «в Европе начала раскручиваться спираль конфликтов», угрожающих всеобщему миру и безопасности на континенте [Gancio]. Предельно жестко охарактеризовал сложившуюся ситуацию заместитель министра иностранных дел РФ А.В. Грушко, заявивший в апреле 2019 г., что отношения России с НАТО зашли в тупик, а сотрудничество «по гражданской и военной линиям прекращено полностью». «НАТО зашла слишком далеко в конфронтации с Россией», — подчеркнул высокопоставленный российский дипломат.

Точкой отсчета современного этапа отношений между РФ и НАТО стала российская военная спецоперация на Украине, к первым крупным последствиям которой относятся, помимо новых финансово-экономических санкций Запада против России) ужесточение позиции Североатлантического совета в отношении Кремля и взятый Брюсселем курс на радикальный пересмотр целого ряда основополагающих положений стратегической концепции западного блока. Результаты таких концептуальных новаций и были одобрены на саммите в Мадриде.

Согласно многочисленным прогнозам представителей испанских экспертных и военно-политических кругов, мадридский саммит должен был «обозначить поворот в истории НАТО и вывести эту организацию из состояния стратегической неопределенности, в котором после распада СССР находился альянс, лишившийся своего главного потенциального противника» [40 años...]. Развивая этот уже ставший расхожим тезис, обозреватели ведущей в испаноязычном мире газеты «El País» Бернардо де Мигель и Мануэль Гомес подчеркивали, что «в испанской столице произойдет своего рода перезагрузка альянса, состоится его второе рождение, поскольку НАТО придется адаптироваться к беспрецедентному военному сценарию, подобного которому не было со времен холодной войны» [De Miguel].

По мнению большинства западных аналитиков (как европейских, так и североамериканских), отмеченная «адаптация» должна происходить по трем магистральным направлениям.

Первое — на основе наращивания производства военной продукции будет проведено крупнейшее развертывание вооруженных сил стран НАТО в Восточной Европе, в непосредственной близости от границ Российской Федерации. Таким образом, предприятия ВПК стран-членов альянса получат новые многомиллиардные заказы, что неизбежно вызовет очередной виток гонки вооружений во всем мире.

Второе — предстоит преодолеть сопротивление Турции и включить в НАТО Швецию и Финляндию со всеми вытекающими из этого решения последствиями для стратегического баланса сил на севере европейского континента.

Третье — Брюсселю придется с большей осторожностью подходить к вопросу о вступлении в НАТО Украины. Не секрет, что Киев путем присоединения к альянсу рассчитывает укрыться под натовским ядерным зонтиком. Но многие политические и военные лидеры стран НАТО усматривают в таком сценарии неизбежное возникновение неприемлемых рисков для европейской и глобальной безопасности, усиление угрозы перерастания уже ставшей фактом холодной войны 2.0 в мировой термоядерный апокалипсис. Поэтому далеко не случайно буквально накануне мадридского саммита министр иностранных дел Испании Хосе Мануэль Альбарес заявил, что в натовских коридорах власти Украину не рассматривают в качестве кандидата на вступление в альянс [Nunca...].

Сказанное означает, что в большинстве своем руководители государств НАТО не готовы переходить все «красные линии» и доводить противостояние с Российской Федерацией до точки «ракетно-ядерного кипения». Это до известной степени оставляло шансы на то, что даже неизбежное, как представлялось, принятие в Мадриде антироссийской стратегии альянса «не закроет все двери». Саммиты уходят в прошлое, а императивы выживания и задачи обеспечения международной безопасности на основе защиты собственных интересов и уважения интересов партнера сохраняют свою приоритетную ценность. А значит нельзя исключить и возвращения в будущем к диалогу Россия — НАТО, допустимо представить стремление сторон распутать или разрубить крепко стянутые узлы накопившихся противоречий. Разумеется, если это произойдет, то уже в существенно изменившихся геополитических условиях, и главное — с учетом новых геостратегических факторов и реалий.

Концепция-2022 и поиск «360-градусного» стратегического ответа

Итак, центральным событием и главным политическим итогом мадридского саммита стало принятие новой Стратегической концепции НАТО. По сложившейся традиции, в этом документе (он обновляется примерно каждые 10 лет) находят свое подтверждение фундаментальные «цели и ценности» Североатлантического альянса, формулируется согласованная оценка международной ситуации в сфере военного строительства, безопасности и имеющихся угроз. Концепция, по сути, призвана определять вектор «адаптации» НАТО к периодически меняющемуся мировому порядку. Все это — общие принципы. Особенностью же Стратегической концепции 2022 г. является то, что она была принята в условиях невиданного в течение многих лет обострения военно-политической обстановки в Европе и вероятной возможности столкновения между странами западного блока и Российской Федерацией на Украине. Как отмечалось в материалах НАТО, альянс оказывает Киеву «поддержку беспрецедентного уровня» [NATO's...]. На это указывал и согласованный в Мадриде всеобъемлющий пакет помощи Киеву.

Принципиальные тезисы концепции 2022 г. были полностью подтверждены и уточнены в заключительной декларации мадридского саммита. В частности, в этом документе Россия впервые названа «наиболее значительной и прямой угрозой» ("the most significant and direct threat") безопасности стран-членов блока. Со своей стороны, Североатлантический совет сделал акцент на укреплении коллективной обороны НАТО на базе так называемого «360-градусного» подхода — «кругового» стратегического обзора в поисках любых вызовов и рисков в наземной, воздушной, морской, кибернетической и космической сферах. Конкретно в отношении России альянс обязался развернуть на своем восточном фланге дополнительные «мощные боеготовые подразделения». В том же ключе ставился вопрос о модернизации вооруженных сил НАТО — в русле выработки «военных планов нового поколения», нацеленных на проведение «высокоинтенсивных и многоуровневых боевых операций». Можно заключить, что речь шла, в первую очередь, о военных действиях на восточном направлении. Кроме того, специальное внимание было уделено объединению усилий правительств, науч-

ных сообществ и бизнеса в целях развития оборонных инноваций и закрепления научно-технологического превосходства Запада [Madrid...].

Какие выводы можно сделать из содержания принятых на мадридском саммите документов, в частности о «360-градусном» подходе НАТО к международным геостратегическим процессам, зримо меняющим военно-политическую картину современного мира? Оставив за скобками общие заявления и тезисы, в обязательном порядке переходящие из одной официальной декларации в другую, отметим главное.

Четко просматривается стремление усилить в рамках Североатлантического альянса центростремительные тенденции, что является реакцией на два фундаментальных явления: центробежные настроения в рядах НАТО, наметившиеся в последние годы (особенно в период президентства Дональда Трампа); и кризис на Украине, переросший в первый масштабный военный конфликт современного периода международных отношений с участием стран-членов альянса и Российской Федерации.

Военно-дипломатическое столкновение России с коллективным Западом во главе с США, выдвигая перед НАТО новые сложные вопросы, становится для Брюсселя ключевой проблемой оборонной политики и шире — всей международной деятельности. Нет сомнений, например, что опыт событий на Украине (во всех их измерениях) будет тщательно изучаться в Североатлантическом совете и других органах НАТО, в том числе — с точки зрения соответствия или несоответствия поставляемого Киеву вооружения целям противостояния с Москвой. Результатом будет корректировка реализуемых программ модернизации вооруженных сил альянса.

Стратегические приоритеты во взаимодействии государств-членов НАТО, по всей видимости, будут в максимальной степени переноситься в сферу науки и технологий. Это, в частности, подмечено в аналитическом докладе генерального директора Российского совета по международным делам (РСМД) А.В. Кортунова. Автор считает, что в перспективе вполне возможно «формирование масштабных многосторонних консорциумов» в формате обновленного государственно-частного партнерства [Кортунов]. На наш взгляд, более чем вероятно наращивание производственных мощностей и усиление трансграничной кооперации предприятий военно-промышленного комплекса стран НАТО. Разумеется, все это будет сопровождаться очень существенным ростом военных расходов. О планах резко увеличить оборонные бюджеты к 2030 г. уже заявили Великобритания и Германия. В первом случае — ежегодные расходы вырастут с 48 до 100 млрд фунтов стерлингов [UK defence...], во втором — будет создан специальный фонд в 100 млрд евро для нужд укрепления бундесвера [Операции...].

На мадридском саммите отчетливо прозвучало намерение Брюсселя продолжить линию на своего рода «глобализацию» НАТО: увеличение военно-стратегического и политико-дипломатического присутствия альянса далеко за пределами Евро-Атлантики. Речь идет, в первую очередь, об Индо-Тихоокеанском регионе, где США и их союзники в течение ряда лет интенсивно наращивают активность с целью «сдерживания» Ки-

тая. Уже сейчас в этом районе мира создаются конкретные механизмы и организации с участием членов Североатлантического альянса. Примером может служить АУКУС (AUKUS) — заключенный в сентябре 2021 г. трехсторонний пакт безопасности между Австралией, Великобританией и Соединенными Штатами. Тем самым страны НАТО произвольно расширяют географию своей оборонной ответственности и, туже затягивая узлы геополитического напряжения, углубляют разломы в системе международных отношений [Яковлев Ключевые...].

В свете принятых в Мадриде решений, по сути, «повис в воздухе» еще недавно крайне популярный во многих европейских столицах план достижения Евросоюзом так называемой «стратегической автономии» [Шпангер]. Под этим термином понималась способность ЕС самостоятельно принимать значимые военно-стратегические, экономические и политические решения и реализовывать их в независимом формате. В главных европейских столицах считалось, что для Евросоюза предпочтительнее снизить внешнюю зависимость от США, повысив собственное влияние на ход мировой политики. Однако резко возросшая геополитическая напряженность сделала очевидной относительную слабость Евросоюза. Четко проявилась лидирующая роль Вашингтона, а среди прочих организаций коллективного Запада именно НАТО перехватило стратегическую инициативу. Не случайно в конце сентября 2022 г. генеральный секретарь организации Йенс Столтенберг заявил, что настало время для подписания новой декларации ЕС–НАТО (последняя была подписана в 2002 г.), содержащей дорожную карту в области внешней и оборонной политики [Сдвинуть...].

Комментируя взаимоотношения с ЕС, в руководстве НАТО указывают на необходимость убрать все еще существующие между ними «берлинские стены» — о них еще в 2010 г. писала «The New York Times» [Between...] — и крепить сотрудничество в ключевых международных вопросах. Конечно, ни о какой стратегической самостоятельности или стратегическом суверенитете Евросоюза речь больше не идет. Как писали в этой связи испанские военные аналитики Феликс Артеага и Луис Симон, в рамках нового внешнеполитического видения коллективного Запада «европейцы отказались от своих капризов в сфере обороны, и тезис о стратегической автономии постепенно исчез из официальных заявлений» [Arteaga, Simón].

Нельзя исключить, что подписание новой декларации ЕС–НАТО станет системным скачком в отношениях между двумя этими структурами и надолго закрепит подчиненное по отношению к США и НАТО положение Евросоюза в политическом поле западного мира.

«Испанская модель» участия в НАТО

В политико-пропагандистском смысле мадридский саммит был приурочен к 40-летию присоединения Испании к НАТО. Став 30 мая 1982 г. 16-м членом альянса (так называемое «третье расширение»), эта крупная страна на Пиренейском полуострове со временем превратилась в важного военно-политического актора южного флан-

га НАТО. В свою очередь, членство в этой организации сыграло определяющую роль в строительстве испанских вооруженных сил и формировании национального ВПК, а главное — внесло заметные коррективы во внешнеполитическую стратегию Мадрида, укрепив (при сохранении элементов многовекторности) курс на преимущественное и приоритетное взаимодействие с государствами и многонациональными объединениями Запада [Яковлев Внешняя...]. Вместе с тем процесс присоединения Испании к Североатлантическому альянсу не был простым, а формат ее членства в НАТО характеризовался определенным своеобразием, что дает основания говорить о своего рода «испанской модели» участия в блоке.

С началом постфранкистского периода в политической жизни страны (после смерти диктатора 20 ноября 1975 г.) перед Испанией встала проблема выхода из многолетней международной изоляции. Эта задача решалась как за счет расширения двусторонних связей, так и путем присоединения к многосторонним организациям. В частности, в феврале 1977 г. были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, одновременно приходило в общепринятую норму взаимодействие с европейскими социалистическими странами, а также десятками развивающихся государств всех континентов [Испания...].

Испанские власти обращали пристальное внимание на интеграционные процессы в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС), но в первые постфранкистские годы сравнительно низкий социально-экономический уровень страны не позволял официальному Мадриду ставить вопрос об участии в европейской интеграции. В дипломатических кругах Испании все чаще рассматривалась возможность вступления в Североатлантический альянс в качестве способа укрепить взаимодействие с ведущими западными державами и со временем использовать этот фактор для присоединения к ЕЭС [Fernández]. Первый шаг сделал председатель консервативного правительства Леопольдо Кальво-Сотело, который 29 октября 1981 г. инициировал в Конгрессе депутатов голосование по вопросу вступления в НАТО. «За» тогда проголосовало 186 парламентариев, «против» — 146, что отражало политический раскол в испанском обществе, значительная часть которого не без оснований рассматривала присоединение к западному военно-политическому блоку как втягивание Испании в холодную войну и гонку вооружений, а потому выступала под лозунгом «Нет НАТО!». Но, несмотря на все сомнения и массовые протесты, официальным Мадридом был запущен процесс вступления, и 30 мая 1982 г. страна стала 16-м членом Североатлантического альянса.

Однако на парламентских выборах 28 октября 1982 г. победу одержала оппозиционная Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), большинство членов которой находились в рядах противников пребывания Испании в НАТО. Учитывая эти настроения, лидер ИСРП Фелипе Гонсалес, на долгих 14 лет (до 1996 г.) занявший пост председателя правительства, сделал все возможное, чтобы успокоить общественное мнение и постепенно «приучить испанцев к мысли» о стратегических преимуществах членства в одной из ключевых организаций западного мира. «Начав период размышлений» (как пишут испанские авторы) и вынужденно маневрируя, Мадрид фактически

заморозил даже свое частичное участие в военных структурах альянса и одновременно резко активизировал дипломатические усилия по вступлению в ЕС. Эта политика дала желаемый результат: 1 января 1986 г. Испания присоединилась к «Объединенной Европе» [Gancio].

Добившись своей главной внешнеполитической цели, Ф. Гонсалес пошел навстречу требованиям многочисленных противников НАТО и 12 марта 1986 г. провел референдум о продолжении пребывания Испании в составе альянса. Расчет оказался точным: вступление в ЕС несколько разрядило политическую обстановку, и большинство испанцев (56,85% голосовавших) высказались «за». В то же время власти не стали игнорировать позицию проголосовавших «против» (43,15%) и вскоре после референдума представили в Североатлантический совет документ о базовых принципах формируемой «испанской модели» участия в НАТО. Главным принципом было сохранение самостоятельности вооруженных сил Испании, которые не должны быть обязаны подчиняться оперативному командованию блока [40 años...].

В январе 1988 г. испанский представитель в НАТО Хайме де Охеда передал в Североатлантический совет уже вполне законченный вариант «испанской модели» (так называемое «Письмо Охеды»). В нем перечислялись сферы деятельности НАТО, в которых Мадрид соглашался участвовать. В их число входили: 1) защита испанской территории; 2) военно-воздушные и военно-морские операции в восточной Атлантике; 3) совместный с Великобританией контроль над Гибралтарским проливом и прилегающими акваториями; 4) военно-воздушные и военно-морские операции в Западном Средиземноморье; 5) контроль за воздушным пространством, входящим в зону ответственности Испании; 6) в случае возникновения конфликта — использование испанской территории в транзитных и логистических целях. Таким образом, «испанская модель» не допускала интеграции в военные структуры НАТО своих вооруженных сил, но предусматривала участие в отдельных, как правило, важных для Испании, операциях блока [Yárnoz].

В этой парадигме Испания пребывала в составе Североатлантического альянса сравнительно долго — вплоть до 1999 г., когда глава консервативного правительства Хосе Мариа Аснар принял политическое решение о полном вступлении страны в военные структуры НАТО. Этому решению предшествовали три существенных обстоятельства:

- в 1995–1999 гг. генеральным секретарем альянса был видный испанский политик и дипломат, бывший министр иностранных дел Хавьер Солана (член ИСРП, прежде долгое время выступавший против присоединения страны к НАТО). Заняв руководящий пост в Брюсселе, Х. Солана превратился в ярого сторонника самого активного взаимодействия Мадрида с Североатлантическим альянсом;
- 8–9 июля 1997 г. в испанской столице под руководством Х. Соланы впервые прошел очередной (15-й) саммит НАТО. В центре внимания на саммите было приглашение Венгрии, Польши и Чешской Республики вступить в альянс. Кроме того, между НАТО и Украиной была подписана «Хартия об особом партнерстве», в соот-

ветствии с которой стали выстраиваться все более тесные отношения между Брюсселем и Киевом [King];

- в 1990-е годы имело место участие различных испанских воинских контингентов в целом ряде военных операций и миссий альянса в «горячих» районах мира [OTAN...]. В их числе: контроль НАТО за «несанкционированными перемещениями» в водах Адриатического моря и полетами в воздушном пространстве бывшей Югославии (операции «Maritime Guard» и «Deny Flight»); развертывание многонациональных сил по принуждению к миру в Боснии и Герцеговине (The Implementation Force — IFOR); миссия по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине SFOR — Stabilisation Force и др. [Misiones en el exterior].

Прекращение холодной войны и снижение остроты биполярного ракетно-ядерного стратегического противостояния явились благоприятными факторами для развития испанского государства, поскольку позволили властям сохранять военный бюджет на сравнительно низком уровне (менее 1% ВВП). И это несмотря на требование НАТО к странам-членам блока довести уровень расходов на оборону, как минимум, до 2% ВВП. В то же время Мадриду удалось радикально сократить численность своих вооруженных сил — с 312 тыс. человек в 1990 г. до 120 тыс. (находящихся на действительной военной службе) к началу 2020-х годов [Ministerio...]. Министерство обороны и Генеральный штаб получили возможность сосредоточиться на качественной стороне дела и ощутимо повысить профессионализм и боевую подготовку личного состава. Параллельно проходила модернизация и усиление позиций предприятий местного ВПК, снабжающего армию, авиацию и флот различными видами техники и относительно конкурентоспособных вооружений. По имеющимся данным, производственную номенклатуру испанского ВПК обеспечивают порядка 600 промышленных компаний (в большинстве своем, малые и средние предприятия) с общим годовым оборотом продаж около 12 млрд евро [La industria...].

Характерная черта компаний-лидеров испанского ВПК — сравнительно высокая степень интернационализации: структурное включение в международные производственные цепочки и ориентированность на внешние рынки. Достаточно указать, что доля экспорта в совокупных продажах в последние 10 лет варьировалась от 45 до 81%. При этом испанские вооружения (авиационная и космическая техника, танки и боевые машины пехоты, фрегаты и патрульные суда, средства связи, штурмовые винтовки и др.) поставляются практически во все страны-члены НАТО, а также в государства, не входящие в этот блок. В том числе: в Австралию, Алжир, Ботсвану, Бразилию, Венесуэлу, Египет, Израиль, Индонезию, Иран, Колумбию, Малайзию, Марокко, Мексику, Оман, Пакистан, Перу, Саудовскую Аравию, Сингапур, Турцию, Швецию, Чили и т.д. Отметим, что в списке импортеров фигурирует более 60 стран всех регионов мира [Estadísticas... p. 8].

Пробиться испанским компаниям ВПК на мировой рынок было не так-то просто из-за сильной конкуренции, прежде всего, со стороны предприятий других стран НАТО. Так, например, в 2010 г. Испания остро конкурировала с Францией за поставку Рос-

сии кораблей-вертолетоносцев. Причем, как отмечалось в международной прессе, испанский многоцелевой десантный вертолетоносец корабль-док «Juan Carlos I» заметно превосходил французское судно «Mistral» по водоизмещению (соответственно 27 и 22 тыс. т) и целому ряду тактико-технических характеристик и боевых показателей [Gonzáles]. К огорчению испанских корабелов, российская сторона предпочла заключить сделку с Францией. История, как известно, закончилась невыполнением Парижем взятых договорных обязательств по политическим причинам.

Если давать обобщенную оценку итогам пребывания Испании в НАТО вплоть до начала российской военной спецоперации на Украине в феврале 2022 г., то можно констатировать следующее. Во-первых, Мадрид сумел сделать свое участие в Североатлантическом блоке не слишком обременительным для государственного бюджета, что позволило направлять основные финансовые ресурсы на цели экономического развития. Во-вторых, была проведена модернизация испанских вооруженных сил путем их значительного численного сокращения и перевода на профессиональную основу. В-третьих, поднялись местные предприятия ВПК, многие из которых стали лидерами инновационного развития и заметными экспортерами высокотехнологичной продукции. В-четвертых, прямое участие испанских боевых подразделений в военных операциях и миссиях НАТО носило сравнительно ограниченный характер и не сопровождалось крупными потерями личного состава [Яковлев Национальная...].

Многое начало меняться на фоне украинского кризиса 2022 г. В этом контексте мадридский саммит Североатлантического альянса вполне может стать точкой отсчета нового военно-политического времени для испанского государства. Оказавшись «в одной упряжке» с другими членами НАТО в развернувшемся конфликте, Испания была вынуждена дать согласие на существенное увеличение военных расходов в ущерб неотложным задачам социально-экономического развития и несмотря на вызванное пандемией коронавируса сложное хозяйственное положение. В частности, в преддверии мадридского саммита председатель правительства Испании Педро Санчес встретился с Й. Столтенбергом и дал обещание довести испанский оборонный бюджет до 2% ВВП к 2030 г. Также официальный Мадрид озвучил намерение предпринять конкретные действия по дальнейшей форсированной модернизации национальных вооруженных сил и повышению их ударной мощи. Например, запланировано безотлагательное приобретение 20 многоцелевых новейших истребителей «Eurofighter» на сумму свыше 2 млрд евро. Новые аппараты предназначены для замены устаревших самолетов F-18, дислоцированных на Канарских островах [España...].

Кроме того, по просьбе Североатлантического совета, Мадрид предпринял еще ряд шагов по заметному усилению своего военного присутствия в Восточной Европе, а именно:

1. согласился увеличить с 350 до 507 человек численность испанского воинского контингента, размещенного на военной базе «Адажа» в Латвии (создана на месте образцового колхозного хозяйства советских времен);
2. передислоцировал четыре истребителя «Eurofighter» из Испании на расположен-

ную в 10 км от Пловдива болгарскую военно-воздушную базу «Граф Игнатьево» (построена в 1930-х годах с помощью германских инженеров для планировавшегося размещения на ней подразделений Люфтваффе);
3. перебросил восемь истребителей-бомбардировщиков с испанской базы Torrejon de Ardoz близ Мадрида на литовскую авиабазу «Шауляй», которая служит одним из главных центров базирования так называемой миссии воздушной полиции НАТО в Балтии (NATO Baltic Air Policing mission) [40 años...].

Представляется, что эти и некоторые другие действия испанского правительства в военной сфере объективно противоречат задачам вывода экономики Испании из кризиса, а потому встречают критику не только со стороны политической оппозиции, но и в рядах самой правящей левоцентристской коалиции. Например, министры от входящей в коалицию партии «Подемос» не только осудили планы по наращиванию оборонного бюджета, но и демонстративно отказались участвовать в любых мероприятиях, связанных с проведением мадридского саммита НАТО [Los ministros...]. Отсутствие согласия в правящих кругах Испании по вопросам безопасности и военной повестки могут усугубить и без того непростое положение кабинета П. Санчеса накануне предстоящих в 2023 г. всеобщих выборов.

* * *

Принятие на саммите в Мадриде новой Стратегической концепции НАТО, по существу, разделило историческую траекторию Североатлантического альянса на «до» и «после». Конечно, будущее покажет, но сегодня складывается впечатление, что вооруженный конфликт на Украине превращается в первостепенную проблему всей международной деятельности альянса, а его результаты не только окажут влияние на содержание военных программ, но и будут определять долгосрочную политику (и перспективы) НАТО в Европе и за ее пределами.

Что касается Испании, то можно констатировать следующее. Глубокие общественные сдвиги, имевшие место в постфранкистский период, существенно изменили и зримо усложнили систему военно-стратегических интересов этой страны, вызвали изменения в сфере безопасности и обороны, увеличили масштабы и расширили географию операций вооруженных сил Мадрида на мировой арене. Присоединение к НАТО (на первоначальном этапе в парадигме специфической «испанской модели») сыграло в этих процессах чрезвычайно важную, во многом определяющую роль как в сфере оборонной политики, так и в системе международных связей Испании. В результате и сегодня пребывание в Североатлантическом альянсе предопределяет многие проблемы как внутренней политики, так и международной деятельности испанского государства, связанные с военным строительством, наращиванием национального оборонного потенциала, производственной и экспортной активностью предприятий ВПК, участием (в той или иной форме) в международных конфликтах, проведением военных операций за рубежом. Все это реализуется во взаимодействии с партнерами по НАТО и, как правило, под руководством Североатлантического совета и других высших ин-

станций альянса. На всех этих направлениях в последние десятилетия прослеживалось разнонаправленное воздействие многообразных внешних факторов и кризисных явлений. В 2022 г. внешним фактором, определяющим вектор военно-стратегической деятельности Мадрида, стала все более глубокая вовлеченность НАТО в российско-украинский конфликт. Вписавшись в этот тренд, Испания рискует понести серьезные торгово-экономические и социально-политические издержки.

Литература

Александр Грушко: зашла слишком далеко в конфронтации с Россией // Рамблер.Новости. 15.04.2019. — URL: news.rambler.ru/army/42037363-aleksandr-grushko-nato-zashla-slishkom-daleko-v-konfrontatsii-s-rossiey/?ysclid=l8jui7ifvl49261890 (дата обращения: 19.09.2022).

Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций /Отв. ред. Н.М. Яковлева. М. 2017. С. 264-279.

Кортунов А.В. Консолидация Запада и ассиметричная биполярность: рабочая тетрадь № 69/2022. — URL: russiancouncil.ru/papers/RIAC-West-Paper69ru.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

Операции на восточном фронте // Коммерсант. 30.05.2022. — URL: kommersant.ru/doc/5380296?ysclid=l8ly1x7a7564002143 (дата обращения: 17.09.2022).

«Сдвинуть фронт на восток». НАТО раскрыла планы на Европу // РИА «Новости». 28.09.2022. — URL: ria.ru/20220928/evroarmiya-1819780067.html (дата обращения: 29.09.2022).

Шпангер Х.-Й. Неуловимая концепция в процессе становления // Россия в глобальной политике. 01.09.2021. — URL: globalaffairs.ru/articles/neulovimaya-konczepcziya/?ysclid=l8lytq4if9827890434 (дата обращения: 22.09.2022).

Яковлев П. Ключевые разломы в системе международных отношений // Перспективы. Электронный журнал. 2020. №4 / 2021. № 1. С. 129-144.

Яковлев П.П. Внешняя политика Испании и формирование многополярного мира // Латинская Америка. 2011. № 10. С. 17-33.

Яковлев П.П. Национальная безопасность и оборонная политика // Испания в новой национальной и международной реальности М. 2020. С. 191-215.

2022 NATO Summit. // North Atlantic Treaty Organization. 28-30.06.2022. — URL: nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm (date of access: 19.09.2022).

40 años de España en la OTAN, con Charles Powell y Carlota Garcia // Real Instituto Elcano. Royal Institute. — URL: realinstitutoelcano.org/especiales/40-anyos-de-espana-en-la-otan (date of access: 18.09.2022).

Active Engagement, Modern Defence // North Atlantic Treaty Organization. 19.11.2010. — URL: nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (date of access: 25.09.2022).

Arteaga F., Simón L. El concepto Estratégico de Madrid: una (auto)evaluación de los resultados // Real Instituto Elcano. Royal Institute. 07.07.2022.– URL: realinstitutoelcano.org/analisis/el-concepto-estrategico-de-madrid-una-autoevaluacion-de-los-resultados/ (date of access: 20.09.2022).

Between the European Union and NATO, Many Walls // The New York Times. 24.11.2010.

De Miguel B., Gómez M. La OTAN decidirá en Madrid el mayor despliegue militar desde la Guerra Fria // El País. 26.06.2022.

España firma la compra de 20 cazas Eurofighter por más de 2.000 a escasos días de la Cumbre de la OTAN // El Periódico de Aspaña. 23.06.2022. — URL: epe.es/es/politica/20220623/espana-compra-aviones-eurofighter-cumbre-otan-madrid-13921808 (date of access: 25.09.2022).

Estadísticas españolas de exportación de material de defensa y de doble uso 2017. Madrid. 2018.

Fernández Navarrete D. Historia de la Unión Europea. España como estado miembro. Madrid. 2010. P. 287-294.

Gancio F. España en la OTAN: 40 años de madurez militar y política // La Razón 29.05.2022. — URL: larazon.es/espana/20220529/y5wrsis4lzbc5bgwrvundqbobi.html (date of access: 23.09.2022).

González M. Madrid y París compiten para vender su primer buque de Guerra a Rusia // El País. 01.03.2010.

La industria de Defensa, un sector estratégico a la espera de un pacto de Estado que no llega // El Economista. Madrid. 28.04.2020.

King J. Big Issues Confront NATO At Madrid Summit. // All Politics CNN. 06.07.1997. — URL: edition.cnn.com/ALLPOLITICS/1997/07/06/nato.advancer/ (date of access: 30.09.2022).

Madrid Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. — URL: nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.09.2022).

Ministerio de defensa. Estadística de personal militar de carrera. Madrid: Publicaciones de defense. 2019. P. 1-3.

Los ministros de Podemos no acudirán a ningún acto relacionado con la OTAN por el rechazo al gasto en defensa // El Liberal. 23.06.2022. — URL: elliberal.com/los-ministros-de-podemos-no-acudiran-a-ningun-acto-relacionado-con-la-otan-por-el-rechazo-al-gasto-en-defensa/ (date of access: 28.09.2022).

Misiones en el exterior // Gobierno de España. Ministerio de Defensa. Febrero 2022. — URL defensa.gob.es/misiones/en_exterior/ (date of access: 24.09.2022).

NATO 2022 Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 29.06.2022. — URL: nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (date of access: 22.09.2022).

NATO's response to Russia's invasion of Ukraine // North Atlantic Treaty Organization. 23.09.2022. — URL: nato.int/cps/en/natohq/topics_192648.htm (date of access: 29.09.2022).

"Nunca estuvo sobre la mesa": el ministro español de Exteriores asegura que el ingreso de Ucrania en la OTAN "no se plantea" // RT. 26.06.2022. — URL: actualidad.rt.com/actualidad/433880-ministro-asuntos-exterior-espana-otan-ucrania?ysclid=l8jwhl3nyq663974399 (date of access: 27.09.2022).

OTAN. Operations and missions: past and present // North Atlantic Treaty Organization. 14.06.2022. — URL: nato.int/cps/en/natohq/topics_52060.htm? (date of access: 26.09.2022).

UK defence spending to double to £100bn by 2030, says minister // The Guardian. 25.09.2022. — URL: theguardian.com/politics/2022/sep/25/uk-defence-spending-to-double-to-100m-by-2030-says-minister (date of access: 29.09.2022).

Yárnoz C. Las dos cartas // El País. Madrid. 09.03.1988.

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-67-79
УДК 323/324; 327; 94

Ладислав Земанек

Перестройка или катастройка? Радикализация чешской либеральной политики в международном контексте

Аннотация: *В статье рассматривается перестройка внешней политики Чешской Республики с декабря 2021 г. Автор обращает внимание на исторические предпосылки настоящего поворота, также как и на роль актуальной геополитической повестки дня. Правящая в Чехии либерально-демократическая коалиция проводит радикальную атлантистскую политику, пытаясь сделать страну одним из центров «свободного», «демократического» мира в противовес «автократиям». Действующий кабинет стремится к тому, чтобы его признали ведущим актором в глобальном принуждении к соблюдению прав человека в их современном западном толковании. Это может привести к таким радикальным шагам, как провоцирование внутреннего переворота в Белоруссии и России, выход из формата 16+1 или признание Тайваня в качестве независимого государства. Радикальная перестройка в этом направлении происходит вопреки тому, что большинство чехов не считают свою страну частью Запада ни в геополитическом, ни в цивилизационном плане. Поэтому в статье также уделяется внимание нарастающим попыткам сформулировать автономную политику Чехии, основанную на своеобразной центрально-европейской идентичности.*

Ключевые слова: *Чехия, Россия, США, Китай, Тайвань, Белоруссия, Украина, внешняя политика, права человека, Центральная Европа.*

Радикальная перестройка внешней политики была одним из приоритетов правительства Петра Фиалы, сформированного в декабре 2021 г. Конфликт на Украине ускорил и облегчил выполнение этой задачи. Чехия ратует за изоляцию и сдерживание России, масштабные военные поставки Киеву, включение ряда постсоветских республик в ЕС или НАТО и даже за расширение зоны действия НАТО на другие регионы Евразии, при опоре на «ценностно-ориентированные» связи с такими союзниками США, как Япония, Южная Корея и Тайвань. Чешские власти активизировали контакты с оппозиционными силами Белоруссии и России, а в предстоящие месяцы не исключается вероятность радикальных шагов в отношении Минска и в связи с проблемой Тайваня. Причем есть все основания рассматривать эти действия Праги в контексте председательства Чехии в Евросоюзе.

Сведения об авторе: *ЗЕМАНЕК Ладислав — доктор философии, научный сотрудник China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР, zemanek.ml@gmail.com.*

Конфликт на Украине ускорил перестройку внешней политики Чешской Республики. Поворот в этой области был и остается одним из приоритетов кабинета министров во главе с П. Фиалой. Тем не менее еще несколько месяцев назад новое правительство, скорее всего, не ожидало, что достичь поставленных целей получится столь быстро и легко. Для произведенного им пересмотра внешнеполитического курса характерны морализм; апеллирующий к правам человека универсализм; ценностно мотивированная ориентация; экспансионизм и чувство превосходства; атлантизм, милитаризм и отсутствие прагматизма. Официальный дискурс чешского государства вписывается в западную парадигму миропорядка, основанного на правилах. Эта парадигма порывает с принципами сложившегося после Второй мировой войны порядка и связанного с ним международного права, ядром которого является Устав ООН. Стоит обратить внимание, что повестка дня чешской внешней политики стала более радикальной и конфронтационной, чем у Германии, Франции, Венгрии и некоторых других стран-членов ЕС, которые стремятся искать более умеренные решения в связи с украинским кризисом.

Перестройка чешской внешней политики

Чешская дипломатия, включая министра иностранных дел Яна Липавского, очень активно проводит получившую новый импульс моралистическую внешнюю политику, краеугольным камнем которой служит западная концепция прав человека. Прагматическая ориентация и экономическая дипломатия, продвигавшиеся предыдущими правительствами, а также президентами Вацлавом Клаусом и Милошем Земаном, задвинуты на задний план и заменены однобоким активизмом и радикализмом. На встрече министров иностранных дел стран-членов Совета Европы в Турине в мае 2022 г. Я. Липавский продемонстрировал новое лицо чешской внешней политики, одобрив исключение России из Совета Европы и поддержав резолюцию № 2436 Парламентской ассамблеи этой организации, обсуждавшуюся в апреле и призывающую к созданию международного уголовного трибунала для рассмотрения предполагаемых преступлений России [The Russian Federation's aggression...].

Более того, чешский министр сделал акцент на необходимости изолировать Россию и исключить ее из международного сообщества, одновременно втягивая постсоветские государства (прежде всего входящие в Восточное партнерство) в западный блок [Ministr Lipavský jednal v Turíně...]. Деятельность Я. Липавского в области «прав человека» на протяжении мая этим не ограничилась. Возглавляемое им министерство завершило подготовку чешской версии так называемого «Закона Магнитского». Хотя первоначально проект документа должен был быть представлен на рассмотрение правительству до конца 2023 г., кабинет одобрил его уже в июне этого года. Все это свидетельствует о сильном давлении с целью вынести повестку прав человека на первый план. Не случайно в июне Прагу посетил Билл Браудер, американо-британский предприниматель, сыгравший решающую роль в принятии «Закона Магнитского» в США. Нынешние политическое руководство Чехии не соблюдает принцип невмешательства во внутренние дела, о чем свидетельствует активная и громкая поддержка, оказыва-

емая оппозиционным силам в России, Белоруссии и Китае. Встречаясь с неудачливым кандидатом в президенты и председателем Координационного совета белорусской оппозиции Светланой Тихановской, министр Липавский повторил, что Чешская Республика поддерживает так называемую демократическую оппозицию Белоруссии [Ministr Lipavský představil activity...].

Станет ли Прага центром белорусской эмиграции? Прозападный лидер С. Тихановская пользуется широкой поддержкой в чешских политических кругах. В мае 2022 г. она встретилась со всеми высшими конституционными представителями — президентом Милошем Земаном, председателями обеих палат парламента, а также премьер-министром П. Фиалой [Zeman přijal Cichanouskou...]. Последний согласился, что либеральные демократии должны наложить дальнейшие санкции на Белоруссию, оказывая на Минск как можно более сильное давление [Premiér Fiala se setkal...]. В июле 2021 г. Тихановская лоббировала идею переворота в Белоруссии в ходе своих переговоров с президентом США Джо Байденом. Теперь же оппозиционерка убеждала чешские власти сделать белорусский вопрос приоритетом председательства Чехии в Совете ЕС (во второй половине 2022 г.) [Тихановская высказалась... Menšík].. И правящие чешские политики прислушались к ней. Президент М. Земан, поддерживающий оппозиционную деятельность Координационного совета С. Тихановской, призвал премьер-министра организовать в Праге штаб-квартиру белорусской эмиграции и оппозиции [Zeman přijal vůdkyni...]. Еще в ноябре 2021 г. председатель Палаты депутатов и глава партии TOP 09 Маркета Адамова Пекарова заявляла, что в период чешского председательства в ЕС «мы должны поддержать белорусскую оппозицию и, наконец, свергнуть диктатора Лукашенко» [„Měli bychom svrhnout Lukašenka“...].

Литва уже стала первым государством, официально признавшим Координационный совет единственным законным правительством Белоруссии. Не исключено, что интенсивные контакты между белорусской оппозицией в эмиграции и чешской политической элитой приведут к аналогичному демаршу официальной Праги, что создаст опасную ситуацию. Более того, с позволения чешского правительства на территории Чехии ведется боевая подготовка вооруженного крыла белорусского Координационного совета. Входящие в него боевики осуществляют диверсионные операции в самой Белоруссии и на Украине, в сотрудничестве с украинскими спецслужбами [Rokos]. В Чехии также состоялись собрания сепаратистов из России и самозванного эмигрантского «правительства» китайских уйгуров. Итак, эта центрально-европейская страна превращается в один из мировых центров поддержки опозиционных сил из так называемых автократий. Не приходится удивляться, что министр обороны ЧР Яна Чернохова недавно высказалась положительно даже в адрес убийц Дарьи Дугиной. Все эти факты свидетельствуют о пагубном перерождении чешской либеральной демократии [Ministryně obrany...].

С определенной точки зрения, поворот в чешской внешней политике, который находится на грани (если не за гранью) международной законности, усиливает нестабильность и неопределенность. Действующий кабинет стремится к тому, чтобы его признали ведущим актором в глобальном принуждении к соблюдению прав челове-

ка в западном истолковании. И это может вылиться в такие радикальные шаги, как провоцирование переворота в Белоруссии и России или признание Тайваня в качестве независимого государства. Подобная политика несет угрозу для международного положения Чешской Республики и ее долгосрочных интересов.

Новая ориентация чешской внешней политики уже привела к тому, что с 10 мая 2022 г. Чешская Республика заменила Россию в Совете ООН по правам человека (СПЧ ООН). Этот орган, в задачу которого входят продвижение и защита прав человека во всем мире, состоит из 47 членов, избираемых на трехлетний срок. Срок полномочий России в СПЧ должен был закончиться в 2023 г. Но российская сторона приняла решение о выходе из СПЧ в ответ на враждебные действия, предпринятые рядом его членов. В результате членство России было официально приостановлено, и РФ стала второй исключенной из Совета страной после Ливии [Lederer, Peltz]. С момента создания СПЧ в 2006 г., Чешская Республика избиралась членом этого органа ООН в 2006–2007, 2012–2014, 2019-2021 и 2022-2023 гг., однако никогда чешский представитель не занимал пост председателя. МИД Чехии объявил, что его приоритетами будут свобода СМИ, свобода собраний, сотрудничество с НПО и, что немаловажно, поддержка жесткой реакции на нарушения прав человека [Česká republika je zvolena...]. Одновременно становится все более ясно, какова будет реальная повестка дня чешского председательства в Совете Европейского союза. Помимо активности в белорусском и украинском вопросах, Чехия, вероятно, прибегнет к вмешательству во внутренние дела других государств. Я. Липавский заявил, что Прага предпримет практические шаги для принятия Украины в ЕС, включая организацию саммита ЕС — Украина с участием президента Владимира Зеленского, поскольку, как выразился чешский министр иностранных дел, «украинцы умирают за то, чтобы быть частью Европейского союза» [Bastlová, Žák].

На неформальной встрече министров иностранных дел стран-членов НАТО в Берлине в мае 2022 г. чешский представитель выступал в числе «ястребов», которые призывали усилить военную поддержку Киева, проводить жесткую политику сдерживания России и Китая, углублять отношения между НАТО и ЕС, а также между НАТО и государствами других регионов, особенно Азиатско-Тихоокеанского, на основе общих ценностей [Ministr zahraničních věcí...]. Другими словами, действующее чешское руководство выступает за расширение НАТО за пределы нынешней географической зоны альянса и за расширение его функций. Проникновение структур НАТО во все части Евразии очевидным образом преследует цель окружения России, Китая и других стран с иной ценностной ориентацией. Новый курс Чехии во многом дополняет политику Польши, одновременно отвечая стратегическим интересам НАТО и США в Евразии в целом и в регионе ЦВЕ в частности. Заметно усиливающееся взаимодействие между Прагой, Варшавой и Вашингтоном подтверждает эту тенденцию.

Прага против Пекина — и за Тайбэй

Чешские власти приступили к принципиальному пересмотру отношений с Китаем. В основе этого поворота лежат спорное наследие Вацлава Гавела, отвергавшего сувере-

нистские устремления Чехии, и нынешний дискурс США о том, что западный «свободный мир» должен противостоять растущей мощи незападного «недемократического» мира. Следствиями радикально атлантистской программы парламентского большинства и правительства Чешской Республики уже стали поддержка включения Тайваня в международные организации и рассмотрение вопроса о выходе Праги из формата 16+1. Соответствующие планы разрабатываются в сотрудничестве с американским руководством и спонсируемыми США политическими НПО.

После прихода к власти в декабре 2021 г. либерального правительства, с его радикально атлантистской ориентацией, было ясно, что следует ожидать существенных изменений во внешней политике. Министры и партии правящей коалиции не скрывали намерений пересмотреть отношения с Китаем и Россией. Отношения с последней уже были приостановлены после так называемого «дела Врбетице» в апреле 2021 г. Взаимодействие с Китаем оставалось менее интенсивным по сравнению с допандемическими временами, однако не было отягощено взаимной подозрительностью и враждебными действиями на высшем уровне, поэтому имелся большой потенциал для его быстрого восстановления. Чешская правящая коалиция, однако, выбрала противоположный путь.

В настоящее время главными темами обсуждения в связи с Китаем для Праги являются проблема Тайваня и участие в европейско-китайском механизме сотрудничества 16+1, объединяющего страны Центральной и Восточной Европы и Китай. В ходе избирательной кампании 2021 г. обе оппозиционные коалиции, безусловно приверженные либеральной демократии, евроатлантизму, западному гегемонизму и предрасположенные к либеральному авторитаризму, провозгласили цель пересмотра отношений с «автократиями», настаивая на возврате к идеалистической и моралистской внешней политике, которую олицетворял первый президент Чехии Вацлав Гавел.

Будучи видным диссидентом в социалистической Чехословакии, Гавел пользовался поддержкой западного лагеря, и неудивительно, что после падения коммунистического режима он стал главным адептом политики «возвращения на Запад». Для его политики была типичны восторженное преклонение перед Западом, положительное отношение к его гегемонии в мировой политике и главенствующему положению США. Будучи одним из международных символов борьбы за либеральную демократию, В. Гавел в то же время отказался от всяких стремлений к автономной, прагматичной и многовекторной политике Чешской Республики. Продолжателями этими проблематичного наследия являются ныне правящие либеральные партии.

Атлантистские традиции чешского либерального мейнстрима создали благоприятные предпосылки для резкой радикализации позиций в связи с началом украинского кризиса. Прага стала одним из пионеров антироссийской кампании, важным звеном коалиции «ястребов» на восточном фланге НАТО, которая воспринимает как свои и продвигает гегемонистские интересы США в регионе. Радикализации позиций Праги способствовал целый ряд параллельных кризисов, которые ставят под вопрос

гегемонию США и жизнеспособность западной социально-экономической и политической модели. Небеспочвенное ощущение опасности, вероятно, будет стимулировать дальнейшую эскалацию трений и провокаций в отношении Китая. С точки зрения либеральных кругов, Пекин является пособником Москвы. Причем, по всей видимости, не существует способа убедить их в реальном положении дел, поскольку оно неминуемо вступает в противоречие с мировоззрением либерально-демократической элиты. Что касается Чешской Республики, то украинский конфликт был использован в качестве предлога для свертывания отношений с Китаем и инициатив по демонтажу существующих механизмов сотрудничества, что сопровождается усилением внимания к Тайваню и концепции Индо-Тихоокеанского региона [Šebok].

Антикитайская повестка дня продвигается по нескольким каналам в различных государственных органах. При обсуждении 4 мая 2022 г. тайваньского вопроса в комитете по иностранным делам, обороне и безопасности Сената Чехии, министр иностранных дел Ян Липавский всячески подчеркивал расширение связей между Прагой и Тайбэем, отметив, что они имеют большее значение, чем отношения с Пекином. Ссылаясь на заявление чешского правительства в рамках состоявшейся в апреле сессии стратегического диалога с США, сенатский комитет объявил Тайвань «одним из ключевых партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе», поскольку партнерство с ним основано на «общих демократических ценностях». Сенаторы критиковали Китай за то, что он якобы препятствует развитию Тайваня и влияет на интересы тайваньского народа. Такие формулировки в завуалированной форме указывают на восприятие Тайваня как независимого субъекта международных отношений, что кардинально противоречит принципу «одного Китая». Несмотря на осторожность формулировок, резолюция Сената призывает правительство приложить усилия для включения Тайваня во Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК ООН), Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) и Интерпол.

В повестку работы чешского Сената входит вопрос о Тайбэйском экономическом и культурном офисе в Праге, выполняющем функции представительства Тайваня в Чешской Республике [Zápis z 26. schůze VZOB]. С точки зрения чешского законодательства, это учреждение является всего лишь неправительственной организацией, не имеющей дипломатического статуса. Однако в сложившихся обстоятельствах комитет Сената по иностранным делам, вероятно, выступит за изменение статус-кво и повышение статуса Тайбэйского офиса до уровня официальной дипломатической миссии.

Председатель Сената Милош Выстрчил разыгрывает тайваньскую карту с самого начала своего пребывания в этой должности, с 2020 г. В конце августа 2020 г. он возглавил официальную делегацию чешских сенаторов, посетившую Тайвань с визитом, вопреки неодобрению министра иностранных дел Томаша Петршичека, премьер-министра Андрея Бабиша и президента Милоша Земана, но при поддержке Государственного департамента США. В 2021 г. М. Выстрчил принимал в Чехии самую большую в истории двусторонних контактов тайваньскую делегацию во главе с Джозефом Ву (министром иностранных дел), который благодарил чешских политиков за то, что

они находятся в авангарде усилий по поддержке Тайваня на международной арене [Tchajwanský ministr...]. Теперь председатель чешского Сената добивается выхода Чехии из формата сотрудничества 16+1, на том основании, что этот формат «был введен Китаем лишь для того, чтобы усилить свое влияние в этой части мира». В интервью изданию *The Diplomat* в июне 2022 г. Выстрчил выразил опасения по поводу возможной реакции Китая на такие действия. Представители чешского правительства начали переговоры с другими странами-участницами формата, а также с США, чтобы скоординировать предпринимаемые ими шаги. По мнению главы Сената — второго по статусу лица в Чешской Республике, Чехия и Запад в целом должны снизить уровень сотрудничества с «тоталитарным» Китаем и укрепить трансатлантические узы с США, чтобы эффективно противостоять «автократическому блоку», опирающемуся на партнерство Пекин — Москва [Tiezzi].

Фундаментальный внешнеполитический радикализм, наблюдавшийся в верхней палате чешского парламента, смягчался нижней палатой предыдущей легислатуры, когда большинство мест занимали прагматично мыслящие партии. Однако, с тех пор как в обеих палатах доминируют либеральные силы, Палата депутатов следует по пути, проторенному сенаторами. Так, парламентский комитет по иностранным делам принял такую же резолюцию о включении Тайваня в международные организации, что и их коллеги из Сената в апреле 2022 г. Более того, на 9-й сессии Палаты, состоявшейся 19 мая, рассматривался вопрос о членстве Чешской Республики в механизме 16+1. Заместитель министра иностранных дел Иржи Козак, отвечающий в чешском МИД за пересмотр отношений с Китаем и Россией, заявил, что участие в формате 16+1 будет пересмотрено, так как экономическая дипломатия и прагматичная внешняя политика, проводимая прежним кабинетом министров во главе с А. Бабишем при явной поддержке президента М. Земана, якобы потерпела крах. Указывая на меняющиеся международные условия, заместитель министра иностранных дел настаивал на том, что механизм 16+1 стал угрозой безопасности. Некоторые депутаты даже называли Китай «противником». Все присутствующие, включая как парламентариев — членов комитета, так и представителей МИД и НПО, подтверждали, что инициатива 16+1 не принесла никаких преимуществ и практических результатов, служа экспансии Китая. Председатель комитета Марек Женишек добавил, что чешские власти должны поддержать Литву в ее конфликте с Китаем. Этот конфликт возник в ноябре 2021 г. после решения Вильнюса открыть дипломатический офис «Представительство Тайваня», что противоречит «принципу одного Китая». В ответ Пекин ввел против Литвы экономические санкции. М. Женишек сообщил, что парламенты ряда стран ЦВЕ ожидают резолюции и действий чешского парламентского комитета в направлении выхода из формата 16+1.

Хотя более детальная информация не была предоставлена, эти слова согласуются с заявлением председателя чешского Сената М. Выстрчила о координации между некоторыми странами ЦВЕ и Вашингтоном, которая может привести к выходу этих стран из формата 16+1. Комитет по иностранным делам нижней палаты ЧР принял резолюцию, в которой правительству предлагается рассмотреть возможность прекращения участия Чехии в этой многосторонней программе сотрудничества. Ход обсуждения

показал отсутствие реальной дискуссии, пассивность большинства депутатов и активность антикитайской группы, которая продвигает однобокую и вводящую в заблуждение информацию с целью добиться широкой поддержки своей позиции. И резолюция по Тайваню, и выход из «16+1» были одобрены единогласно [Zahraniční výbor...].

Политика, проводимая правящим кабинетом и обеими палатами парламента, сосредоточена на комбинированной антикитайской и антироссийской повестке. Этот вывод подтверждается, помимо обсуждений и принятых резолюций, интенсивными зарубежными контактами. Председатель комитета по иностранным делам посетил 2022 г. страны Балтии, где встретился с советниками президента Литвы, директором Центра передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций, Международного центра обороны и безопасности, а также самопровозглашенной представительницей Беларуси Тихановской [Návštěva Lotyšska... Přijetí poradkyně...]. Продолжается сотрудничество между внешнеполитическими парламентскими комитетами ряда стран ЦВЕ. Все это, в сочетании с консультациями на высоком уровне с США и активизацией контактов с НПО, финансируемыми американским Национальным фондом демократии, указывает на подготовку антикитайскими силами действий, направленных на демонтаж формата 16+1 и других форм сотрудничества с Китаем.

Возрождающаяся Центральная Европа?

В ситуации кризиса западного сообщества, возрастающих недемократических тенденций либерально-демократических элит и перед лицом растущего давления со стороны ЕС некоторые круги в регионе начали разрабатывать проекты, направленные на защиту и дальнейшее развитие своеобразия центральноевропейских наций. Однако чешские власти предостерегают от подобных попыток. Однако, например, Одна из структур министерства внутренних дел Чехии — Центр по борьбе с гибридными угрозами (ЦГУ) — интерпретирует эти эмансипационные усилия как движимые и поддерживаемые иностранными державами, в первую очередь Россией. ЦГУ помещает дискурс на тему Центральной Европы в контекст гибридной войны, несмотря на то, что большинство чешского населения не считает Чешскую Республику частью Запада.

Концепция Центральной Европы все чаще обсуждается на разных уровнях не только в Чешской Республике, но и в других странах региона. Она уже воспринята гражданским обществом и получает дальнейшее развитие в связи с многочисленными кризисами в Европейском союзе и трансформацией глобального порядка в сторону полицентризма. Вышеградская группа до сих пор служила символом регионального сотрудничества, будучи популярной среди большинства значимых политических субъектов. Все большее число политиков, экспертов и общественных деятелей осознают, что Центральная Европа (или Центральная и Восточная Европа — ЦВЕ) должна отстаивать свои специфические интересы, защищать свое исторически сложившееся своеобразие и утвердиться в качестве одного из автономных регионов Евразийского континента.

10–12 июня 2022 г. в Праге прошла международная конференция «Святой Адальберт и Центральная Европа», собравшая высокостатусных спикеров и слушателей (политиков, экспертов, бизнесменов, представителей Римско-католической церкви и др.) из Чехии, Словакии, Австрии, Польши, Сербии и Словении [International conference...]. Участники обратились к проблеме современного западного либерализма, который подрывает сами основы наших обществ, включая национальные традиции, специфические социальные модели, семью, а также фундаментальные права и свободы, подчиняя их интересам транснациональных либерально-демократических элит [Vosáhlo].

Несмотря на широкий диапазон мнений по многим вопросам (от внешней политики до институционального дизайна), неизбежный в силу разнообразия политических мировоззрений участников, было достигнуто согласие в отношении необходимости углубления сотрудничества, защиты специфической идентичности, ценностей и интересов, а также более широкого и инклюзивного построения Центральной Европы, выходящего за пределы Вышеградской группы. Конференция, организованная чешской ассоциацией Patrimonium Sancti Adalberti, стала первым шагом к постепенной реализации этих задач. Как отмечалось в ходе дискуссий, важной задачей является разработка концептуальных рамок и практического институционального механизма, которые могут послужить для эмансипации центральноевропейского региона в будущем.

Тема центральноевропейского сотрудничества и идентичности уже подвергалась критике со стороны официальных государственных органов Чехии, в частности Центра по борьбе с гибридными угрозами (до июля 2022 г. — Центр по борьбе с терроризмом и гибридными угрозами), входящего в систему министерства внутренних дел. ЦГУ, который заметно активизировался с началом военного конфликта на Украине, играет весьма спорную роль, публично квалифицируя как «агентов Кремля» всех, кто критически смотрит на внешнеполитические ориентации и курс правительства либо на модель либеральной демократии. Причем, хотя в центре внимания находится украинский кризис, повестка работы ЦГУ этим не ограничивается. С момента своего основания в 2017 г. Центр разработал аналитические материалы, охватывающие широкий спектр областей: антисемитизм, международный терроризм, миграционный кризис, «дезинформационные нарративы» о пандемии коронавируса, мониторинг критики либеральной демократии или альтернативных СМИ.

Аналитические материалы Центра претендуют на объективность и беспристрастность, но очевидным образом отражают определенный подход, совпадающий с интересами прозападных либерально-демократических элит. Намеренно или нет, но, оперируя модными клише о борьбе с дезинформацией, гибридными угрозами, операциями иностранного влияния и «авторитарными» тенденциями в обществе, ЦГУ стал инструментом, используемым для легитимации одних интерпретаций и запрета других, для дискредитации внутренних критиков статус-кво. Например, Центр объявил «дезинформационным» нарративом вполне обоснованное утверждение, что ряд вакцин (особенно китайских и российских производителей) подвергаются дискриминации по политическим причинам [Koronavirus...]. Государственная структура отрицает законность

существования расходящихся с официальным дискурсом взглядов на международные отношения и мировой порядок, на украинский вопрос или Россию. Недавно нападкам ЦГУ подверглось Международное радио Китая — за ведение пропаганды, и в том числе распространение «кремлевской дезинформации» в Чешской Республике [Dezinformace o Ukrajině…]. В целом Центр увязывает большинство альтернативных нарративов и точек зрения с иностранными интересами, что призвано лишить их убедительности. Часто альтернативные подходы и мнения напрямую связываются с целенаправленной деятельностью внешних акторов, в первую очередь России. Деятельность ЦГУ вписывается в общую тенденцию секьюритизации, исключения, в интересах национальной безопасности, все большего числа вопросов из свободного обсуждения и исследования.

По оценкам Центра, дискуссии о Центральной Европе, ее роли, интеграции, идентичности и перспективах также пронизаны гибридными операциями, что делает их проблематичными с государственной точки зрения. Такие утверждения тем более тревожны, что Чешская Республика и другие страны региона действительно имеют общую историю, связанную с Австрийской империей и более давними государственными образованиями, с социалистическим прошлым в рамках советского блока, с опытом постсоциалистической трансформации и процессом вступления в такие западные структуры, как ЕС и НАТО. Регион вне всякого сомнения обладает своеобразием, отличаясь, с одной стороны, от Западной Европы, а с другой — от Русского мира. Между тем Центральная, а также Восточная Европа, как и Балканы, рассматриваются сегодня в качестве периферии Запада, которая обречена следовать за более развитыми западными странами и перенимать их модели в различных сферах жизни.

Чешская Республика, Венгрия, Польша и Словакия совместно создали Вышеградскую группу для развития взаимного сотрудничества и поддержки друг друга в процессе интеграции в западные структуры. Вышеградская четверка сыграла положительную роль и смогла противостоять некоторым аспектам политики ЕС, противоречащим интересам стран Центральной Европы. Хотя у Вышеградских государств много общего, в некоторых областях, особенно во внешней политике, имеются и существенные разногласия. Это проявилось и в отношении к украинскому кризису 2022 г. Венгрия заняла сбалансированную позицию, тогда как Польша с Чехией придерживаются антироссийской «ястребиной» линии. Некоторые страны региона ухватились за возможность продвигать радикальные цели, совпадающие с интересами США, но наносящие ущерб положению ЕС в целом. Повестка, продвигаемая Варшавой, Прагой и рядом других столиц, видимым образом подрывает дело достижения стратегической автономии Европы, углубляя зависимость от Вашингтона. «Инициатива трех морей» («Междуморье»), выдвинутая Польшей и с самого начала поддерживаемая США, теоретически могла бы служить автономистским проектом стран ЦВЕ, однако фактически это скорее инструмент для возрождения гегемонистских амбиций Польши в регионе и обеспечения американских интересов. Хотя внешне «Междуморье» направлено в первую очередь против России и ее законных интересов в так называемом ближнем зарубежье, эта идея может быть использована и в рамках антикитайской повестки, поскольку некоторые страны региона (Литва, Чехия) уже бросили вызов инициативе 16+1 и принципу «одного Китая».

Из всего этого следует, что региональные проекты в Центральной Европе и в ЦВЕ способны играть как позитивную, так и негативную роль. Все они подвержены риску быть использованными в интересах не региона, а внешних сил, и в первую очередь — в интересах Соединенных Штатов. Происходящие в последнее время сдвиги являются предостерегающим примером. Но подобные риски, разумеется, даже не рассматриваются чешским Центром борьбы с гибридными угрозами, ведь догмат (транс)атлантизма заложен в самих корнях чешской либеральной демократии. Наоборот, этот государственный орган Чехии подчеркивает, что концепция Центральной Европы якобы используется в своих целях субъектами, отстаивающими российские интересы. Опасным видится даже представление о том, что центральноевропейская идентичность имеет отличия как от восточной, так и от западной.

Однако стоит отметить, что по данным отчета GLOBSEC Trends 2021, подавляющее большинство чехов (58%) не считают свою страну частью Запада ни в геополитическом, ни в цивилизационном плане. Одновременно до 68% чешских граждан не хотят оказаться вовлеченными в соперничество между США и Китаем, и примерно такая же доля респондентов (69%) считают важнейшим стратегическим партнером Чехии соседнюю Германию, а не США (25%), Францию (18%) или Великобританию (17%) [GLOBSEC Trends...]. Отсюда следует, что население Чехии не чувствует большой близости ни с незападными державами (Россией или Китаем), ни с Соединенными Штатами. Это обстоятельство крайне важно в сопоставлении с радикальной атлантистской программой чешского правительства. ЦГУ трактует центральноевропейский дискурс как негативный и опасный, поскольку он ставит под сомнение отождествление Чешской Республики с коллективным Западом или ЕС [Středoevropská identita...]. В этом отношении официальная политика идет вразрез с интересами народа.

Заключение

Пересмотр внешней политики Чешской Республики является частью более общих сдвигов в Евросоюзе, в рамках которых либерально-демократические элиты пытаются перекроить политический, экономический, социальный и культурный ландшафт как западных, так и незападных обществ. Цель либеральных демократов — Европа без России, Европа как второстепенный партнер США. Либерально-демократическая повестка привела к тому, что Европа превратилась в ревизионистского актора, слабеющего экономически и политически из-за своего морализаторства и недостаточного прагматизма. Благодаря либерально-демократическим элитам Европа становится крепостью либерального (или, скорее, постлиберального) догматизма, препятствующего развитию человеческого, социального и экономического потенциала, а следовательно, и глобальному прогрессу. Эти элиты постепенно ограничивают плюрализм, подрывают демократические традиции и механизмы, используя формальную, отчужденную концепцию демократии. Либерально-демократическая политика все больше противоречит изначальным либеральным ценностям и целям и препятствует свободной торговле, а также свободной циркуляции идей. Эти негативные характеристики являются признаками упадка либеральных демократий, все больше приобретающих авторитарные черты.

Литература

Тихановская высказалась о встрече с Байденом // RT. 28.07.2021. — URL: russian.rt.com/world/news/890211-tihanovskaya-vstrecha-baiden (date of access: 08.06.2022).

Bastlová M., Žák M. Šéf české diplomacie Lipavský: Chci Ukrajině umetat cestičku do EU // Seznam Zprávy. 06.05.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-politika-sef-ceske-diplomacie-lipavsky-chciukrajine-umetat-cesticku-do-eu-201249 (date of access: 08.06.2022).

Česká republika je zvolena do Rady OSN pro lidská práva // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 10.05.2022. — URL: mzv.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/ceska_republika_je_zvolena_do_rady_osn.html (date of access: 08.06.2022).

Dezinformace o Ukrajině šířené Čínou v podání Čínského rozhlasu pro zahraničí Centrum proti hybridním hrozbám. Ministerstvo vnitra České republiky. — URL: mvcr.cz/chh/clanek/dezinformace-o-ukrajine-sirene-cinou-v-podani-cinskeho-rozhlasu-pro-zahranici.aspx (date of access: 15.08.2022).

GLOBSEC Trends 2021: Czechia one year into the COVID-19 pandemic // GLOBSEC. 28.06.2021. — URL: globsec.org/publications/globsec-trends-2021-czechia-one-year-into-the-covid-19-pandemic/ (date of access: 15.08.2022).

International conference Saint Adalbert and Central Europe. Patrimonium Sancti Adalberti. 10-12 June 2022. — URL: psazs.cz/en/saint-adalberts-conference/ (date of access: 15.08.2022).

Koronavirus: Přehled hlavních dezinformačních trendů a sdělení. Centrum proti hybridním hrozbám. Ministerstvo vnitra České republiky. 2020. — URL: mvcr.cz/cthh/clanek/koronavirus-prehled-hlavnich-dezinformacnich-trendu-a-sdeleni.aspx (date of access: 15.08.2022).

Lederer E. M., Peltz J. UN assembly suspends Russia from top human rights body // AP. News. 07.04.2022. — URL: apnews.com/article/russia-ukraine-united-nations-general-assembly-voting-rights-united-nations-lindathomas-greenfield-6b4f311e6099315aa4efc2d5772ab80e (date of access: 08.06.2022).

„Měli bychom svrhnout Lukašenka“, řekla na sněmu TOP 09 šéfka Pekarová // Echo24.cz. 21.11.2021. — URL: echo24.cz/a/SmknA/meli-bychom-svrhnout-lukasenka-rekla-na-snemu-top-09-sefka-pekarova (date of access: 08.06.2022).

Menšík J. Udělejte z Běloruska prioritu svého předsednictví v EU, apeluje Cichanouská na české politiky // Novinky.cz. 10. 05. 2022. — URL: novinky.cz/domaci/clanek/udelejte-z-beloruska-prioritu-sveho-predsednictvi-v-eu-apelujecichanouska-na-ceske-politiky-40396551 (date of access: 08.06.2022).

Ministr Lipavský jednal v Turíně o stavu lidských práv v Evropě a pomoci Ukrajině // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 20.05.2022. — URL: mzv.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/ministr_lipavsky_jednal_v_turine_o_stavu.html (date of access: 08.06.2022).

Ministr Lipavský představil aktivity v lidskoprávní oblasti // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 09.05.2022. — URL: mzv.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/ministr_lipavsky_predstavil_aktivity.html (date of access: 08.06.2022).

Ministr zahraničních věcí Jan Lipavský se zúčastnil neformálního jednání ministrů zahraničních věcí NATO v Berlíně // Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 16.05.2022. — URL: mzv.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/ministr_zahranicnich_veci_jan_lipavsky_2.html (date of access: 08.06.2022).

Ministryně obrany Černochová napsala, že jí není líto mrtvé dcery Dugina ani truchlícího otce // Echo24.cz. 21.08.2022. — URL: echo24.cz/a/SFvdu/cernochova-twitter-netruchli-kritika-vyrok-dugin-darja-neni-lito-dolejs (date of access: 28.08.2022).

Návštěva Lotyšska, Estonska a Litvy (2022, June 06) // Poslanecká sněmovna Parlamentu České Republiky. 06.06.2022. — URL: psp.cz/sqw/hp.sqw?k=3312&z=16117 (date of access: 07.07.2022).

Premiér Fiala se setkal s vůdkyní běloruské opozice Cichanouskou // Vláda České republiky. 12.05.2022. — URL: vlada.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-fiala-se-setkal-s-vudkyni-beloruske-opozice-cichanouskou-196281/ (date of access: 08.06.2022).

Přijetí poradkyně prezidenta Litevské republiky paní A. Skaisgiryté // Poslanecká sněmovna Parlamentu České Republiky. 10.05.2022. — URL: psp.cz/sqw/hp.sqw?k=3334&z=16007 (date of access: 07.07.2022).

Rokos M. Za zpomalení Rusů jim prostřelují nohy. V Praze cvičí na svržení Lukašenka // Seznam Zprávy. 28.07.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/zahranicni-provadeji-diverzni-akce-proti-lukasenkovi-a-putinovi-trenuji-i-v-praze-209918 (date of access: 28.08.2022).

The Russian Federation's aggression against Ukraine: ensuring accountability for serious violations of international humanitarian law and other international crimes // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 28.04.2022. — URL: pace.coe.int/en/files/30024/html (date of access: 08.06.2022).

Šebok F. České předsednictví bude řešit vztahy s Čínou // Asociace pro mezinárodní otázky. 15.06.2022. — URL: amo.cz/cs/china-observers-in-central-and-eastern-europe-choice/ceske-predsednictvi-bude-resitvztahy-s-cinou/ (date of access: 07.07.2022).

Středoevropská identita jako součást protizápadního narativu na kvazi-mediální scéně // Centrum proti hybridním hrozbám. Ministerstvo vnitra České republiky.Ministerstvo vnitra České republiky. — URL: mvcr.cz/cthh/clanek/stredoevropska-identita-jako-soucast-protizapadnihonarativu-na-kvazi-medialni-scene.aspx (date of access: 15.08.2022).

Tchajwanský ministr zahraničí Wu ocenil Havla, Kuberu i Vystrčila // České Noviny. 27.10.2021. — URL: ceskenoviny.cz/zpravy/tchajwansky-ministr-zahranici-wu-ocenil-havla-kuberu-i-vystrcila/2109220 (date of access: 07.07.2022).

Tiezzi S. Czech Senate President Milos Vystrcil on China, Taiwan, and the 16+1 // The Diplomat. 11.06.2022. — URL: thediplomat.com/2022/06/czech-senate-president-milos-vystrcil-on-china-taiwan-and-the-161/ (date of access: 07.07.2022).

Zahraniční výbor. 19. května 2022 // Poslanecká sněmovna Parlamentu České Republiky. 19.05.2022. — URL: psp.cz/sqw/hp.sqw?k=3306&ido=1559&td=22&cu=9 (date of access: 07.07.2022).

Zápis z 26. schůze VZOB // Senát Parlamentu České republiky. 04.05.2022. — URL: senat.cz/xqw/webdav/pssenat/original/103944/87158 (date of access: 07.07.2022).

Zeman přijal Cichanouskou, mluvili o běloruském domu nebo vízech // ČTK. 11.05.2022. — URL: ceskenoviny.cz/zpravy/zeman-prijal-cichanouskou-mluvili-o-beloruskem-domu-nebovizech/2204665 (date of access: 08.06.2022).

Zeman přijal vůdkyni běloruské opozice Cichanouskou. Je pro uvolnění restrikcí pro studenty // iROZHLAS. 11.05.2022. — URL: irozhlas.cz/zpravy-domov/milos-zeman-prazsky-hrad-svjatlana-cichanouska_2205111716_jgr (date of access: 08.06.2022).

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-81-97
УДК 323/324; 327; 94

Наталья Травкина, Владимир Васильев

Микроагрессия — формирующаяся матрица общественных отношений американского социума

Аннотация. *Цивилизационное противостояние Востока и Запада, России и «коллективного Запада» и особенно конфронтация двух ядерных сверхдержав — России и США, побуждают взглянуть на это геополитическое размежевание под углом зрения его истоков и глубинных причин. В системе идеолого-политических координат российско-американского противоборства доминирует стереотипное представление, что оно имеет «верхушечную направленность», отражая острейший конфликт интересов правящих кругов двух стран. Широкие же слои населения не имеют четких и долгосрочных антиамериканских/ антироссийских убеждений и в целом в этой модели противостояния ценностные противоречия ослабевают вдоль оси «сверху вниз». Однако тектонические сдвиги в расово-этническом составе американского общества в последние 30–40 лет привели к появлению перманентной «взрывной» напряженности внутри США. На этом фоне российско-американское цивилизационное противостояние во все большей степени начинает строиться по модели «снизу вверх», в рамках которой «микроагрессивность» социальных групп и новых идейных течений становится важным фактором внешнеполитической агрессивности Вашингтона.*

Ключевые слова: *США, микроагрессия, расово-этнические сдвиги, культура ненависти, системный расизм, дискриминация, психологические стереотипы, внешнеполитическая агрессивность, русофобия.*

В далеком 1970 г. достаточно известный к тому времени американский психиатр афроамериканского происхождения Ч. Пирс (1927–2016), который в 1969–1997 гг. занимал должность профессора психиатрии медицинского факультета Гарвардского университета, опубликовал небольшое эссе «Наступательные механизмы», которому суждено было стать краеугольным камнем в изучении феномена микроагрессии на протяжении последующих 50 с лишним лет.

Сведения об авторах: *ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.*
ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутриэкономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

В тот период американская психиатрия концентрировала свое внимание на изучении защитных механизмов сохранения душевного и эмоционального благополучия личности от стрессов повседневной американской жизни, среди которых одно из первых мест занимали расово-этнические взаимоотношения белых и чернокожих американцев. 1960-е годы вошли в американскую историю как этап мощной борьбы афроамериканского населения за свои гражданские права, которые увенчались принятием основополагающего закона 1964 г. «О гражданских правах», запретившего в американском обществе дискриминацию по расово-этническим, половым, религиозным и ряду других признаков [The Civil Rights Act of 1964... p.1-2]. В сочетании с законом 1965 г. «О гарантии равных избирательных прав для всех расово-этнических групп американского населения» [The Voting Rights Act of 1965... p.1], а также объявленной в 1964 г. «войной с бедностью» это, казалось, более или менее успешно разрешало — по крайней мере, на уровне федерального законодательства — проблему расово-этнической дискриминации, которая преследовала американское общество на протяжении предыдущих 100 лет (со времен Гражданской войны 1861–1865 гг.).

1960-е годы в США нередко считаются «второй Гражданской войной», в ходе которой были убиты президент Дж. Кеннеди (в 1963 г.), его брат сенатор Р. Кеннеди и лидер правозащитного афроамериканского движения М. Кинг (оба в 1968 г.). После Гражданской войны XIX в., увенчавшейся 19 июня 1865 г. официальной отменой рабства, южане-расисты взяли исторический реванш, приняв в 1890-е годы в бывших рабовладельческих штатах сегрегационные законы по отношению к афроамериканскому населению, вошедшие в историю как «законы Джима Кроу». По сути, этот же синдром исторического расистского реванша начал воспроизводиться в 1970-е годы, на этот раз сместившись на уровень межличностных отношений, и общим символом этого реванша и стал термин «микроагрессия», получивший широкий резонанс в политической, социологической и психологической литературе.

Ч. Пирс с «медицинской» точностью диагностировал сегрегационную направленность и смысл микроагрессии, основанной «на чувстве превосходства, с которой одна группа людей продолжает ожесточать, унижать, оскорблять и подавлять чувство достоинства другой группы лиц. Чувство превосходства и обусловленное им презрительное и снисходительное отношение по отношению к любой группе этнического меньшинства настолько распространены в (американском. — *Н.Т., В.В.*) обществе, что это делает практически невозможными любые переговоры между черными и белыми без использования такой наступательной тактики» [Pierce Offensive Mechanisms... p.265].

Наступательная тактика представителей белого большинства по отношению к чернокожему меньшинству и получила название микроагрессии. Американский психиатр определил ее как модальность «расовых взаимодействий между черными и белыми, которые характеризуются постоянным унижением черных со стороны белых, совершаемым автоматическим, предсознательным или бессознательным образом» [Pierce Psychiatric problems... p. 515]. Одновременно Ч. Пирс сделал вывод, что «наступатель-

ные механизмы могут широко использоваться и во многих других сферах межличностных взаимоотношений» [Pierce Offensive Mechanisms… p. 265].

Вполне возможно, что теория микроагрессии как форма межрасовых отношений в американском обществе осталась бы модным, но преходящим поветрием 1970-х годов, какими в исторической перспективе, например, явились теория когнитивного диссонанса, парадигма рискованного сдвига и концепция социального обучения, оказавшиеся «изолированными друг от друга, поскольку исследовали небольшие ниши социального познания, эмоции и поведение без какой-либо связи с другими теориями или экспериментальными данными» [Faye, p. 517]. Однако процессы глобализации, особенно начиная с 1990-х годов, способствовали тому, что теория микроагрессии обрела черты господствующей парадигмы, объясняющей формирование матрицы базовых взаимоотношений в американском социуме в широком смысле этого слова.

«Микроагрессия» как форма родовых мук «цветной» Америки

С конца XX в. в США стала происходить стремительная «цветнизация» общества, выражающаяся прежде всего в ускоренном сокращении относительной доли белого населения. При этом за истекшие три десятилетия в абсолютном выражении численность белого населения почти не изменилась, стабильно составляя около 200 млн человек. Так, если в 1990 г. его доля составляла 75,6% общей численности населения, или около 188,1 млн человек, то в 2000 г. она уменьшилась до 69,1%, несмотря на увеличение в абсолютном выражении до 194,5 млн человек [Population by Race and Hispanic…]. Доля цветного населения США возросла более чем на 5% в относительном выражении и на 32,7 млн человек в абсолютном, в том числе латиноамериканцев стало больше почти на 13 млн человек, афроамериканцев — на 4,7 млн человек, азиатоамериканцев — почти на 3,5 млн. человек [Population by Race and Hispanic…].

В XXI в. эти сдвиги стали происходить еще более быстрыми темпами. В 2010 г. доля белого населения, увеличившегося в абсолютном выражении до 197,0 млн человек, сократилась до 63,7%. В первом десятилетии самыми быстрыми темпами росла численность латиноамериканского населения, которое увеличилось в относительном выражении на 43%, или на 15,2 млн человек в абсолютном выражении. Численность афроамериканского населения возросла всего на 4,2 млн человек, поэтому в относительном выражении их доля в общей численности населения США практически не претерпела изменений, составив в 2000 и 2010 г., соответственно, 12,3% и 12,6%. Наконец, доля азиатоамериканцев в относительном выражении также выросла на рекордные 43,0%, хотя в абсолютном выражении она увеличилась всего на 4,4 млн. человек. В целом же за первое десятилетие XXI в. численность цветного населения, включая представителей других расово-этнических групп, выросла на 28,2 млн человек [Humes, Jones, Ramirez, p. 4].

К концу второго десятилетия XXI в. можно было уже смело говорить о нарастающем почти катастрофическом уменьшении доли белого населения в общей числен-

ности американского населения: она уменьшилась по сравнению с 2010 г. на 5,9% и составила 57,8%; при этом общая численность белого населения осталась практически на уровне 2010 г. — 197,7 млн человек [National Population by Characteristics: 2020–2021]. Фактически США, по-видимому, уже прошли «точку невозврата» в превращении белого большинства в маргинализирующуюся группу американского общества.

Падение относительной доли белого населения происходило на фоне устойчивого роста абсолютной и относительной численности латиноамериканского населения. Согласно итогам переписи 2020 г., в США насчитывалось 61,9 млн латиноамериканцев, доля которых в общей численности населения достигла 18,7%. Соответствующие показатели на 1 июля 2020 г. для афроамериканского населения составили 41,7 млн человек, или 12,6% от общей численности американского населения. [Рассчитано по: National Population by Characteristics: 2020-2021. Annual Estimates...].

По всей видимости, на динамику численности белого населения в ближайшем будущем будет оказывать коронавирусная пандемия и ее медико-биологические последствия. Чрезвычайно показательно, что, согласно официальным данным, в период с 1 апреля 2020 г. по 1 июля 2021 г. нетто-численность населения США возросла на 444,5 тыс. человек, но этот прирост был достигнут в основном за счет роста латиноамериканского населения, которое увеличилось почти на 1,0 млн человек, в то время как белое население уменьшилось почти на 1,1 млн человек [NationalPopulation by Characteristics: 2020-2021. Components of Change. Estimates ofthe Components...]. Это единственная расово-этническая группа, вклад которой в изменение численности американского населения оказался со знаком минус.

Перепись населения 2020 г. показала, что манипуляции статистическими результатами становятся все более «микроагрессивными»: итоговые данные об абсолютном и относительном изменении расово-этнического состава населения США намеренно заносятся в технико-методологические разделы и, в отличие от переписей 1990, 2000 и 2010 г., не содержат сравнительных характеристик произошедших за 10 лет структурных сдвигов. Помимо этого, если ранее Бюро переписей США регулярно публиковало прогностические оценки о динамике демографических изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе, то начиная примерно с середины второго десятилетия текущего столетия публикации подобного рода стали носить фрагментарный и заметно «неакцентированный» характер. В частности, из последнего прогноза, появившегося в начале 2020 г., вытекает, что белое большинство перестанет быть таковым в США к 2060 г., когда его доля упадет до 44,3%. Особое внимание стоит обратить на то, что в течение предстоящих 40 лет даже абсолютная численность белого населения уменьшится почти на 20 млн и будет составлять не более 180 млн человек [Vespa, Armstrong, Medina, p. 7].

Это является важнейшим косвенным свидетельством того, что американское общество действительно переживает исторически беспрецедентный этап в своем развитии,

сопоставимый с периодом создания независимой Американской республики в середине 1770-х годов[1].

В условиях фундаментальной смены референтного «цвета» (или «цветовой гаммы») американской цивилизации происходит резкое обострение межрасовых и межэтнических отношений. Усиление позиций некогда ущемленных расово-этнических меньшинств, подвергавшихся постоянным микроагрессиям, объективно ведет к появлению настроений исторического реванша за столетия «унижений и оскорблений» афроамериканцев, коренных жителей Америки, латиноамериканцев, женщин, иммигрантов. Настроения исторического реванша трансформируются в смену базовой парадигмы расово-этнических взаимоотношений в американском обществе: расово-этнические меньшинства начинают брать на вооружение тактику микроагрессии во взаимоотношениях со стремительно теряющим общественные позиции белым большинством. Последнее все в большей степени становится объектом микроагрессии со стороны прежних расово-этнических меньшинств. Таким образом, в американском социуме возникает матрица микроагрессивной войны всех против всех.

Поскольку расово-этнические проблемы и восприятие цвета кожи затрагивают самоидентификацию практически каждого члена американского общества, вполне уместно проведение параллелей между знаменитой теорией английского философа Т. Гоббса «войны всех против всех» («Bellum omnium contra omnes») и микроагрессивной средой повседневной социальной жизни американцев. Эти исторические аналогии и сравнения в последнее время получают все большее распространение среди американских социологов и политологов. Вполне возможно, что первым теоретиком микроагрессивного поведения следует считать Т. Гоббса, который в своем сочинении «О гражданине» (1646 г.) указывал, что если рядовые граждане «собираются для развлечения и веселья, то здесь обычно всякий особенно доволен собой, если ему удается вызвать смех присутствующих, что дает ему возможность (в соответствии с самой природой смешного) возвыситься в собственных глазах в контрасте с безобразием или слабостью другого. Даже если иной раз это носит совершенно невинный характер и не наносит обиды, все равно ясно, что удовольствие им доставляет не их общество, а собственная слава» [Гоббс, с. 286].

Современное прочтение этого пассажа Т. Гоббса с точки зрения обоснования им теории агрессивного взаимодействия членов социума сводится к тому, что «удовольствие от многих наших обычных социальных взаимодействий происходит за счет других

1 По мнению авторов данной статьи, проблема заметно сокращающейся, абсолютно и относительно, доли белого населения в американском обществе предопределила принятие Верховным судом США 24 июня 2022 г. далеко идущего решения о признании неконституционным права женщин на аборты. В постановлении Верховного суда указывается, что «Конституция не дает права на аборт. Решения по делу “Роу против Уэйда” и по делу “Фонд планирования семьи против Кейси” отменены, полномочия по регулированию абортов возвращены народу и его избранным представителям» [Dobbs... p. 1]. Это решение Верховного суда также подпадает под квалификационные признаки правовой микроагрессии.

(особенно когда они не имеют возможности непосредственного общения с вами). И эта форма общения представляет собой своего рода *социальный клей* (курсив наш. — *Н.Т., В.В.*), порождающий социальные трения и напряженность. Намерение может заключаться не в том, чтобы причинить боль другим, — скорее мотивом является удовольствие (или смех), — но такая радость не является невинной, даже если она шутливая, потому что она унижает объект насмешек и создает потенциально опасные модели отношений в обществе» [Hobbs and Microagressions]. Актуальность проведенной английским философом социальной диагностики общества, находящегося в состоянии перманентной войны всех против всех, подчеркивается и тем обстоятельством, что микроагрессивная среда превратилась в современных США в важнейший фактор социализации и воспроизводства новых поколений американцев.

Помимо этого, происходит очень сложный процесс семантического переформатирования и перекодирования многих некогда широко использовавшихся словосочетаний и терминов, которые являлись продуктами социально-экономических потрясений в процессе долгого эволюционного развития США, будь то Гражданская война в первой половине 1860-х годов XIX столетия или революционное десятилетие борьбы за гражданские права в 1960-е годы. Культура политкорректности и всеобщей толерантности, восторжествовавшая в США в последние 30 лет, только на первый взгляд породила атмосферу общенационального согласия. Потенциальная взрывоопасность микроагрессивных терминов и словосочетаний оказалась ничуть не меньше (с точки зрения нарушения социального мира и спокойствия), чем, например, призывы прошлых исторических эпох к «ниспровержению буржуазного социально-экономического строя, основанного на эксплуатации, репрессиях и полицейском произволе». Как указал в этой связи американский психолог С. Лилиенфелд, «все большее число американских ученых и исследователей утверждает, что в современной западной культуре предрассудки часто проявляют себя в более тонких формах по сравнению с тем, как это имело место несколько десятилетий назад. По мнению этих исследователей, предрассудки на самом деле не уменьшились — они просто приняли более завуалированную, но одновременно и более коварную форму. Подобного рода сокрытое перевоплощение прежних предрассудков получило несколько названий, каждое из которых несло свое специфическое значение и имело вполне определенную направленность» [Lilienfeld, p. 138].

Основные характеристики микроагрессивной среды американского социума

Стремительное внедрение микроагрессии во все сферы и поры американского общества объективно привело к тому, что с семантической точки зрения сам этот термин не только стал составной частью серьезных социально-психологических и политологических исследований, но и атрибутом культуры повседневного общения. Интересно, что, например, в 2015 г. термин «микроагрессия» стал наиболее часто употребляемым разговорным словом в англоязычном мире, используемым для описания различного рода бытовых ситуаций, особенно относящихся к характеристике расово-этнических конфликтов и отношений. [Brown]. По мере «горизонтальной (в обществе)» и «верти-

кальной (среди представителей академических дисциплин)» пролиферации термина «микроагрессия» усиливалось его многозначие как для узких кругов специалистов и исследователей, так и для широкой общественности, преимущественно американской. В этом плане термин «микроагрессия» постепенно терял строго академическое толкование, постепенно превращаясь в «новый символ, в оборот речи», который менял «общественную атмосферу». Это тонкое изменение «хорошо известной концепции отражает не только идущее полным ходом изменение атмосферы в американском обществе, но и является предвестником серьезной трансформации общественных отношений в будущем», обусловленной прежде всего изменениями в социокультурных и расово-этнических отношениях [Brown].

Несмотря на расширение круга исследований феномена микроагрессий в американском социуме, базовой сферой «классических» форм микроагрессии, как и в начале 1970-х годов, была и остается область расово-этнических отношений американского общества. В настоящее время эти отношения даже официально трактуются в Америке как отражающие всю палитру оттенков и нюансов системного расизма — борьба с ним является важнейшим внутриполитическим приоритетом демократической администрации Дж. Байдена [Fact Sheet: The Biden-Harris Administration...]. Согласно трактовке американских специалистов в области здравоохранения, расизм представляет собой «низведение цветных людей до низшего статуса и основанное на этом несправедливое к ним отношение и их подавление, исходя из не имеющих под собой оснований убеждений об их врожденной неполноценности» [Braveman, p. 171]. Вместе с тем современные американские исследователи указывают, что системный расизм является неотъемлемой цивилизационной характеристикой США на протяжении всей их 250-летней истории, и в этом плане «системный расизм настолько укоренился в американском обществе, что он нередко считается выражением естественного и безальтернативного порядка вещей» [Braveman, p. 172].

Выработанная десятилетиями и даже столетиями микроагрессивная составляющая системного расизма содержит девять основных базовых стереотипов восприятия белыми американцами их цветных сограждан [Williams, p. 5]. Согласно ***первому стереотипу***, цветной американец не является подлинным американцем. Смысл этого стереотипа сводится к тому, что «цветные люди должны прислуживать белым и не иметь высокого социального статуса» [Sue, p. 276]. ***Второй стереотип*** состоит в том, что цветные люди имеют более низкий уровень интеллектуального развития по сравнению с белыми. Помимо очевидного смысла этого стереотипа, в ряде случаев его использование равносильно утверждению, что цветные люди с высоким интеллектом являются аномальными представителями данной этнической группы [Sue, p. 276]. ***Третий стереотип*** по форме является достаточно нейтральным и основан на восприятии цветных людей как не имеющих расово-этнических признаков. Однако в рамках системного расизма в этот стереотип вкладывается понятие, что цветной человек является частью человечества «без рода и племени», т. е. представителем деградировавшей ветви в цивилизационном развитии. ***Четвертый стереотип***, наоборот, имеет прямо противоположную направленность и состоит в том, что цветной человек является «уголовным преступни-

ком», представляющим повышенную общественную опасность. Этот стереотип, по сути, является формой «психологической сегрегации» по отношению к представителям этнических меньшинств, которая создает вокруг них «полосу социального отчуждения», особенно в общественных местах. ***Пятый стереотип*** может быть охарактеризован как форма социальной мимикрии в межличностном общении, когда представитель белого большинства утверждает, что он (или она) не являются расистами, но только как отдельные физические лица. Подсознательный смысл использования этого стереотипа сводится к тому, что большая часть стереотипов системного расизма, стереотипов отношения белого большинства к цветным меньшинствам является правильной, но данный конкретный представитель белого большинства их не разделяет. ***Шестой стереотип*** призван способствовать насаждению в обществе меритократических взглядов и представлений. В реальной практике межрасового социального общения декларация в устах представителя белого большинства о том, что «любой человек с высокой квалификацией должен непременно иметь работу», подразумевает получение представителями цветных меньшинств от государства или негосударственных структур «неоправданно» высоких благ исключительно благодаря цвету их кожи. Аналогичную направленность имеют и высказывания в духе того, что «каждый может преуспеть в американском обществе, если будет упорно трудиться»; отнесенное к представителям цветных меньшинств, оно означает, что они являются «ленивыми и/или некомпетентными, и для жизненного успеха им надо более упорно трудиться» [Sue, p. 276]. В основе ***седьмого стереотипа*** лежат представления о том, что формы межличностного общения цветных меньшинств носят «патологический характер». Тем самым утверждается, что ценности и формы межличностного общения белого большинства являются недостижимым идеалом для цветных меньшинств [Sue, p. 276]. ***Восьмой стереотип*** проистекает из поведенческих характеристик белого большинства и цветных меньшинств, когда последним дают ясно понять, что они являются «гражданами второго сорта», — например, при найме на работу, предоставлении медицинских услуг, обслуживании в магазинах, ресторанах и других заведениях подобного рода. И наконец, в рамках ***девятого стереотипа*** формы организации общественной жизни в американском обществе также могут иметь микроагрессивную направленность, — скажем, преднамеренная переполненность классов в средних школах, расположенных в районах проживания цветных меньшинств, или большое количество питейных заведений и магазинов, в которых продаются спиртные напитки, что призвано подчеркнуть «девиантный» характер расово-этнических меньшинств [Sue, p. 277].

Обширный перечень признаков и характеристик микроагрессий, в совокупности формирующих содержание понятия «системный расизм», важен с точки зрения общей характеристики современного американского социума. Исследователи феномена микроагрессии в общем согласны в том, что по своей природе США являются «расистским обществом», а сам феномен «имеет своим источником несправедливое, расово-стратифицированное общество и наиболее действенен именно в нем» [Syed, p. 926]. Жизнь и деятельность в расистском обществе **объективно** ставят как физических, так и юридических лиц, а также государственные органы в ситуацию, предполагающую «социальное ориентирование» по трем базовым позициям. *Первая позиция* может быть оха-

рактеризована как принятие ценностей расового общества и построение основанной на них модели активного поведения. *Вторая позиция* диаметрально противоположна первой и основана на активном неприятии ценностей расистского общества; соответствующим образом строится и модель поведения. Наконец, *третья позиция* сводится к молчаливому игнорированию факта жизнедеятельности в расистском обществе, к его трактовке как формы индивидуального поведения, а не как системного признака самого социума. В целом третья позиция может быть охарактеризована как *пассивный расизм* [Syed, p. 927].

Системный расизм с вышеперечисленными девятью признаками однозначно формирует в социуме систему расово-этнической стратификации, в явной форме построенной по признакам *высших* и *низших* рас. Можно при этом отметить тот факт, что политическая система США на федеральном уровне в достаточно отчетливой форме отражает и выражает принцип господства белого большинства в американском обществе. Так, в Конгрессе 117-го созыва, который приступил к работе в январе 2021 г., общая доля белых как в Палате представителей, так и в Сенате США составляет 77%, что на 20% больше их доли в общей численности американского населения [Schaeffer]. Что касается института президентской власти, то на протяжении всей американской истории доля белых в президентском корпусе составляет 98%. Формируемая на принципах высших и низших рас, внешняя политика США не может в прямой или косвенной форме не следовать постулатам, коренящимся в культуре микроагрессии, получающей все большее распространение в американском социуме.

Микроагрессивные истоки внешней политики США

Сухие справочные данные Исследовательской службы Конгресса (ИСК) США об использовании вооруженных сил США за их пределами, начиная с 1798 г. и вплоть до февраля 2022 г., рисуют следующую картину. После провального завершения войны в Юго-Восточной Азии в 1975 г. и вплоть до мая 1989 г. (момента высадки американских морских пехотинцев в Панаме для последующего свержения президента Панамы генерала М. Норьеги) США считаное количество раз использовали свои воинские контингенты в военных конфликтах в других странах; их перечень уместился на двух страницах доклада-справки ИСК. А вот начиная с войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. и вплоть до настоящего времени США ежегодно и даже по нескольку раз в году вводили свои воинские контингенты на территории других стран по всему миру: на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской и Центральной Америке, в Азии, в Африке и в Европе. При этом список использования американских вооруженных сил, большая часть которых представляла классическую форму внешнеполитических микроагрессий, занял 36 страниц! В качестве примера можно привести ввод американского контингента на территорию Танзании в 2018 г.; он находился там с мая по июль, принимая участие в военных играх и операциях танзанийских вооруженных сил по борьбе с браконьерством (незаконной охотой на представителей животного мира этой страны) [Instances of Use of United States...].

«Внешнеполитическая обкатка» технологий и приемов микроагрессии начинается уже внутри самих США. В последние годы как американские, так и канадские социологи и психологи собрали обширный материал о расовой микроагрессии в студенческих городках США, Канады и Великобритании, особенно по отношению к студентам из азиатских стран. При этом установлено, что «азиатские студенты, проходящие обучение в университетах США и Великобритании, становятся объектами микроагрессии особенно часто» [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 377]. Аналогичным образом обстоит дело и в родственных им университетах Канады, к обучению в которых особенно склонны студенты из Азии; канадские университеты с большим числом студентов из Азии нередко именуются в этой стране как «азиатские университеты».

В ходе проведенного американо-канадскими психологами исследования о расовой микроагрессии против азиатских студентов (главным образом китайских, южнокорейских, индийских и пакистанских) в ведущих канадских университетах выяснилось, что практически все опрошенные студенты подвергались со стороны канадских студентов и университетских преподавателей шести основным ее формам. Наиболее распространенной формой микроагрессии было формирование вокруг них атмосферы «отчужденности и изолированности» на территории студенческих городков. Второй, также достаточно распространенной формой было пародирование и насмешка над плохим произношением и недостаточным знанием английского языка, что в конечном итоге преследовало цель подчеркнуть расово-этническую ущербность азиатских студентов. Третья форма получила название «считать невидимым»: особенно часто она практиковалась со стороны преподавательского состава университетов во время учебного процесса, когда азиатские студенты не получали оценок (в широком смысле этого слова) своих успеваемости и знаний. Четвертая форма микроагрессии касалась отношения профессорско-преподавательского состава университетов к азиатским студентам как носителям другой культуры и других цивилизационных особенностей. Фактически они были причислены к категории безликих, «не помнящих своего родства», что, естественно, в психологическом плане сказывалось на них, — притом что студенты из азиатских стран со всех точек зрения могли считать себя представителями значительно более древних, нежели североамериканская, культур и цивилизаций. Пятая форма микроагрессий оказалась одной из наиболее болезненных, ибо как преподаватели, так и канадские студенты относились к выходцам из Азии не с точки зрения их учебных успехов и других атрибутов интеллектуального развития, а на основе расовых предрассудков и стереотипов белых по отношению к цветным народам и национальностям, в русле дихотомии «высших» и «низших». Наконец, шестой формой микроагрессии явились «классические» виды ограничений и запретов, которые распространились на сферу получения канадских виз и недостаточное финансирование программ обучения азиатских студентов [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 380]. В этой связи один индийский студент прямо указал на то, что в канадских академических кругах широко распространено убеждение, согласно которому «на учебу приезжают только студенты из богатых семей, которых принимают исключительно по соображениям пополнения университетских бюджетов, и потому их успехи в учебном процессе не являются столь важными» [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 382].

Этот перечень микроагрессий легко может быть наложен на базовые принципы, которыми США руководствуются в отношении стран-изгоев, к числу которых «коллективный Запад» во главе с США после 24 февраля 2022 г. постарался причислить и Россию.

Примерно такие же результаты были получены на основе изучения форм микроагрессии по отношению к китайским студентам в США, проведенное в 2017 г. Исследование охватило выборку из 340 студентов, которые обучались в различных американских университетах в течение нескольких лет по самым разнообразным специальностям — от естественно-научных до гуманитарных. Отметим, что в 2017 г. в американских университетах обучались 351 тыс. китайских студентов [Pei, p.1,2], которые принесли американской экономике почти 13 млрд долл.

Перечень наиболее распространенных видов микроагрессии по отношению к китайским студентам насчитывал 12 позиций. На первом месте значилось восприятие китайских студентов как «хороших математиков». Микроагрессивная направленность этого стереотипа сводилась к тому, что китайцы воспринимались американскими студентами и преподавателями исключительно как «способные только к счетоводству» — иных достоинств и сильных сторон они не имели. Вторую строчку занимал стереотип, согласно которому в китайских СМИ встречается очень мало фотографий и видеороликов «китайских моделей»; тем самым китайцам давали понять, что они являются «некрасивой» нацией. Третий стереотип был напрямую связан со вторым: американцы считали всех китайцев «похожими на одно лицо». Тем самым китайцы воспринимались в качестве обезличенной массы «второсортных людей». Китайские студенты сталкивались с большими трудностями при нахождении побочных заработков во время учебы; дискриминация по признаку цвета кожи — четвертый вид микроагрессии. Пятая, одна из наиболее распространенных форм микроагрессии, проявляла себя в постоянном подчеркивании неамериканского произношения китайских студентов, что почти автоматически причисляло их к категории плохо успевающих, независимо от результатов в изучении преподаваемых дисциплин, приобретение прочных знаний по которым никак не связано с орфоэпией английского языка. Шестая форма микроагрессии отражала восприятие профессорско-преподавательским составом китайских студентов в качестве аморфной массы, лишенной индивидуальных признаков. В ходе учебного процесса это выражалось в том, что преподаватели не утруждали себя различением китайских студентов, постоянно путая их имена и выбирая в качестве объекта обращения «одного-единственного» студента. К этой форме микроагрессии примыкали две другие — стремление изолировать китайских студентов от их американских сокурсников, а также исключить их из реализации групповых учебных проектов. Таким образом, американские и китайские студенты по умолчанию делились на учащихся «высшей» и «низшей» категорий. В итоге девятая форма микроагрессии сводилась к тому, что китайским студентам в явной или завуалированной форме давали понять, что для них единственный способ проявить себя как в учебном процессе, так и в общественной жизни, особенно в случае получения работы в США, — это «просто больше и интенсивнее работать». Естественно, при этом подразумевалось, что уровень знаний и квалификации не имеют большого значения,

поскольку у китайских студентов по определению «низкий социальный статус» (десятая форма микроагрессии). Наконец, китайские студенты постоянно сталкивались с пренебрежительным обслуживанием и отношением к себе в ресторанах, магазинах, других заведениях сферы услуг. При этом большую часть других микроагрессий сопровождала «фоновая микроагрессия», когда китайским студентам давали ясно понять, что они незаслуженно получают жизненные блага, на значительную часть которых не имеют права [Pei, p. 65].

Итоговым результатом этой «микроагрессивной бомбардировки» китайских студентов в американских университетах является их постоянный стресс на всем протяжении учебного процесса, проистекавший из того, что они просто «являлись китайцами в чужой стране» [Pei, p. 82]. При этом американский цивилизационный парадокс состоял в том, что две трети китайских студентов, принявших участие в проведенном социологическом исследовании, выражали удовлетворение, что им «посчастливилось» обучаться в американских университетах, и они намеревались рекомендовать своим сверстникам туда поступать. В этом плане можно сделать принципиальный вывод, что «пряник» приобщения к ценностям и культуре американской цивилизации неотделим от «кнута» микроагрессивного внушения подрастающему поколению иностранных граждан представления о том, что современный миропорядок основан на разделении на «избранные» страны, к коим прежде всего относятся США, и «второсортные», к числу которых принадлежит их собственная страна (в данном случае Китай).

Кстати, коронавирусная пандемия в 2020–2021 гг. резко усилила микроагрессивную среду пребывания китайских студентов в США, поскольку практически все американцы были склонны рассматривать их как потенциальных носителей смертельного вируса Ковид-19. При этом микроагрессия нередко перерастала в формы прямого физического насилия, объектами которого становились даже дети китайских граждан, обучающиеся в США [Choi, p. 234]. По всей видимости, коронавирусная пандемия явилась важнейшим фактором, способствовавшим резкому обострению международной напряженности, которая поставила мир на грань масштабных военных столкновений между основными центрами мировой политики: «коллективным Западом», с одной стороны, и Россией, Китаем и Ираном — с другой.

Микроагрессия во внешнеполитических ведомствах США

Проблема целенаправленного использования приемов и технологий микроагрессии во внешней политике США, особенно применительно к России, кроется не столько в доктринальных установках и программных документах внешнеполитических ведомств, в частности Государственного департамента США, сколько в кадровом составе этих ведомств, знакомом с особенностями микроагрессивной среды. С приходом к власти в США в январе 2021 г. демократической администрации Дж. Байдена, вставшей на путь систематического «исключения системного расизма» в министерствах и ведомствах федерального правительства, стало очевидным, что таковой не просто присущ деятельности внешнеполитических ведомств США, но и достаточно глубоко укоренился

в них и даже является стандартной практикой формирования кадрового состава ключевых ведомств, в том числе Государственного департамента США.

Сфера американской внешней политики традиционно была закрыта для представителей расово-этнических меньшинств. Им было отказано как в работе во внешнеполитических ведомствах, так и в служебном продвижении в иерархии дипломатических рангов и иных званий — по соображениям обеспечения безопасности. Как указывает американский дипломат Ч. Морилл (в настоящее время — один из руководителей кадровой службы Государственного департамента США), «только в 1960-х годах женщинам и представителям меньшинств были предоставлены реальные возможности служить своей стране в Государственном департаменте и других внешнеполитических ведомствах. Однако и спустя полвека после прекращения явно дискриминационной практики кадровой политики слишком многие сотрудники сообщают, что они все еще ощущают атмосферу неприятия и отсутствия чувства сопричастности со стороны коллектива внешнеполитических ведомств» [Morrill].

Микроагрессия в отношении представителей расово-этнических меньшинств, работающих в системе внешнеполитических ведомств США, в конечном итоге используется для формирования «культуры отмены», основанной на принципах радикального отрицания господствующей в них «европоцентричной культуры, гетеросексуальности или гендерной идентичности на рабочем месте, что является нормой работы внешнеполитических ведомств, а все остальное — отклонение от нее» [Morrill]. В переводе на обычный язык это означает, что внешнеполитические ведомства США функционируют по принципу «высших и низших рас», превосходства белой (читай: англосаксонской) расы, что самым очевидным образом проецируется и на повседневную внешнеполитическую практику Государственного департамента по отношению к другим странам. Вместе с тем «культура микроагрессий» постепенно превращается в стандартную форму дипломатического протокола и этикета США, тонко и умело внедряемую в форме официально декларируемой роли США как мирового лидера, несущего «бремя» особой цивилизационной миссии в современном мире.

В этой связи можно указать на фактор прогрессирующих кадровых изменений во внешнеполитических ведомствах США, предопределяющих их растущую «цветнизацию», что является достаточно амбивалентным процессом. На многие руководящие должности в системе внешнеполитической службы США выдвигаются представители расово-этнических меньшинств, такие, например, как Л.Томас-Гринфилд, которая с февраля 2021 г. является постоянным представителем США в ООН. Между тем с приходом к власти администрации Д. Трампа в январе 2017 г. она была уволена из Государственного департамента вследствие политики негласной «расово-этнической чистки» этого ведомства. Причиной для увольнения послужили ее предложения по резкому увеличению числа афроамериканцев на руководящих должностях в американском внешнеполитическом ведомстве, которые она активно продвигала еще в годы администрации Б. Обамы — Дж. Байдена в 2009–2017 гг. [Thomas-Greenfield, Burns].

Поскольку представители расово-этнических меньшинств сами являлись объектом «кадровых микроагрессий» по причине возможных обвинений в «непатриотизме» в своей деятельности на внешнеполитическом поприще, то не исключено, что, заняв руководящие внешнеполитические должности, они будут «профессионально» использовать стратегию и тактику микроагрессии во внешней политике США, пытаясь доказать, что расово-этнические меньшинства могут «более эффективно» отстаивать и защищать интересы США на международной арене.

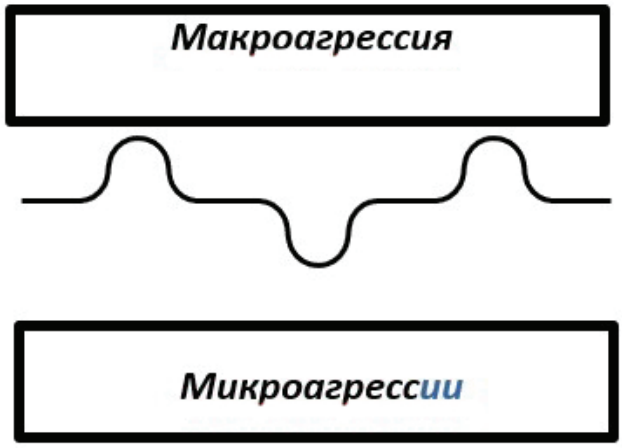
Показательно мнение бывшего высокопоставленного американского дипломата М. Маккинли, считающего, что настало время снять табу с проблемы расы и начать ее активное обсуждение в Государственном департаменте [McKinley]. Не приходится сомневаться, что расово-этническая составляющая американской внешней политики из внутреннего регламента Государственного департамента во все большей степени будет распространяться и на конкретные сферы его деятельности, будь то взаимоотношения с Россией, Китаем или Ираном.

Русофобия — двухуровневая модель макро- и микроагрессивных отношений между США и Россией

Практически полный разрыв российско-американских отношений после начала 24 февраля 2022 г. российской спецоперации на Украине вынуждает по-новому взглянуть на перспективу этих взаимоотношений в более широком историческом контексте. Распространенная точка зрения базируется на том, что вся история взаимоотношений двух стран, по крайней мере с момента установления дипломатических отношений между США и СССР в 1934 г., представляет собой смену достаточно длинных волн конфронтации и сравнительно коротких периодов разрядки напряженности. При этом разрядка напряженности и даже союзнические отношения, как это имело место в годы Второй мировой войны в 1941–1945 гг. или в период сотрудничества в первом десятилетии XXI в. во время борьбы с «глобальным терроризмом», по своему качественному содержанию отличаются от периодов соперничества и конфронтации, подобных холодной войне 1946–1991 гг.

Серьезные сдвиги культурологического и ценностного планов, происходящие в американском обществе в настоящее время, формирование культуры микроагрессии, обусловленной в том числе прогрессирующей «цветнизацией» современной Америки, по всей видимости, являются факторами становления новой парадигмы российско-американских отношений. Эти отношения будут характеризоваться сменой волн макроагрессии и микроагрессии. Таким образом, агрессивность взаимоотношений между Россией и США становится некоей общей модальностью, которая колеблется между полюсом макроагрессии и полюсом микроагрессии. Эта новая парадигма российско-американских отношений отражена на схеме.

Макро- и микроагрессивные нормы-рамки российско-американских отношений в XXI в.



Американские теоретики прямо указали в 2014 г., что резкое ухудшение российско-американских отношений при демократической администрации Б. Обамы после известных событий на Украине и воссоединения Крыма с Россией объясняется прежде всего фундаментальными изменениями, которые с конца XX в. претерпели взаимоотношения государственных и общественных структур обеих стран. А применительно к сфере внешней политики — изменения сделали ее более восприимчивой к социокультурным и идеологическим сдвигам, происходящим внутри обществ. Как подчеркнул в своем эссе американский политолог Ч. Зиглер, если на протяжении большей части XIX и XX вв. отношения между Россией и США определялись преимущественно расчетами, обусловленными балансом сил, стремлением обеспечить национальную безопасность, а также стимулировать развитие торгово-экономических связей, то с конца XX в. на первый план выходят факторы идеологии, социальных норм и культуры, которые в совокупности делают невозможным повторение считавшихся некогда прочно устоявшимися форм и моделей российско-американских отношений, характерных для прежних исторических эпох [Ziegler, p. 688-689].

Литература

Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Том 1. М. 1989.

Braveman P. et.al. Systemic and Structural Racism: Definitions, Examples, Health Damages, and Approaches to Dismantling // Health Affairs. 2022. № 2. Pp. 171-178.

Brown A. 'Microaggression' top word of 2015 // Minnesota Brown. 27.12.2015. — URL: minnesotabrown.com/2015/12/microaggression-top-word-2015.html (date of access: 15.07.2022).

Choi Sh. "People look at me like I AM the virus": Fear, stigma, and discrimination during the COVID-19 pandemic // Qualitative Social Work. 2021. № 1-2. Pp. 233-239.

The Civil Rights Act of 1964: An Overview. R46534 // Congressional Research Service. 21.09.2020. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R46534 (date of access: 15.07.2022).

Dobbs Th. E. State Health Officer of the Mississippi Department of Health, et al., Petitioners Supreme Court of the United States v. Jackson Women's Health Organization, et al // Supreme Court

of the United States. No. 19-1392. 24.06.2022. — URL: supremecourt.gov/docket/docketfiles/html/public/19-1392.html (date of access: 15.07.2022).

Fact Sheet: The Biden-Harris Administration Advances Equity and Opportunity for Black Americans and Communities Across the Country // The White House. 19.06.2022. — URL: whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/19/fact-sheet-the-biden-harris-administration-advances-equity-and-opportunity-for-black-americans-and-communities-across-the-country/ (date of access: 15.07.2022).

Faye C. American social psychology: Examining the contours of the 1970s crisis // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Science. June 2012. Pp. 514-521.

Hobbs and Microagressions // Digressions&Impressions. 30.05.2017. — URL: digressionsnimpressions.typepad.com/digressionsimpressions/2017/05/hobbes-and-microaggression.html (date of access: 15.07.2022).

Houshmand S., Spanierman L., Tafarodi A. Excluded and Avoided: Racial Microaggressions Targeting Asian International Students in Canada // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2014. № 3. Pp. 377-388.

Humes K.R., Jones N.A., Ramirez R.R. Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. Report № C2010BR-02 // U.S. Census Bureau. 01.03.2011. — URL: census.gov/library/publications/2011/dec/c2010br-02.html (date of access: 15.07.2022.

Instances of Use of United States Armed Forces Abroad, 1798-2022 (R42738) // Congressional Research Service. 08.03.2022. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R42738 (date of access: 15.07.2022).

Lilienfeld S. Microaggressions: Strong Claims, Inadequate Evidence // Perspectives on Psychological Science. 2017. №1. Pp. 138-169.

McKinley M. Changing Mindsets on Race at State // The Foreign Service Journal. July/August, 2020. — URL: afsa.org/changing-mindsets-race-state (date of access: 15.07.2022).

Morrill Ch. What does exclusion look like? An FSO explores the concept of microaggressions—and suggests how shining a light on them can help foster a culture of inclusion. Rooting Out Microaggressions // The Foreign Service Journal. July/August, 2021. — URL: afsa.org/rooting-out-microaggressions (date of access: 15.07.2022).

National Population by Characteristics: 2020-2021. Components of Change. Estimates of the Components of Resident Population Change by Race and Hispanic Origin for the United States: April 1, 2020 to July 1, 2021 (NC-EST2021-COMPN) // U.S. Census Bureau. — URL: census.gov/data/tables/time-series/demo/popest/2020s-national-detail.html (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).

National Population by Characteristics: 2020-2021. Datasets. Annual Estimates of the Resident Population by Single Year of Age and Sex for the United States: April 1, 2020 to July 1, 2021 (NC-EST2021-AGESEX-RES) // U.S. Census Bureau. — URL: census.gov/data/tables/time-series/demo/popest/2020s-national-detail.html (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).

Pei S. An investigation of microaggression frequency and stress among Chinese international university students and the impacts. A dissertation submitted to the graduate faculty in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. Iowa State University. Ames, Iowa. 2018.

Pierce C. M. Psychiatric problems of the Black minority. In Arieti S. (Ed.). American handbook of psychiatry. N.Y. 1974. Pp. 512-523.

Pierce Ch. Offensive Mechanisms. In Barhour F. (ed.). Black Seventies. Boston. 1970. Pp. 265-282.

Population by Race and Hispanic or Latino Origin for the United States: 1990 and 2000. Report № PHC-T-1. Table 4. Difference in Population by Race and Hispanic or Latino Origin, for the United States: 1990 to 2000 // U.S. Census Bureau. 02.04.2001. — URL: census.gov/data/tables/2000/dec/phc-t-01.html (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).

Schaeffer K. Racial, ethnic diversity increases yet again with the 117th Congress // Pew Research Center. 28.01.2021. — URL: pewresearch.org/fact-tank/2021/01/28/racial-ethnic-diversity-increases-yet-again-with-the-117th-congress/ (date of access: 15.07.2022).

Sue D. et.al. Racial Microaggressions in Everyday Life. Implications for Clinical Practice // American Psychologist. May-June, 2007. Pp. 271-286.

Syed M. The Logic of Microaggressions Assumes a Racist Society // Perspectives on Psychological Science. September 2021. № 5. Pp. 926-931.

Thomas-Greenfield L., Burns W. The Transformation of Diplomacy. How to Save the State Department // Foreign Affairs. November/December, 2020. — URL: foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-23/diplomacy-transformation (date of access: 15.07.2022).

Vespa J., Armstrong D.M., Medina L. Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060. Report № P25-1144 // U.S. Census Bureau. February 2020. — URL: clck.ru/sTafx (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).

The Voting Rights Act of 1965: Background and Overview. R43626 // Congressional Research Service. 20.07.2015. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R43626 (date of access: 15.07.2022).

Williams M. Microaggressions: Clarification, Evidence, and Impact // Perspectives on Psychological Science. 2020. № 1. Pp. 3-26.

Ziegler Ch. Russian–American relations: From Tsarism to Putin // International Politics. November 2014. Pp. 671-692.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-99-116
УДК 93/94

Антон Крутиков

«Вольным воля»: Великое княжество Литовское и Москва в конце XIV — середине XV вв.

Аннотация. *В статье рассматриваются взаимовлияние элит и политических традиций Московского великого княжества и Великого княжества Литовского (ВКЛ), а также динамика отношений между двумя этими государственными образованиями в XIV–XV вв. Обращение к архивам и дореволюционной отечественной историографии заставляет вспомнить о неоправданно забытых русских корнях ВКЛ и «литовских» проекциях средневековой русской истории. На рубеже XIV–XV столетий Москва и Литва возглавили центростремительные процессы «собирания земель» на обширном пространстве восточнославянского мира, что позволяет говорить не столько об их соперничестве на том этапе, сколько о кооперации. Взаимовыгодный династический союз Витовта и Василия I на несколько десятилетий вперед определил характер политической истории земель западной и северо-восточной Руси.*

Ключевые слова: *Литва, Москва, Великое княжество Литовское, ВКЛ, Московское великое княжество, российская государственность, Витовт, Василий I, Василий II.*

Процесс становления российской государственности и консолидации русских земель вокруг Москвы не проходил автономно и обособленно, в отрыве от масштабного внешнеполитического и исторического контекста. На пути к централизованному Российскому государству эпохи Ивана III с его «вертикалью власти», Судебником 1497 г., имперской идеей, воспринятой от потерпевшей крушение Византии, и зарождающимся московским единодержавием было много преград и соперников. Одним из главных конкурентов московских князей в деле собирания земель древней Руси в XIV–XV вв. традиционно считается Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ). Обширная держава литовских князей возникла в XIII–XIV вв.; в период своего расцвета она занимала земли современной Литвы, Беларуси, Украины, западные области России и даже некоторые восточные воеводства Польши. На протяжении столетий своей истории ВКЛ сохраняло полиэтничный характер, но было при этом государством в основном славянским и православным [Кудий, с. 2]. Восприятие ВКЛ в отечественной исторической и политической мысли как минимум с середины XVI в. определялось масштабным противостоянием двух политических систем — Москвы и Литвы, соперничеством двух различных государственных моделей, нацеленных на собственное видение

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzel1000@gmail.com.*

политической организации пространств Восточной Европы. Утвердившийся с началом эпохи Ивана IV «москвоцентризм», как универсальный подход к осмыслению национального прошлого, позднее восторжествовал не только в официальных апологиях российского «самодержавства», но и в отечественной исторической науке.

Вместе с тем дореволюционная историография оставила потомкам чрезвычайно богатое наследие изучения Великого княжества Литовского. Это стало возможным в том числе благодаря особенностям развития российской имперской модели в XVIII –XIX вв., объединившей на пике своих внешнеполитических успехов и масштабных внутренних трансформаций традиции как «московской», так и «западно-русской» политической и культурной жизни. Цивилизационный выбор Петра и его потомков, связавший тогда Россию и Европу, и превращение великорусской культуры в великую русскую культуру с ее «всемирным значением» (Ф.М. Достоевский) были осуществлены не без участия выходцев из западнорусских (русско-литовских) земель. Среди них следует отметить выдающихся просветителей, администраторов, политических и религиозных философов Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Димитрия Ростовского, Георгия Конисского и многих других уроженцев Западной Руси. Последний в череде этих неординарных исторических личностей опирался в своей деятельности на многочисленные документы, хроники и юридические акты времен ВКЛ, апеллируя к давним правам и вольностям «русского народа», что актуализировало интерес к прошлому этого государства.

Важно, что именно в конце XVIII столетия, после включения всех бывших земель ВКЛ в состав Российской империи (1795), в руки исследователей попал богатый документальный материал. Многочисленные «хартии» и «метрики» литовских великих князей отныне приобретали не столько практическое и юридическое, сколько научно-историческое значение. Уже в XIX в. вновь открытый обширный корпус исторических источников послужил основой для тщательного изучения и сравнительного анализа политической и социально-экономической истории ВКЛ с историей Москвы. Обращает на себя внимание разнообразие подходов, богатство мнений, оценок и концепций, выработанных дореволюционными исследователями при рассмотрении спорных вопросов прошлого «Литовско-Русского государства» [Дворниченко, с. 97].

Этого, однако, нельзя в той же мере сказать о советском и современном российском опыте изучения Великого княжества Литовского. В советскую эпоху общим местом стала характеристика Литвы как «государства литовских феодалов», захвативших в XIV — XV вв. западные и юго-западные русские земли и установивших на них неслыханный национальный и социальный гнет [Великое княжество Литовское].

Вопреки сформулированному еще С.М. Соловьевым принципу преемственности отечественной истории, наследие ВКЛ зачастую рассматривалось (и продолжает рассматриваться) через оппозицию «свой — чужой», а потому объявляется чуждым, обособленным от российского (и, следовательно, неактуальным) наследием, принадлежащим к иной исторической и культурной традиции. Еще более деструктивные из-

менения произошли в эпоху после крушения СССР, когда история ВКЛ была разделена по «национальным квартирам» новообразованных постсоветских государств, что привело к фрагментации и политизации исторического знания.

В то же время символическое присутствие фигур сразу трех литовских князей в композиции памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде наводит на размышления о несправедливом забвении «литовского периода» средневековой русской истории в более поздней отечественной историографии[1].

Автор этих строк смог лично убедиться в этом, когда в одном из современных изданий труда выдающегося русского историка С.Ф. Платонова (1860–1933) «Лекции по русской истории» не обнаружил в его тексте раздела «Литва». В оригинальном издании (автор использовал репринт юбилейного, десятого издания «Лекций», вышедшего в августе 1917 г.) раздел «Литва» расположен между разделами «Псков» и «Московское княжество до середины XV века», повествуя о развитии западнорусских земель в XIII — XV вв. Очевидно, современным редакторам слово «Литва» показалось иностранным, не имеющим отношения к России, из-за чего они попросту выбросили огромный пласт отечественной истории, «поправив» тем самым выдающегося дореволюционного историка и академика. Между тем, словно предвидя пренебрежительное отношение будущих поколений к его труду, в «исчезнувшей» главе С.Ф. Платонов писал: «Что касается русских ученых, то они прежде мало обращали внимания на историю Литвы, и только в последнее время развилось сознание, что Литва была государством по населению русским и что изучение ее, с точки зрения этнографической и исторической, составляет интерес первостепенной важности для русского историка. ***В Литве, история которой шла иным путем, чем история Москвы, сохранились чище и яснее некоторые черты древнерусской жизни, и русское общество в Литве осталось в своей массе верным своей народности, хотя и поставлено было в тяжелые условия жизни и развития***» [Платонов, с. 128].

Один из учителей Платонова, петербургский историк К.Н. Бестужев-Рюмин, во второй половине XIX в. предложил собственную периодизацию отечественной истории, которая опиралась на наличие двух центров государственного объединения русских земель: московского и литовского. По его словам, «Одновременно с образованием государства в Руси северо-восточной слагается государство и в Руси западной» [Бестужев-Рюмин, с. 1]. В целом этот подход разделяли многие представители дореволюционной отечественной историографии. Работу К.Н. Бестужев-Рюмина «Русская история» (1872–1885), где Литве была посвящена отдельная объемная глава, В.О. Ключевский позднее называл настольной книгой каждого русского историка [Дворниченко, с. 99].

---

1 На памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде в ряду «Государственные люди» три литовских князя следуют сразу за Ярославом Мудрым и Владимиром Мономахом. Фигуры Гедимина, Ольгерда и Витовта предшествуют фигуре Ивана III. Символично, что Микешин не поместил в одном ряду с Иваном III его предшественника Василия II, внука великого князя литовского Витовта, а отдал предпочтение его знаменитому деду.

Стоит заметить, что термин «Литва» применительно к российской истории до 1917 г. был прекрасно знаком не только специалистам в области изучения прошлого. Скульптор М.О. Микешин, создавая свой знаменитый монумент в Новгороде, стремился подчеркнуть вклад литовского периода в развитие самобытной государственной традиции России, недаром все три фигуры литовских князей предшествуют фигуре Ивана III, одного из главных «государственников» и объединителей Руси. Сам монумент при этом имеет форму державы, подчеркивая единство истории и политической традиции, вопреки всем сложностям и противоречиям долгого пути создания единого российского государства.

Близок был подобный подход и А.С. Пушкину, ибо мятежная «Литва» упоминается им в первых строках знаменитого стихотворения о «споре славян между собою», в полном соответствии с принятыми в его эпоху историческими и географическими представлениями о сложившейся номенклатуре названий западнорусских земель.

Разумеется, в XXI в. редакторов могли смутить не «волнения Литвы», оставшиеся в далеком прошлом, а изменившийся политический контекст и укоренившийся еще в советскую эпоху «интернациональный» подход, когда единая история России была в значительной мере разделена на историю отдельных союзных республик. Наследуя эту традицию, и сегодня отечественная история часто выступает в роли «истории РФ», ограничиваясь географическими рамками бывшей советской федерации.

Подобных досадных казусов можно встретить немало в современных исторических публикациях. (Вспомнить хотя бы внезапное исчезновение со страниц учебников и научных изданий термина «Киевская Русь», также введенного в научный оборот российскими кабинетными историками XIX в.) К сожалению, политическая конъюнктура никогда не сказывалась благоприятно на качестве исторического исследования, эта максима давно и хорошо известна (подобно принципам средневековой университетской науки, она не содержит в себе «ничего нового»). Печально, когда находятся исследователи, готовые закрыть на это глаза.

Возникает вопрос, какие же черты «древнерусской жизни» удалось разглядеть в литовском государстве XIII — XV вв. С.Ф. Платонову. Помимо древнерусского языка, русской культурной традиции и Православия, он имел в виду исторически сложившуюся социальную организацию и древнерусское право, которые продолжали действовать в ВКЛ и после перехода русских земель под власть литовского князя.

«Русский» характер ВКЛ подчеркивали многие исследователи — коллеги и современники С.Ф. Платонова, в том числе М.К. Любавский, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.В. Довнар-Запольский [Любавский, с. 1; Владимирский-Буданов, с. 54-55; Довнар-Запольский, с. 12-13].

Все они обращали внимание на особый характер отношений, которые сложились между великокняжеской властью в ВКЛ и местными элитами. Хрестоматийными стали

слова литовских великих князей, обращенные к русской знати: «Мы старины не рухаем, а новин не уводим», что подчеркивало приверженность литовской династии прежним политическим порядкам и древнерусским правовым традициям.

По словам ученика В.О. Ключевского, ректора Московского университета М.К. Любавского, Литовская Русь «была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся со своих жизненных устоев» [Любавский, с. 1].

В XIV в., в княжение великого князя литовского Гедимина (1316–1341), его сыновей Ольгерда (1345–1377) и Кейстута (1345–1382), ВКЛ постепенно расширило свои владения, трансформируясь из незначительного феодального княжества в огромное восточноевропейское государство.

Сохраняя автономию и иммунитетные права местных русских элит, литовские князья смогли присоединить волынские, витебские, турово-пинские, киевские, переяславские, подольские, чернигово-северские земли, заявляли о своих претензиях на Новгород и Псков. В 1358 г. в беседе с послами императора Священной Римской империи Карла IV Люксембургского великий князь Ольгерд открыто заявил о своей политической программе: «Вся Русь должна принадлежать Литве» [Сергеев, с. 23].

Впечатляющие успехи потомков Гедимина по расширению территории Великого княжества Литовского в XIV в. вызваны прежде всего взаимовыгодным союзом литовской знати с высшим классом древнего русского общества — местным боярством. Не имея опоры среди этого влиятельного и многочисленного класса, подчинившего себе политическую жизнь русских земель еще в «удельную» эпоху, Вильно едва ли удалось бы стать центром обширного восточноевропейского государства.

При внимательном изучении обстоятельств присоединения к ВКЛ Киева, Витебска, Волыни, Чернигово-Северской земли, Смоленска и других русских областей становится ясно, что боярство сыграло в этом значительную роль [Довнар-Запольский, с. 13].

В 1356 г. Ольгерд захватил Брянск, воспользовавшись тем, что после смерти последнего брянского князя Василия Александровича в городе начался «мятеж от лихих людей, и замятня велия», а местное боярство перешло на сторону Литвы. Сходная история произошла в 1404 г. в Смоленске (борьба за этот город шла с переменным успехом еще с 1390-х годов), где смоленский князь Юрий Святославич бежал в Москву, а бояре открыли ворота и сдали город осаждавшему его Витовту. «Бояре-изменники великому князю Юрию Святославичу Смоленскому, — лаконично сообщает по этому поводу летописец, — отворили Витовту город Смоленск» [Лицевой летописный свод...].

По словам Н.М. Карамзина, «Полки Литовские без малейшего сопротивления вступили в крепость, обезоружили воинов, взяли некоторых верных Бояр под стражу, впрочем не делая жителям никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. [...]

Витовт, заняв всю Смоленскую область, везде определил своих чиновников, [...] но гражданам и сельским жителям даровал особенную льготу, желая отвратить народ от Юрия и привязать к себе: в чем успел совершенно и чрез несколько лет в кровопролитной с Немцами битве, где более 60000 человек легло на месте, одержал победу единственно храбростию верных ему Смоленских воинов. — Таким образом, взяв древний город Российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт благоразумною политикою утвердил его за Литвою на 110 лет и тем заключил ее важные присвоения в России» [Карамзин, с. 180-181].

Смоленские события 1404 г. стали кульминацией продвижения литовских границ на восток. Уже в 1408 г. граница между ВКЛ и великим княжеством Московским была установлена на р. Угре. К началу XV столетия литовские князья Ольгерд, Ягайло и Витовт, удачно используя местные княжеско-боярские противоречия, смогли настолько расширить пределы литовско-русского государства, что его территория простиралась от Балтийского до Черного морей, причем до 9/10 ее составляли русские земли, преимущественно населенные восточнославянским (русским) населением. Древнерусский язык в его западном варианте («простая мова», «руска мова») стал языком не только русских областей от Берестья до Ржева и от Полоцка до Чернигова, но и значительной части литовской знати. Первые литовские князья охотно женились на православных княжнах из северо-восточной Руси и сами принимали Православие. Так, сын Ольгерда и тверской княжны Иулиании литовский великий князь Ягайло до перехода в католичество в 1386 г. носил православное имя Яков, а Витовт вообще был крещен трижды, причем во второй раз, в 1384 г., — по православному обряду под именем Александр.

Во времена Ольгерда, Ягайло и Витовта русские земли ВКЛ еще не испытывали явного национального или религиозного гнета, не было и попыток ломки устоявшегося уклада политической жизни. Старые права территорий и городов подтверждались великокняжеской властью, политика Вильно заключалась в мирном урегулировании процессов поглощения новых земель и административного управления обширными русскими территориями. Все основные рычаги власти на местах оставались преимущественно в руках православной знати, причем наибольшие выгоды от подчинения литовскому князю приобретало местное боярство. Подтверждение давних привилегий, раздача новых земельных пожалований крепко привязывали боярство к интересам литовской великокняжеской династии.

Главным и наиболее важным для боярства преимуществом было освобождение боярских земель от уплаты государственных налогов («посошное»). Так, в «записи о Смоленской посощине» 1453 г. раскрывалась общепринятая в ВКЛ правовая практика, утвердившаяся еще в более раннюю эпоху:

«То старина за Витовта была, поведают стары старцы и путники старыи: з отчин боярьских не давана посощина, и тож с купли, хто што купит отчину боярьскую, и с того тож не давана посощина; а што приданье великого князя Витовта, или иных великых князей, и с того давана посощина. А також, кому дасть великый князь пустовщину,

селище посощинное, а служба будеть одна была с того селища, и сядет сам боярин на том селищи, и людей што за собою посадит на том селищи: с того господарю конем служит и на приезд конь дает, а посощины и с тых людей не дает. А приймет ли другое селище, с которого посощина хоживала, а посадит человека: с того дает посощину; а што будет лес тогож селища николи не пахыван, и тот лес роспашет и посадит людей: и с тых людей нет посощины» [Акты, относящиеся... с. 69] .

Как заметил в комментарии по поводу другого правового акта эпохи Витовта редактор и издатель «Вестника Европы» (1827) М.Т. Каченовский (один из пионеров российского источниковедения и археографии), «Для нас вот любопытная сторона документа: в нем видим мы язык Русский, употребительный в канцелярии могущественнейшего из Литовских государей; видим подчерк и форму диплома, принадлежащие, может быть, четырнадцатому столетию. И по одному ли языку История Литвы для нас любопытна? Она имеет тесную, неразрывную связь с Историей собственного отечества нашего, и одна для другой служит объяснением» [Вестник Европы].

Соглашаясь с глубоко верной мыслью М.Т. Каченовского о взаимосвязи и общих корнях литовской и русской истории, следует заметить, что период рубежа XIV–XV вв. представляется ключевым для понимания дальнейшего политического развития Москвы и Литвы. Именно к этому времени относятся главные достижения литовских князей по расширению границ ВКЛ на восток, и тогда же происходит наибольшее сближение этого государства с Московским княжеством. ВКЛ активно формирует свои государственные институты, двигаясь в сторону унификации управления своими полиэтничными территориями и укрепления власти великого князя. Великий князь литовский Витовт уже не довольствуется одним лишь расширением границ ВКЛ. Он решительно упраздняет местные княжения в Подолии, Киеве, Витебске и Брянске, что приводит к усилению литовского влияния в этих землях и повышению роли и политического значения великокняжеской власти. Он вмешивается в дела Новгорода и Пскова, заключает договоры с князьями тверским, рязанским и пронским. Пользуясь благожелательным нейтралитетом Москвы, он захватывает Смоленск и сокрушает своего давнего врага, смоленского князя Юрия Святославича (женатого на дочери рязанского князя Олега Ивановича, недруга московских князей). Проводя независимую политику в Новгороде и Пскове, Витовт закладывает программу действий в отношении этих двух боярских республик, актуальную на протяжении всего XV столетия. Уже в конце XIV в. становится ясно, что существование здесь вечевой формы правления мало совместимо с принципами сильной великокняжеской власти. Программу подчинения Новгорода и Пскова зарождающемуся централизованному государству в будущем блестяще выполнят московские великие князья.

Сходные процессы консолидации земель вокруг нового центра и укрепления великокняжеской власти происходят на рубеже столетий и в Москве. Путем «примыслов» и «прикупов» князья постепенно расширяют свой московский удел, их владения медленно вклиниваются в территории соседних княжеств и свободные земли новгородцев. Великий князь Василий I, сын Дмитрия Донского, приобретает ярлыки на княжение

в Нижнем Новгороде, Муроме и Тарусе, подчиняет Великий Устюг, контролирующий стратегически важный речной путь по Северной Двине в Поморье. В 1397 г. под власть Москвы временно переходит обширная Двинская земля, принадлежавшая Великому Новгороду. И ВКЛ и Московское княжество в конце XIV в. бросают вызов Золотой Орде — со времен Дмитрия Донского и Куликовской битвы в духовных грамотах московских великих князей появляется универсальная формула: «А переменит Бог Орду», выражавшая надежду на скорое избавление от золотордынского ига.

В противовес известной историографической тенденции, выводящей российскую государственность из эволюции политических и административных практик «улуса Джучи», следовало бы обратить внимание на другую политическую традицию, сформировавшуюся в XIV в. к западу от Москвы. Вклад Литвы в формирование российской государственности до сих пор недооценен. Между тем поистине революционным сегодня могло бы прозвучать открытие М.В. Довнар-Запольского, сделанное еще 120 лет назад: русское влияние в ВКЛ было не только хронологически более ранним, но и по своему воздействию на государственность более значимым, чем польское. Главная же особенность Литвы — в раннем проявлении государственных начал в противовес частно-правовым, вотчинным порядкам и «земскому строю русских областей» [Довнар-Запольский, с. 7–8].

В итоге два возникших государственных центра, опираясь на государственно-правовые и частно-правовые начала, органично дополняли друг друга. В конце XIV столетия Москва и Литва возглавили центростремительные процессы политического объединения земель на обширном пространстве восточнославянского мира, причем на определенном этапе можно говорить не столько об их соперничестве, сколько о кооперации.

Генетическая близость двух славянских государств лучше всего просматривалась на уровне элит. Их взаимопроникновение и взаимовлияние в значительной мере определяли особенности политической организации и персональный состав политического класса как в Москве, так и в Вильно. Многочисленные привилегии для боярства существовали и в ВКЛ, и в великом княжестве Московском (в последнем на землях церковных и светских феодалов позднее возникнут знаменитые «белые слободы»), что еще больше сближало боярский класс этих двух государств. Свободное перемещение боярства, переходившего на службу от одного государя к другому, также было фактором, приводившим к «стиранию границ». Сами же эти границы никогда не были устойчивыми и постоянными.

Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Донского с его братом Владимиром Андреевичем Серпуховским 1388 г. зафиксировала право боярского отъезда, многократно повторяемое затем в документах эпохи: «А Бояром и слугам межи нас вольным воля» [Собрание… с. 57]. Боярство широко пользовалось этим правом.

На стороне Дмитрия Донского в Куликовской битве участвовали литовские князья — сыновья Ольгерда Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. засадным полком,

решившим исход битвы, командовал воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, которого некоторые исследователи относят к потомкам Гедимина (указан в документах первым среди московских бояр с 1372 г.).

Историки отмечают взаимовыгодный характер союза боярства и великокняжеской власти. По меткому замечанию В.О. Ключевского, «боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами» [Ключевский].

На рубеже XIV–XV вв. немало потомков Гедимина и других литовских князей сознательно избирали великое княжество Московское своим новым отечеством. Обосновавшись в Москве, Гедиминовичи стали второй по знатности после Рюриковичей княжеской династией. Практически все они вошли в состав боярства — русской высшей аристократии и с XV в. играли видную роль во многих событиях общерусской истории. Гедиминовичи стали основоположниками известных российских княжеских родов: Голицыных, Куракиных, Хованских, Полубинских, Трубецких, Патрикеевых, Волынских, Мстиславских, Булгаковых и многих других.

В июле 1408 г. в Москву на службу к великому князю Василию Дмитриевичу приехал литовский князь Свидригайло (сын Ольгерда и тверской княжны Иулиании). Как сообщает Воскресенская летопись, вместе с ним прибыли Брянский владыка Исаакий, братья князья Патрикей и Александр Федоровичи Звенигородские, князь Федор Александрович Путивльский, князь Семен Иванович Перемышльский, князь Михаил Иванович Хотетовский, князь «Урустай Менский» со своими дружинами, а также черниговские, брянские, стародубские, любутские и рославские бояре[1].

Наблюдалась и обратная тенденция, когда конфликты с великокняжеской властью вели к «отъезду» наиболее знатных представителей боярства из северо-восточной Руси в Литву. Свободное перемещение боярских сил между Москвой и Литвой было для XIV–XV вв. абсолютно рядовым и легко объяснимым явлением. Между двумя государствами практически отсутствовали языковые различия, в них действовало обычное древнерусское право, социальные отношения и социальная организация общества были во многом схожи. Литовские князья и бояре, прибывая в Москву, немедленно получали щедрые земельные пожалования и вливались в состав русской аристократии. То же происходило и в ВКЛ. Судьба упомянутых выше соратников Дмитрия Донского — героев Куликовской битвы, погибших спустя 19 лет в битве на Ворскле (1399), сражаясь под знаменами Витовта, является достаточно яркой иллюстрацией такой «свободы службы».

В начале XV столетия, подчиняясь общим тенденциям политической консолидации земель на обширном пространстве восточнославянского мира, ВКЛ и Москва объеди-

1 Ряд исследователей напрямую связывает отъезды князей из ВКЛ в Москву с централизаторской политикой Витовта [см. Гудавичус, с. 212].

няются на основе взаимных стратегических интересов в тесный военно-политический союз, укрепленный династическими связями. Первым шагом к такому сближению послужил брак дочери Витовта Софьи и московского великого князя Василия Дмитриевича в начале 1391 г. Это был тщательно обдуманный династический союз, заключенный при участии церкви и литовского княжеского двора, который имел далеко идущие политические последствия. Помолвка Софьи Витовтовны с наследником московского престола состоялась летом 1387 г. после побега Василия из Орды в Москву через земли ВКЛ. Софья прибыла в Москву в декабре 1390 г. и 9 января 1391 г. обвенчалась с Василием «в соборной церкви».

За этим браком, заключенным по инициативе митрополита Киприана, убежденного сторонника русского духовного единства и борьбы с Ордой, последовал новый союз. В июне 1392 г. родная сестра Василия Дмитриевича Мария была выдана за князя Семена-Лугвения, который позже стал играть значительную роль в восточной политике Витовта [Беспалов, с. 139][1].

Василий I и его княгиня много раз встречались с Витовтом в пограничном Смоленске, причем московский князь не оказывал никакого противодействия намерениям Литвы подчинить этот город своему влиянию. Скорее наоборот, связанный родственными связями с Рязанью смоленский князь Юрий Святославич вызывал в Москве и Вильно одинаковое раздражение. Рязанский князь Олег был давним недругом московских князей. Известно о его участии в переговорах с Мамаем накануне Куликовской битвы в 1380 г.; во время нашествия Тохтамыша в 1382 г. именно он указал ордынцам броды на р. Оке. Заключенный после 1385 г. при посредничестве Сергия Радонежского мир между Москвой и Рязанью оказался далеко не прочным. В конфликте смоленского князя Юрия Святославича с Литвой Олег выступал с антилитовских и антимосковских позиций, что сближало интересы Вильно и Москвы.

Тверская летопись сохранила уникальные отголоски одного из договоров между Василием I и Витовтом, не дошедшего до наших дней. Согласно ему, московский князь обещал тестю «не вступати ся в Смоленескъ за Юріа никакым деломъ» [Там же]. Итогом стала ликвидация института смоленского великого княжения в 1404 г., Смоленск перешел под власть Витовта, и здесь отныне правили литовские наместники. Рассматривая эти события (как и роль в них Василия I) не через идеологему «захвата русских земель литовскими феодалами», а с учетом множественных граней происходивших тогда процессов, можно прийти к неожиданным выводам.

Объективно ликвидация самостоятельного княжения в Смоленске (а также в Черниговской земле, подконтрольной Витовту) была в определенном смысле на руку как

1 Сын Ольгерда, брат Ягайло. В 1408–1411 гг. — предположительно наместник Витовта в Смоленске. В 1410 г. командовал смоленскими хоругвями в Грюнвальдской битве. Позднее правил в Мстиславле. В эти же годы дочь Василия I Анастасия стала женой литовского князя Александра (Олелька) Владимировича, внука литовского великого князя Ольгерда.

Вильно, так и Москве. Институт наместников гораздо лучше отражал стремление великокняжеской власти к укреплению своих позиций и более соответствовал реальной на тот момент расстановке политических сил. Существование нескольких самостоятельных великих княжений в обширной «буферной» зоне между ВКЛ и Москвой выглядело на фоне укрепления этих двух государств анахронизмом. Недаром сам князь Юрий Смоленский предлагал Василию I забрать его владения под власть Москвы (от чего Василий дипломатично отказался, «норовя тестю своему, Витовту») [Супрасльская рукопись... с. 136].

Тонкое и верное наблюдение о характере конфликта между Юрием Смоленским и Витовтом принадлежит М.В. Довнар-Запольскому. В 1401 г., когда Юрий и Олег Рязанский осадили Смоленск, защищаемый литовскими войсками, в городе произошла «замятня» великая, одни «хотѣли взяти собе *государемъ*Витовта, а другіе хотѣли князя Юрія, *отчича*» [Довнар-Запольский, с. 19]. На стороне Витовта был, таким образом, стратегический, государственнический подход к объединению русских земель, а на стороне Юрия — отживший свое прежний вотчинный правовой порядок.

Укрепление политического влияния Московского и Литовского великих княжеств в Чернигово-Северской земле также не случайно относится к рубежу XIV–XV вв. и подробно описано в исторической литературе [Беспалов, с. 146–148]. Василий I в начале XV в. овладел Козельском, который он передал своему дяде, князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, а тот, в свою очередь, сыну Ивану. Более того, после смерти Олега Рязанского (1402) и бегства его зятя Юрия Смоленского в Новгород (1404) Рязанское княжество оказалось в русле московской политики. Новый великий князь Федор Ольгович Рязанский был женат на родной сестре Василия Дмитриевича, Софии. Он заключил с московским князем союз и полностью подчинился воле Москвы в отношениях с Литвой. Договорная грамота 1402 г., написанная по благословению митрополита Киевского и всея Руси Киприана, заканчивалась словами: «А въсхочетъ съ тобою тесть мой Князь Великы Витовтъ любви, ино тобѣ съ нимъ взяти любовь, со мною по думѣ, какъ будетъ годно» [Собрание... с. 67].

В итоге Смоленск и Рязань окончательно попадают в орбиту влияния Вильно и Москвы: смоленское великое княжение ликвидируется Витовтом, рязанское оказывается целиком в русле московской политики. Многочисленные феодалы в Чернигово-Северской земле не могут более ориентироваться ни на Смоленск, ни на Рязань, оказавшись между Москвой и ВКЛ. Самостоятельные центры силы в этом регионе исчезают. Если вспомнить, что в 1393 г. Василий Дмитриевич получил контроль над Суздальско-Нижегородским великим княжением, можно заключить, что политические программы московского князя и Витовта были во многом схожи.

Что же касается строптивых новгородцев, то для них у Василия I и Витовта были приготовлены особые и весьма убедительные аргументы. Витовт опирался на текст договора с магистром Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингеном от 12 октября 1398 г., согласно которому орден обязывался помогать литовскому князю в подчинении Новгорода

в обмен на Жемайтию. Витовт, со своей стороны, должен был содействовать приобретению орденом Пскова. Так как Василий Дмитриевич развязал Витовту руки в новгородских и псковских делах, перспектива скорого ограничения новгородской «вольности» выглядела для этой боярской республики по-настоящему пугающей и серьезной.

Отношения Москвы и Вильно при Василии I не испортил даже короткий период военного противостояния в 1406–1408 гг., который историк Р.А. Беспалов вполне справедливо относит к разновидности «семейного спора». Поводом к нему послужила попытка Витовта добиться выдачи своего давнего соперника князя Юрия Смоленского, укрывшегося в Новгороде. Устранение причины спора (внезапная смерть князя Юрия в Золотой Орде в 1407 г.) помогло быстро восстановить союз Москвы и Литвы. Мирные отношения Литвы с Новгородом были восстановлены летом 1407 г. когда наместником в этот город был направлен князь Семен-Лугвений. С этого момента конфликт Витовта с новгородцами был исчерпан.

В 1408 г. Витовт и Василий I заключили мирный договор. По словам С.М. Соловьева, мир с Литвой установил новую границу между Литовским и Московским княжествами по р. Угре. «Витовт был сдержан: после мира на Угре, во все остальное время княжения Василиева, он не обнаруживал больше неприятельских замыслов ни против Москвы, ни против Новгорода и Пскова» [Соловьев, с. 519].

В отличие от периода ожесточенной военно-политической конфронтации 1360–1370 гг. в эпоху великих князей Ольгерда и Дмитрия Донского в отношениях между Москвой и Литвой при Василии I наступил долгожданный мир. В конечном итоге он оказался важным условием укрепления могущества Москвы и ее политического влияния в соседних русских землях. Мирное сосуществование двух государств продлилось феноменально долго для позднего средневековья — почти 80 лет (1408–1487).

В Восточной Европе к концу правления Василия сложилась уникальная ситуация, когда значительная часть русских земель оказалась в семейном владении двух государей — Витовта и его зятя Василия I, что нашло отражение в духовных грамотах московского великого князя. Стратегически важный союз с Литвой Василий I стремился передать своим потомкам по наследству, видя в нем фактор стабильности и укрепления могущества Московского княжества. «Пролитовский» характер первого завещания Василия Дмитриевича (1407) отмечает современный российский историк В.А. Кучкин [Кучкин, с. 35]. Так, 13 из 22 статей завещания были посвящены правам великой княгини Софьи Витовтовны, защите ее интересов и огромных владений, раскинувшихся от «Устюга, Курмыша и Нижнего Новгорода до Вологды и Бежецкого Верха, концентрируясь близ Москвы, Ростова, Переяславля, Юрьева, Костромы, Мурома» [Там же]. Все последующие завещания великого князя (всего их было три, что является уникальным случаем среди потомков Дмитрия Донского) также учитывали литовские интересы.

Статья 22 второго завещания Василия Дмитриевича предоставляла право Софье Витовтовне (а не ее сыну Василию — будущему Василию II Темному) удерживать у себя

ордынскую дань: «А перемѣнитъ богъ Орду, и кнѧгини моѧ емлет ту дань собѣ, а с(ы)нъ мои, кнѧзь Василеи, не вступаетсѧ» [Там же]. За великой княгиней пожизненно закреплялись пожалованные мужем владения, как традиционно принадлежавшие супругам московских великих князей (некоторые из них Софье передала вдова Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна), так и новые, а также десятки волостей и сел в Московском княжестве и некоторых соседних землях. Основная часть владений составила собственный удел Софьи Витовтовны, при ней окончательно оформилась его территориальная и административная структура. В уделе великая княгиня обладала всей полнотой административно-судебных и финансовых полномочий: «а Волостели свои и тиуны и доводщики судитъ сама» [Собрание... с. 84].

Витовт выступал гарантом завещаний Василия I, они были заверены его печатью (на завещании 1423 г. печать литовского князя является единственной). Третье завещание Василия Дмитриевича, по мнению В.А. Кучкина, было по сути адресовано «только “брату и тестю” — обладавшему большим экономическим, военным и политическим потенциалом литовскому великому князю Витовту» [Кучкин, с. 53].

Если принять во внимание важное наблюдение, сделанное еще в дореволюционной историографии, о зарождении государственного аппарата в великом княжестве Московском из вотчинного управления, то становится понятной роль огромных «семейных владений» Василия I и великой княгини Софьи Витовтовны. Помимо великого княжения владимирского и московского удела Василий I передавал своим наследникам обширные вотчинные владения. Понятия «великое княжение» и «удел» четко разделялись в феодальную эпоху, и сами великие князья проводили строгую грань между ними в своих духовных грамотах. Великое княжение официально оставалось Владимирским, даже в эпоху Ивана III в титуле великого князя Владимир стоял выше Москвы. Исторически стольный город великих князей московских — это Владимир на Клязьме. Обладание великим княжением Владимирским зависело от воли хана Золотой Орды, именно оно означало политическое верховенство московских князей среди земель северо-восточной Руси. Василий I в первом и третьем завещании пишет о нем с особой осторожностью: «А даст бог сыну моему великое княженье» (московским же уделом он обладает безусловно). И только во втором завещании неожиданно благословляет сына своей «вотчиной» — великим княжением, применяя тот же принцип, которым он руководствовался при передаче наследникам своих московских владений.

Из вотчинных институтов сформировались позднее, на протяжении XV–XVI вв., органы управления централизованного Российского государства. Структуры вотчинной администрации стали зародышем будущего государственного аппарата, а идеологическим наполнением сильной великокняжеской власти стало стремление к ее сакрализации и укреплению политического суверенитета.

Последнее полностью укладывалось в политическую программу московских и литовских князей, реализуемую лично Василием I и Витовтом. Эта программа нашла отражение в завещаниях московского великого князя и других документах эпохи. Если

Василий I благословил сына Василия «своею вотчиною, великимъ кнѧженьемъ, чѣмъ мѧ бла(го)словилъ мои от(е)ць» (искусно сочетая государственный подход и московский вотчинный порядок), то литовский великий князь в начале XV в. вознамерился даже примерить на себя королевскую корону [Собрание… с. 81; Барбашев, с. 238]. Можно отметить равное внимание обоих правителей к государственно-правовым началам в жизни земель западной и северо-восточной Руси, к идее сильного централизованного государства. Эти начала были переданы по наследству Василием I и Витовтом своим потомкам и позднее окончательно восторжествовали в великом княжестве Московском.

По завещанию великого князя Василия Дмитриевича 1423 г. великое княжение и московский удел должны были перейти к его малолетнему сыну Василию. При нем до совершеннолетия создавался своего рода регентский совет. Своего сына великий князь «приказал» жене Софье Витовтовне и ее отцу, великому князю литовскому Витовту: «А приказываю сына своего князя Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тѣстю великому князю Витовту, какъ ми реклъ, на Бозѣ и на нѣмъ […] и своей братьѣ молодшей» [Собрание… с. 85]. Именуя Витовта своим «тестем и братом», Василий Дмитриевич подчеркивал равенство двух государей, Витовт становился основным гарантом завещания, что в феодальную эпоху имело огромное значение.

Сразу после смерти Василия I 27 февраля 1425 г. реальная власть в Москве перешла в руки новых честолюбивых правителей — вдовы, великой княгини Софьи Витовтовны, и энергичного митрополита Фотия, тесно связанного с Витовтом. Разразившийся вскоре конфликт между малолетним Василием II и его дядей, галицким князем Юрием Дмитриевичем, за великое княжение (последний опирался на собственную трактовку завещания Дмитрия Донского, что стало началом междоусобной войны) только усилил позиции Витовта. Молодому князю Василию II приходилось уповать на помощь душеприказчиков отца, поэтому на Рождество 1426 г. митрополит Фотий решил отправиться в Литву, чтобы заручиться поддержкой Витовта и решить с литовским князем все спорные вопросы. Поездка заняла семь недель. Источники косвенно свидетельствуют, что и Софья Витовтовна посетила отца после смерти супруга. Результаты семейной дипломатии оказались крайне благоприятны для правителей Москвы и Вильно. Литовский великий князь стал de facto и de jure опекуном малолетнего Василия II и его огромных владений.

В августе 1427 г. Витовт с удовлетворением сообщал великому магистру Немецкого (Тевтонского) ордена Паулю фон Русдорфу: «…как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту» [Зимин, с. 39; Барбашев, с. 196].

Летом 1427 г. Витовт совершил большую поездку по русским землям, в ходе которой встречался со многими русскими князьями, принимал от них подарки и заключал договоры. В этот период великий князь рязанский Иван Федорович также встретился с Витовтом и заключил с ним договор («докончание»). Рязанский князь «дался … ему

в службу». Тогда же перешел на службу к Витовту и пронский князь Иван Владимирович («добил челом — дался ему на службу») [Там же]. Тверской князь Борис Александрович заключил договор с Витовтом («своим господином, дедом и многих русских земель господарем») 3 августа 1427 г. [Акты, относящиеся... с. 46].

Складывалась картина формального переподчинения самостоятельных княжеств на периферии московских владений власти литовского князя, покровителя и опекуна малолетнего Василия II. Временные трудности, которые испытывала тогда великокняжеская власть в Москве, заставляли литовского правителя предпринять превентивные шаги для ее защиты. Их целью было побудить представителей других княжеских династий (традиционно называвших московского князя «старшим братом») задуматься о прочности своего положения. Перспективы затянувшейся борьбы за московский престол тогда были еще неясны. «Опека» Витовта стала фактором, позитивно отразившимся на укреплении позиций великокняжеской власти в Москве в непростое время политической смуты, и способствовала утверждению российского единодержавия. В 1428 г. соперник Василия II галицкий князь Юрий Дмитриевич под давлением авторитета Витовта был вынужден признать себя «молодшим братом» московского князя [Собрание... с. 86].

Именно эти обстоятельства позднее позволили включить фигуру властолюбивого литовского правителя в композицию известного памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. После 1425 г. Витовт выступил фактическим опекуном будущей российской государственности, гарантом завещания Василия I, чем по праву заслужил свое место в общей истории литовско-русских земель и великого княжества Московского.

В дальнейшем, уже после смерти Витовта, тяжелейшая феодальная война в русских землях, затянувшаяся на четверть века (1425–1453), завершилась победой сторонников Василия II при благожелательном нейтралитете Литвы. В 1446 г. ближайшие соратники Василия II — князья Боровский, Ряполовские, Оболенские и др. — вынуждены были бежать из Москвы после неудавшегося заговора против временно захватившего власть Дмитрия Шемяки. Князья нашли убежище во владениях литовского князя — на Брянщине и Северщине. Осенью 1446 г. объединенные войска Василия Боровского из Мстиславля и Семена Оболенского из Брянска, получив известие об освобождении из заточения Василия II, выступили на помощь князю. Союзники приняли активное участие в его утверждении на московском престоле. Литва в конце гражданской войны 1425–1453 гг. выступила надежным тылом Василия II, позволив московскому князю восстановить свои права на великое княжение, опиравшиеся на завещание его отца Василия I Дмитриевича, зятя Витовта.

В 1449 г. Василий II и новый великий князь литовский (и король Польши) Казимир IV Ягеллон заключили мирный договор («вечное докончанье»), подтверждающий московско-литовские границы. Договор содержал обещание не поддерживать внутриполитических противников друг друга, что было важно в условиях феодальной войны.

Также Казимир IV отказывался от претензий на Новгород и Псков, признавая права Василия II на эти земли.

Хотя все московские великие князья после Василия II являлись потомками Витовта, роль западного соседа в поддержке военно-политических усилий Василия по утверждению московского единодержавия оказалась достаточно быстро предана забвению. С усилением польского влияния на Великое княжество Литовское это государство стало рассматриваться в роли экзистенциального врага московских князей, соперника в их исторической миссии собирания Руси. Более того, Литва в XV в. сама пережила масштабную феодальную войну, когда православная знать ВКЛ, объединившись под знаменем великого князя Свидригайло Ольгердовича, попыталась отстоять свои религиозные и политические права. «Свидригайловы войны» (феодальная война в ВКЛ 1432–1438 гг.) потрясли до основания здание литовского государства, казалось, столь прочно утвержденное Витовтом. Эти события затормозили процессы «собирания земель» и политической централизации. (Временное усиление феодального сепаратизма можно было наблюдать и в Московском княжестве того времени). Исторические пути Москвы и Литвы с окончанием эпохи Витовта и Василия I / Василия II окончательно разошлись.

Для понимания будущих глубоких трансформаций политического строя в ВКЛ и Московском великом княжестве следует обратить внимание на различную судьбу боярского класса в этих двух государствах. Если в Московском княжестве в XV в. боярский класс оказался консолидирован вокруг великокняжеской власти и все реже проявлял политические амбиции, то в ВКЛ наблюдалась прямо противоположная тенденция. «Свидригайловы войны» показали литовской династии, что с боярской аристократией необходимо считаться, процессы унификации управления, централизации и укрепления великокняжеской власти были заторможены[1]. Со времен великого князя Александра Ягеллона (1492–1506) великокняжеская власть была ограничена и на законодательном уровне, что предопределило будущий расцвет литовско-русской аристократии и господство «панов-рады» в политической жизни ВКЛ.

Суть дальнейшей общественно-политической эволюции литовского государства часть исследователей вполне справедливо объясняет постепенной утратой древнерусского политического наследия [Владимирский-Буданов, с. 56; Любавский с. 276]. Привилегии, которые первые литовские князья столь щедро предоставляли русским землям и их исторически сложившимся сословным группам, постепенно становятся исключительно «шляхетскими» привилегиями. Древний русский боярский класс, прежде выступавший опорой великокняжеской власти («дума добрых бояр»), эмансипируется, воспринимает католицизм и польскую культуру, трансформируясь в самостоятельную политическую силу ВКЛ. На смену «земскому строю русских областей» приходят

1 Победитель Свидригайло, Сигизмунд Кейстутович (младший брат Витовта), пал в результате аристократического заговора в 1440 г. Новый великий князь Казимир IV Ягеллон был вынужден пойти на широкие уступки боярской аристократии и в целом православному населению ВКЛ.

аристократические порядки шляхетской Польши. Землевладельцы в ВКЛ, как пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, постепенно «получают верховную власть в своих владениях [...] Наконец, и здесь паны становятся настоящими феодальными баронами в XVI и XVII веках» [Владимирский-Буданов, с. 56].

После Люблинской унии 1569 г. Литва добровольно расстается со своей политической субъектностью — литовско-русское государство превращается из крупной восточноевропейской державы в рядовую польскую провинцию.

Литература

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506. СПб. 1846.

Барбашёв А.И. Очерки литовско-русской истории XV века. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб. 1891.

Беспалов Р.А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. Вып. 12. М. 2016. С. 129–182.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. II. СПб. 1885.

Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М. 1998.

Великое княжество Литовское // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. М. 1971.

Вестник Европы. Часть 157. № 23–24. 1827.

Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб. 1868.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. I. М. 2005.

Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. С. 97–120.

Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах. Киев. 1901.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / [Послесл. В.Б. Кобрина и др.]. М. 1991.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. СПб. 1819.

Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб. 1904. — URL: runivers.ru/lib/book3102/9767/ (дата обращения: 05.09.2022).

Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб. 1908.

Кудий Г.Н. Русская Атлантида. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское в истории и русской государственности. Факты, мифы и размышления. М. 2012.

Кучкин В.А. Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (64). 2016. С. 33–54.

Леонтович Ф.И. Русская правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Киев. 1865.

Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Русь (1411–1432 гг. от Р.Х.) Книга 12. — URL: runivers.ru/lib/book6958/480116/ (дата обращения: 05.09.2022).

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М. 1915.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / [соч.] проф. С.Ф. Платонова. 10-е издание, пересмотренное и исправленное. Петроград. 1917.

Сергеев Н.М. Литовско-Русское государство: от великодержавности к польской провинции // Постсоветский материк. № 4(24). 2019. С. 19–39.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. I. М. 1813.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. IV. Княжение Василия Дмитриевича (1389–1425). СПб. 1851.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи / в благословенное царствование Императора и Самодержца Николая I, при Министре Народного Просвещения С.С. Уварове; иждивением Общества истории и древностей российских, в председательство А.Ф. Малиновского; трудами и попечением кн. М.А. Оболенского, главного смотрителя комиссии печатания государственных грамот и договоров. М. 1836.

Authors

Anton KRUTIKOV — *Historian, External Expert of the Center for Research and analytics, Foundation for Historical Outlook; bialyorzel1000@gmail.com.*

Ekaterina LABETSKAYA — *Leading Research Fellow, Section of Systemic Problems of International Relations of Department of International Political Problems, Institute of World Economy and International Relations after (IMEMO) RAS; PhD in Economics; lbtskaya@imemo.ru.*

Natalia TRAVKINA — *Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.*

Vladimir VASILIEV — *Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.*

Petr YAKOVLEV — *Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.*

Nailya YAKOVLEVA — *Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America, RAS; Ph.D. in History; nel-yakovleva@yandex.ru.*

Ladislav ZEMÁNEK — *Doctor of Philosophy, Charles University (Prague); analyst of the China-CEE Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); zemanek.ml@gmail.com.*

Abstracts and Keywords

Anton KRUTIKOV

"THE FREE WILL": THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND MOSCOW IN THE LATE 14TH TO MID-15TH CENTURIES

Abstract: *The article examines the mutual influence of elites and political traditions of the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania (GDL), as well as the dynamics of relations between the two states in the XIV–XV centuries. Referring, inter alia, to the prerevolutionary Russian historiography, the author points to Russian origins of GDL (unreasonably neglected since Soviet times) and to half-forgotten "Lithuanian" projections of medieval Russian history. At the turn of the 14–15th centuries, Moscow and Lithuania were leading the "gathering of lands" in the vast space of the East Slavic world, which allows us to speak not so much of their rivalry in this period as of cooperation. The mutually beneficial dynastic alliance of Vitovt and Vassily I determined the political history of the western and northeastern Rus' for several decades to come.*

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, GDL, Grand Duchy of Moscow, Russian statehood, Vitovt, Vasily I, Vasily II.*

Ekaterina LABETSKAYA

THE ARCTIC: THE END OF AN ALLUSION, OR THE WHITE SILENCE OF HYBRID WAR

Abstract. *The events of 2022 have definitively dispelled the myth of a conflict-free Arctic. The demarches by the other seven members of the Arctic Council (Canada, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden and the United States), preventing the implementation of the Russian chairmanship program, hardly leave any doubt that the Arctic is beeing turned into an area of hybrid war against Russia.*

We owe the allusion of the White Silence to the famous story of the same name by Jack London, together with his other works about life in high latitudes. Their leitmotif is that the Arctic does not forgive laxity. The modern Arctic (Transarctic) in all its multifaceted nature will not forgive mankind for laxity and for disturbing the fragile balance of the Circumpolar World, with its almost four million inhabitants. The author uses a spatial and system approach as well as case studies of the Trans-Arctic for the fullest understanding of its realities. Particular attention is given to the activities of a quasi-governing body, the Arctic Council, which celebrated its 25th anniversary in 2021.

Keywords: *Arctic/ Transarctic, Arctic Council, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), security, geopolitics, hybrid war, globalization, sanctions, Barents Euro Arctic Council (BEAC), strategic planning, Russia, NATO, USA.*

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV

MICROAGGRESSION — AN EMERGING MATRIX OF SOCIAL RELATIONS IN AMERICAN SOCIETY

Abstract. *The civilizational opposition between East and West, Russia and the "collective West", and especially the confrontation between two nuclear superpowers, Russia and the United States, prompts us to look at this geopolitical division from the perspective of its origins and root causes. The system of ideological and political coordinates of the Russian-American relations is dominated by the stereotypical perception that this confrontation has had a top-down orientation, reflecting an acute conflict of interests between the ruling circles of both countries. Meanwhile, the general population does not have clear and long-term anti-American/anti-Russian beliefs, so, in this pattern, value contradictions are diminishing from the top to the bottom. However, fundamental shifts in the racial/ethnic composition of American society over the past 30-40 years have led to persistent and explosive tensions within the United States. In this context, Russian-American civilizational opposition increasingly conforms to a bottom-up pattern in which "microaggressions" of social groups and new ideological movements become a significant factor in Washington's foreign policy aggressiveness.*

Keywords: *United States, microaggression(s), racial and ethnic shifts, hate culture, systemic racism, discrimination, psychological stereotypes, foreign policy aggressiveness, Russophobia.*

Vladimir VASILIEV

RUSSIA AND AMERICA IN THE 21ST CENTURY: THE LOGIC OF CIVILIZATIONAL CLASH

Abstract. *Russian-American relations are analyzed in a retrospective historical context seen as a process of progressive rapprochement of two civilizations, beginning with the establishment of diplomatic relations in 1807. The initial stages of rapprochement were largely marked by an illusory perception based on the idea of two Christian nations highly similar "in spirit". However, in the 20th century, the polarity between American and Soviet political and economic systems resulted in sharpest forms of confrontation, up to balancing, in some periods, "on the brink of a nuclear war". The collapse of the USSR in 1991 prompted euphoric expectations for rapid convergence between Russian and American societies. However, the euphoria quickly vanished as these "spiritual cores" of two types of civilizational development began to interpenetrate. The consistent historical process of Russia and America converging along the axis "civilizational periphery — civilizational core" revealed a fundamental opposition and even an antagonism of their civilizational "genetic codes". Given the imbalances in geopolitical and geoeconomic power over the past 30 years, the objective pattern of Russian-American relations has been a relationship between the "imperial center" and a "colonial periphery".*

Keywords: *Russian-American relations, Russia, USA, diplomatic relations, civilizational interactions, civilizational clash.*

Petr YAKOVLEV

RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF A CHANGING WORLD ORDER: CHALLENGES AND RESPONSES

Abstract. *Russia is experiencing an unusual economic crisis, which differs in many ways from previous economic troubles and is highly contradictory in character. According to available estimates, Russia's GDP will decrease by a maximum of 3% by the end of 2022, which is far better than alarmist forecasts. In this regard, many experts note that the Russian economy has been demonstrating "amazing stability" in crisis conditions. At the same time, it has been segmented into winners and losers. Its weaknesses include falling capital investments and shrinking real income of the population. As a result, on the one hand, the supply of goods and services is decreasing, while, on the other hand, consumer demand is reducing and the domestic market is shrinking. To respond to these serious challenges implies proposing a new model of economic growth capable of putting the Russian economy on a sustainable development track.*

Keywords: *Russia, globalization crisis, world order, conflict with the collective West, raw material orientation of exports, technological gap, Ukrainian crisis, Special military operation, anti-Russian sanctions, macroeconomic changes, search for a new growth model.*

Nailya YAKOVLEVA

NATO AFTER THE MADRID SUMMIT (TO THE 40TH ANNIVERSARY OF SPAIN'S MEMBERSHIP IN THE NORTH ATLANTIC ALLIANCE)

Abstract. *The 36th NATO Summit, held in Madrid to mark the 40th anniversary of Spain's membership in the North Atlantic Alliance, has become the starting point of a new chapter in the bloc's history. The new Strategic Concept adopted at the Madrid meeting defined the guidelines for NATO's response to the ongoing change in the world order and reflected the challenges of an escalation between the Alliance and Russia unseen since the Cold War. Henceforth, NATO's key decisions and actions are subordinated to the task to counter Moscow's policies and to provide military and other assistance to Kiev. As a result, all members of the Alliance, including Spain, have been involved in the armed conflict in Ukraine, in one way or another. The Spanish example shows that this involvement can turn against the fundamental interests of European states and exacerbate existing socio-economic problems.*

Keywords: *North Atlantic Alliance, summits, Spain, international tensions, Russia-Ukraine crisis, NATO's involvement, growth of military spending, social and economic consequences.*

Ladislav ZEMÁNEK

PERESTROIKA OR KATASTROIKA? THE RADICALISATION OF THE CZECH LIBERAL POLICIES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

Abstract: *The article addresses the restructuring of Czech foreign policy since December 2021. The author draws attention to the historical background of this process, as well as to the role of the current geopolitical agenda. The ruling liberal-democratic coalition is pursuing a radical Atlanticist policy, trying to make the Czech Republic one of the centres of the „free", „democratic" world in opposition to „autocracies". The current cabinet is striving to be recognised as the leading actor in the global enforcement of the Western conception of human rights. This could lead to such radical steps as provoking a coup in Belarus and Russia, withdrawing from the 16+1 mechanism, or recognising Taiwan as an independent state. The radical restructuring is underway despite the fact that most Czechs do not consider their country a geopolitical or civilisational part of the West. Therefore, the article pays attention to the growing attempts to formulate an autonomous policy based on a peculiar Central European identity.*

Keywords: *Czech Republic, US, China, Taiwan, Belarus, Ukraine, foreign policy, human rights, Central Europe.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»
2022
№ 3 (30)
(июль — сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2022
№ 3 (30)
(July — September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*
Дизайн-макет *Ирина Гортинская*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя: 127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.
тел./факс: +7 (495) 626-30-26